ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1959 год 2

ВОТ ЧЕМ ТЫ МОЖЕШЬ ПОМОЧЬ СЕМИЛЕТКЕ

Ты, наверное, знаешь: сталь выплавляют из чугуна.

Но вот посмотри на такие цифры.

В 1965 году намечено выплавить чугуна 65—70 миллионов тонн, а стали — 86—91 миллион тонн.

Откуда же берется «лишний» 21 миллион тонн стали?

Специалисты-металлурги отвечают:

ЭТУ СТАЛЬ ПОЛУЧАЮТ ИЗ МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЛОМА.

На металлургических заводах к лому добавляют чугун, немного руды и выплавляют сталь.

Большая часть лома, поступающего в мартеновские и электрические печи,— это отходы и стружка от металлургического производства и от обработки металла, а также устаревшее оборудование, износившиеся детали машин и станков.

НО И ЛОМУ, СОБРАННОМУ РЕБЯТАМИ, ТОЖЕ ОТВЕДЕНО ВАЖНОЕ МЕСТО.

В плане предусмотрено каждый год собирать от населения не менее 500 тысяч тонн лома. ОН НУЖЕН ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ЦЕЛОГО МИЛЛИОНА ТОНН СТАЛИ.

КАК ТЫ ПОМОГАЕШЬ СЕМИЛЕТКЕ?

СКОЛЬКО ТВОИХ КИЛОГРАММОВ СТАЛИ В ЭТОМ МИЛЛИОНЕ ТОНН?

ПИОНЕР

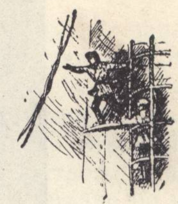
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

№ 2

В этом номере:

На вклейках:

На обложке:

Рисунок московской школьницы Анны Полещук «Зимние забавы».

XII Всесоюзная выставка изобразительного творчества детей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На трибуне Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

ПАРТИЯ ПЛАНИРУЕТ БУДУЩЕЕ

Ты, конечно, читаешь газеты... Газеты рассказывают о разных событиях. Если событие незначительное, ему отводится несколько строчек. Если важное,— полстраницы, страница, две...

Недавно наши газеты стали очень толстыми. «Правда» выходила на десяти страницах, прямо как журнал. Печатались материалы внеочередного XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза.

И не только в нашей стране, не только в Китае, Польше, Чехословакии, Венгрии, но даже и в капиталистических странах все газеты писали о том, что в Москве собрались на съезд советские коммунисты и они обсуждают семилетний план. Радио и телевидение разных государств посвящало съезду свои передачи. Люди во всем мире обсуждали дела Советской страны. Враги, конечно, старались сказать о нас что-нибудь злое, плохое, но и у них слова «съезд» и «семилетка» буквально не сходили с уст.

И это не удивительно: ведь впервые в истории о коммунистическом обществе говорили как о самом ближайшем, непосредственном будущем.

В нашей стране окончательно построен социализм и начинается новая эпоха. Вот съезд и решал, как мы будем строить коммунизм, намечал программу работ на ближайшие годы.

При коммунизме, к которому мы идем, каждый человек будет трудиться по способностям, а получать по потребностям.

Чтобы это произошло, нужно производить в изобилии и продукты, и одежду, и обувь,

и самые различные вещи и предметы, которые нужны людям, служат им. Все продумано в новом семилетнем плане.

С докладом на съезде выступил Первый секретарь Центрального Комитета партии Никита Сергеевич Хрущев. Он сказал:

«Мы решительно ставим задачу значительного повышения благосостояния советского народа».

Замечательная задача!

Вот одна цифра плана: за семилетие сто миллионов людей получат квартиры в новых домах. Вот другая: доход каждого трудящегося вырастет на сорок процентов.

Все это возможно потому, что у нас мощная тяжелая промышленность, и она будет продолжать развиваться.

Никита Сергеевич Хрущев назвал индустрию могучим конем, который несет нас к коммунизму.

Развивающаяся тяжелая промышленность станет выпускать все больше и больше автоматических станков и машин, которые и дадут богатство человеку и облегчат его труд.

Вот почему уже в течение самой семилетки можно будет сократить рабочий день до шести — семи часов и начать вводить второй выходной день.

Богаче и сильнее мы станем, не только окончательно выполнив весь семилетний план. Богаче и сильнее мы будем становиться с каждым днем выполнения плана.

Вместе с нами к светлому будущему идут страны социалистического лагеря: великий Китай, Албания, Болгария, Венгрия, народный Вьетнам, демократическая Германия, народная Корея, Польша, Румыния, Чехословакия. Полчеловечества!

Уже сегодня мы так могучи, что империалисты боятся развязать войну.

Завтра мы станем еще сильнее.

Народ утвердил семилетний план и приступил к его выполнению.

Это и твое счастливое будущее запланировал съезд! Это и тебе он дал программу работы.

Войди же в это будущее знающим, умелым, сильным. Ты будешь строить машины, растить хлеб и плавить металл, станешь своими руками создавать изобилие на земле и смело прокладывать дороги к звездам.

В зале заседаний съезда.

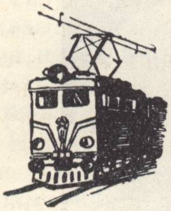
ШАГИ СЕМИЛЕТКИ

Газопроводы проложат через тайгу и пустыни • Автомашины-пассажиры • Электровоз пойдет из Москвы во Владивосток

Этот снимок сделан далеко за Полярным кругом, там, где река Ухта впадает в Печору. Здесь нашли подземные горючие газы. Отсюда по новому газопроводу, проложенному прямиком через тайгу, газ пойдет на Урал.

Двадцать шесть тысяч километров газовых магистралей предстоит проложить в этой семилетке. Стальные трубы пройдут через северные болота и песчаные пустыни, переберутся через Кавказские горы.

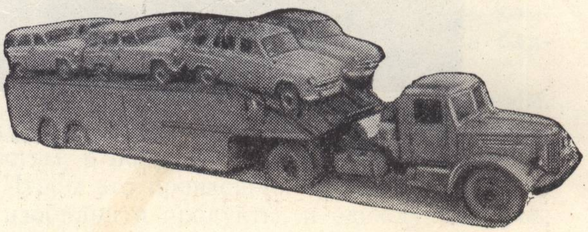

Железнодорожная магистраль Москва — Владивосток самая длинная на земном шаре. До сих пор на этой дороге поезда водят паровозы. Но к концу семилетки все паровозы будут заменены электровозами, потому что предполагается полностью электрифицировать эту дорогу.

А это значит: перевозка грузов подешевеет в три раза и намного увеличится скорость поездов. Сейчас пассажир едет от Москвы до Владивостока девять с лишним суток. Электропоезд доставит его на седьмые сутки.

Перевод на электрическую тягу этой важной магистрали идет полным ходом. Уже электрифицировано около трех тысяч километров дороги. В конце прошлого года пошли электропоезда из Москвы в Рязань, а к июлю 1960 года уже можно будет совершить путешествие на электропоезде из Москвы в Иркутск.

Новорожденные «Москвичи» пока что путешествуют в могучем грузовике с прицепным фургоном. Вы видите автомобили на верхней площадке фургона, и внутри его такие же четырехколесные пассажиры. Впереди каждого из них ждет большой трудовой путь; не одну тысячу километров предстоит им пробежать по бесконечным дорогам нашей страны.

МАЛИЦА

Анатолий **МОШКОВСКИЙ**

Рисунки В. Трофимова.

Я долго ждал в поселке оленеводческого колхоза, когда из тундры приедут пастухи. Они должны были захватить меня в стойбище. И вот они приехали. Старший пастух ушел в дом, а молодой поправлял на оленях упряжь. Я подошел к нему.

— Завтра едем,— сказал парень.— Утром. Очень рано.

— Хорошо,— ответил я.

— А в чем поедешь? В этом? — молодой ненец кивнул на мою кепку и плащ.

— Ну да.

Он засмеялся и помотал головой.

— Не возьму!

Я ничего не понимал. А он минут пять смеялся, вытирал мокрое от слез лицо, наслаждался моей крайней наивностью и, видно, очень сожалел, что был один и не с кем было разделить веселье.

— В тундру так не ездят,— наконец разъяснил он мне таким тоном, каким говорят с малышами в детском саду.— Ясно? За малицей иди.

Что такое малица, я хорошо знал. Читал о ней в книгах и видел на плечах ненцев и коми. И вот теперь выяснилось, что без этой малицы мне, как своих ушей, не видать настоящей тундры. Малицу на время согласилась дать учительница ненка. Она достала ее в кладовке и принесла в кухню — огромную из выделанной оленьей шкуры рубаху, мехом внутрь, с пришитыми к ней капюшоном — сюмой — и рукавицами.

— Примерьте,— сказала учительница,— подойдет ли...

Я стал было снимать плащ, но она остановила меня:

— Не надо. Прямо так надевайте.

Я взял тяжелую малицу в руки, гадая, с чего начинать одевание.

— Как платье — на голову,— подсказала учительница, видя мою озабоченность.

Я послушно сунул голову внутрь, накинул малицу на себя и в полных потемках стал руками разыскивать рукава. Было тепло и мягко от оленьего меха. Не помню, сколько времени барахтался я внутри малицы, отыскивая рукава. Один все-таки нашел, но второй куда-то запропастился. Голову, по идее, нужно было просунуть в узкую горловину, соединяющую малицу с капюшоном, и голова моя наконец уперлась в эту горловину, но она оказалась такой узкой, что странно было и думать, что в нее можно протолкнуть голову. Стало жарко, я чуть не задохнулся, открыл рот, и он мгновенно забился шерстью. Шерсть щекотала шею, ноздри, уши. После того как руки в конце концов выбрались наружу, они могли бы отлично помочь мне в решении главной проблемы — вывода наружу головы,— но уж слишком узкой была горловина.

Учительница между тем не бездействовала, она энергично руководила одеванием. Ее приглушенный голос — мои уши все время были туго сжаты малицей — долетал до меня извне:

— Не бойтесь. Смелее просовывайте голову. Пройдет.

И вдруг раздался смех, и я сразу понял: детский смех. Никаких ребят раньше я не видел. Очевидно, они пришли из другой комнаты, заинтересованные возней и шумом в кухне, и я доставил им не меньше удовольствия, чем молодому пастуху возле упряжки. Они, как бешеные, хохотали от всех моих безуспешных попыток протолкнуть голову. Они визжали и плакали и, по-моему, хотя в точности поручиться за это не могу, так как находился в абсолютной темноте, катались по полу. Я на миг представил себе картину всего происходящего посреди кухни, мне стало еще жарче, и, на миг разозлившись, я изо всех сил потянул вниз малицу, и голова медленно двинулась по узкой горловине. Еще мгновение, и я почувствовал удивительную легкость: голова прошла! Но все же я немножко не рассчитал: только один глаз смотрел наружу, второй же уперся в стенку капюшона.

Дом сотрясался от ребячьего хохота. Тогда учительница быстро повернула на мне малицу, и отверстие капюшона оказалось как раз против лица.

Хохот мгновенно стих. Ребята стояли с серьезными лицами, и я даже подумал, не почудился ли мне этот смех. Я выплюнул изо рта клочья серой оленьей шерсти, вытер ворсинки с губ, осмотрелся вокруг и даже позволил себе сделать несколько шагов по кухне. Малица опускалась чуть не до полу. Голову плотно сжимала сюма, и лишь глаза, нос и рот, как из водолазного шлема, выглядывали из круглого отверстия. Уши по-прежнему оставались сдавленными, и все звуки доносились до меня точно издали. Голову я поворачивал с трудом и ходил точно аршин проглотив. Учительница сказала, что в рукавицах есть прорезь и в них можно просунуть руки, что я тотчас и сделал. Во всем теле я вдруг ощутил страшную испарину. Проклятая малица, как только носят ее ненцы!

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросила учительница.

— Отлично,— сказал я и, путаясь в полах малицы, неверными шагами пошел к выходу. Никогда я еще не был таким тяжелым, неуклюжим, нескладным.

— Можете снять ее пока,— вежливо сказала учительница.— Сейчас на улице тепло. А в тундре наденете.

— Спасибо, мне не жарко,— ответил я, чувствуя, как майка прилипла к спине. Опять надевать эту малицу? Нет, с меня хватит! Буду обедать в ней, умываться, спать. Но чтоб ее снять... Нашли дурака!

Я шел по поселку с рюкзаком на плече к упряжкам. Года два назад на месте поселка расстилалась тундра, вокруг были кочки, и я спотыкался на каждом шагу. Голову повернуть я не мог и поэтому смотрел прямо перед собой и шел зигзагами. Я завидовал каждому встречному, одетому в малицу. Он представлялся мне высшим, диковинным существом, и при виде этого существа еще острее понимал я свое ничтожество. Потом пожилой ненец позвал меня пить чай перед дорогой.

Молодой пастух встретил меня улыбкой и что-то сказал,— что, я не мог разобрать: мешала меховая сюма. Я отодвинул ее от уха и переспросил.

— Теперь порядок, — повторил парень, — теперь ты настоящий тундровик...

Я вздохнул, но постарался сделать это так тихо, чтобы он не слышал.

В дороге — а ехали мы часа четыре — я так привык к малице, что почти не ощущал ее. Сюма теперь не так жала голову, и я различал звуки, ходил не только по прямой — а это уже было крупным достижением! — и даже мог оборачиваться. Я запросто прыгал на нарты, быстро подбирая под себя полы малицы, чтобы она не волочилась и не пачкалась в болотной жиже. Вспомнил я о малице только тогда, когда мы приехали в стойбище и вошли в чум.

Видно, женщины давно заметили упряжки, потому что на железной печке уже темнел чайник, печка гудела вовсю, и в чуме было так жарко, что я едва стоял на ногах. Ненцы мгновенно сбросили с себя малицы и очутились в одних пиджаках. Подражая каждому их движению, я тоже поднял малицу и стал протискивать голову. Она проходила туго, и рот опять оказался полон оленьей шерсти. И опять в чуме раздался смех. Все дети тундры точно сговорились. Я дернул малицу так, что едва не оторвал голову. Но малица не снялась.

— Ты не дергай, ты полегче, — посоветовал кто-то.

Я нажал полегче, снял, бросил ее к шестам чума и минуты две учащенно дышал. Потом опять выплюнул изо рта мех и стал отряхиваться от шерсти, потому что весь был щедро осыпан ею. Затем мы пили чай с лепешками,

ели вкусный холодец из оленины и разговаривали о том, о сем.

Кончив чаепитие, мужчины надели малицы и вышли из чума. Я с ужасом посмотрел на свою малицу. Нет, хватит! И вышел в одном плаще.

Холодный осенний ветер тянул от бесчисленных озер и речек, и я сразу почувствовал, что меня пробрало насквозь. Повернулся спиной к ветру, встал за большие грузовые нарты с высоким деревянным ларем. Но и это мало спасало. Ветер словно пронизывал. И все же я решился держаться до последнего. Через час мои руки совершенно окоченели, и пальцы нельзя было согнуть в суставах, появились кашель и насморк. И я, как обреченный, полез в чум. К счастью, в нем никого не было.

Расправив малицу так, чтобы отверстие сюмы оказалось как раз против лица, я накинул малицу на себя, предварительно плотно закрыв рот и глаза. Старая история! Руки быстро отыскали рукава, но голова... Она опять застряла где-то в середине горловины. Вдруг я услышал шаги, кто-то вошел в чум. Я сделал усилие, голова тотчас пролезла, и я увидел, что в чум вошел знакомый молодой пастух. Вечером, ложась спать, я довольно просто сдернул с себя малицу: давала знать привычка,— но все же я долго не мог уснуть, думая, что завтра утром опять придется натягивать ее.

Я старался пораньше встать, чтобы никто не видел моих мучений. Но когда я проснулся, жильцы чума, все, кроме ребят, уже были на ногах. Я поднял малицу, скрутил и шагнул из чума.

— Куда пошел? — спросил хозяин.

— Шерсть вытрясти. Больно лезет.

— Ну, иди, иди!

Здесь, у небольшого озерка, в двухстах шагах от чума, в глубокой впадине, меня никто не видел. Я расправил малицу, глотнул свежего воздуха, сунул в меховой мешок голову и, как и следовало ожидать, опять застрял в узкой горловине. Пот тек с меня в три ручья, я пыхтел, злился, скрипел зубами, работал руками и подбородком и наконец увидел свет. Но радости не было. Я сдернул с себя малицу, опять накинул и занялся продеванием головы. Надел и опять сбросил...

Через полчаса я подошел к чуму.

— Всю шерсть выбил? — спросил хозяин, и узкие щелки его глаз весело блеснули.

— Всю.

— Долгонько что-то!

— Так ведь шерсти было много.

— Худая, видно, малица. Лезет, как олень по весне.

— Худая, — согласился я.

Вот и все. В обед я мгновенно сбросил малицу, и глаза у ребят на этот раз были строги и задумчивы. После обеда я так же легко надел малицу, и мы с бригадиром поехали в стадо, которое паслось километрах в трех от стойбища. В малице было тепло, уютно, удобно, и я до сих пор уверен, что никакая городская одежда никогда не заменит этой удивительно мудрой и простой одежды тундры — малицы.

ДЕДУШКИНА ПЕСНЯ

Это было полной неожиданностью для Кольки. Он даже не поверил сразу, когда узнал от приятеля в столовой, что тот встретил в городе Колькиного дедушку. Дедушка приезжал в Нарьян-Мар несколько раз: однажды приехал проведать внука, в другой раз — в больницу полечить глаза. Зачем же он прибыл сюда в этот раз?

Не успел окончиться обед, как дедушка пришел в интернат и повел Кольку в гостиницу, где жил. Он был в старой малице, с потертым на сюме мехом; ситцевая рубаха под пиджаком была тщательно выстирана и заштопана.

— Осмотр какой-то в округе, — сказал дедушка, бросая малицу на спинку кровати. — Песню спеть вызвали.

Колька не мог удержаться, чтобы не поправить дедушку:

— Не осмотр, а смотр! Осматривают в больнице. А здесь будет смотр самодеятельности округа, выявление народных талантов.

Дедушка махнул рукой.

— Пускай смотр! Все одно...

Дедушка рассказал об отце с матерью, об оленьем стаде и знакомых собаках, охранявших это стадо. Потом достал привезенный в подарок большой кусок сырого оленьего мяса, и они тут же съели по нескольку кусочков. Ух, как было вкусно! Затем Колька сводил дедушку в кинотеатр «Арктика» — дедушка обожал кино; они смотрели там проделки Чарли Чаплина. Картина была немая, но дяденька в шляпе, с палкой и черными усиками так уморительно смешно ходил, танцевал и гримасничал, что дедушка просто помирал от хохота, корчился, сползал на пол, и Колька несколько раз втаскивал его на сиденье. А потом они расстались: дедушка пошел в свою гостиницу, а Колька — в интернат...

Мальчик накрылся одеялом, но долго не мог заснуть. Как здорово, что приехал дедушка! Его и не могли не вызвать. Кто не знает в тундре его сказок и песен? Даже на острове Колгуеве, и то знают. В толстой книге с черными бегущими оленями на обложке есть несколько дедушкиных сказок.

Дедушка пел в чуме, чуть призакрыв глаза, и забывал обо всем на свете. До утра можно было слушать, как ненцы-богатыри побеждают злых духов и быстрее молнии ездят на оленях. И под стук их быстрых копыт Колька незаметно уснул...

Смотр проходил в Доме культуры.

Колька не находил себе места. Уже с утра весь интернат знал о предстоящем выступлении его дедушки. Сидя теперь в зале, он полурассеянно слушал выступления других участников смотра. Когда же наконец выступит дедушка? Даже голова заболела от ожидания! Рядом сидели товарищи по классу. Они шептались о чем-то, но Колька был замкнут, серьезен и чуточку свысока посматривал на них.

Кто только не выступал на сцене! Девочки ненки из их школы пели грустную народную песню о реке Ханзеровой, играли на пианино «Сурка» Бетховена, плясали. И перед каждым номером к занавесу выходил мужчина в черном костюме и объявлял, что будет. А так как номеров было очень много, артисты долго не задерживались и уступали сцену другим.

Вдруг Колькино сердце упало: объявили!

На сцену, чуть прихрамывая, вышел дедушка. На нем были оленьи пимы, старый пиджак и ситцевая косоворотка. Волосы были так старательно зачесаны набок мокрой расческой — на них еще блестели капельки воды, — что Колька едва узнал дедушку. На сцене он был совсем другой, чем в чуме. От яркого света люстры он на миг зажмурил глаза и остановился, точно перед ним выросла преграда. Зал встретил его бурной овацией; невидимая преграда сразу обрушилась, и дедушка перестал жмуриться и пошел дальше. Громче всех хлопал в ладоши Колька. Впереди него сидел высокий дя-

денька, заслоняя плечами сцену, и мальчик, все время пританцовывая, приподнимался, ерзал, и сзади на него громко шикали.

Дедушка сел на стул, и по его напряженной позе Колька понял, что сидеть ему неудобно: стул был очень высок, а дедушка привык сидеть, поджав ноги, на шкурах или на низенькой скамеечке. Здесь он сидел, сгорбившись, положив на колени большие, оплетенные взбухшими венами руки и вытянув лицо острым подбородком вперед.

Зал стих. И в этой тишине раздались низкие, гортанные звуки. Почему-то показалось, что они принадлежат не дедушке, а звучат откуда-то издали, с улицы: такие невнятные и приглушенные были они. Но это пел дедушка. Лицо его словно застыло, руки не шевелились, лишь туловище слегка наклонялось то вперед, то назад вместе со стулом — Колька видел, как от пола слегка отрывались то передние, то задние ножки. И песня то нарастала, то замирала, будто покачивалась, и казалось, дедушка не сидит на сцене, а едет на оленях по бесконечной тундре, по бугоркам да кочкам, то проваливаясь во впадины, то поднимаясь на холмики, и все движения мчащихся по тундре нарт повторяет его песня.

Рядом с Колькой сидел незнакомый русский мальчик. Он все время крутил головой и спрашивал Кольку, о чем поет этот старичок, и приходилось торопливо шептать ему на ухо о могучих богатырях, об их тугих луках — не каждый натянет такой лук! — о меткости их глаза и щедрости сердца, о том, как они брали в жены самых красивых девушек тундры и ловили тынзеем сразу десять оленей... Но Колька не мог передать и сотой доли того, о чем пелось в этой песне, потому что настоящую песню никогда не перескажешь обычными словами.

— А знаешь, это мой дедушка! — шепнул Колька, не утерпев.

— Ври!

— Слово даю! Хочешь, пойдем к нему потом?

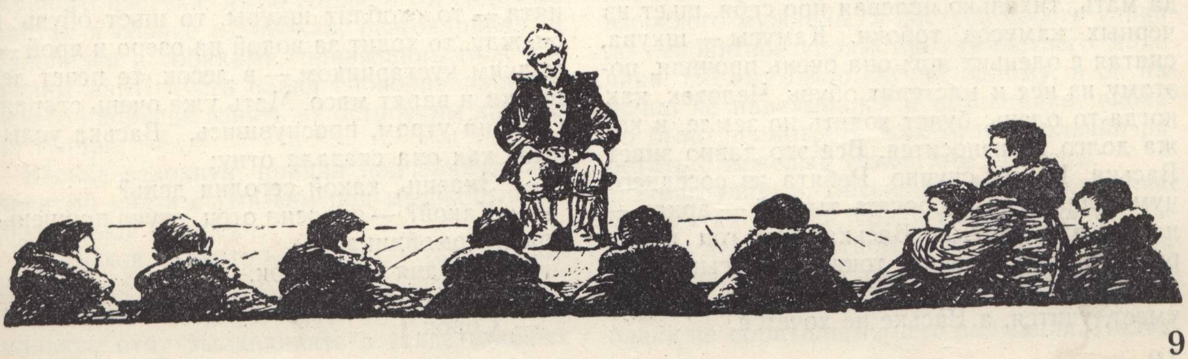
Дедушкина песня заполнила весь зал, и люди чутко слушали ее. Чуть хрипловатый и надтреснутый голос его не умолкал ни на секунду. Прошло пять минут, десять, а дедушка все пел. Колька видел, как человек в черном костюме, объявлявший номера, несколько раз порывался выйти из глубины сцены к дедушке и что-то сказать ему, наверное, что время его номера истекло. Но дедушка пел и пел. Он и не думал кончать. Да и как можно прервать песню, если она только начата! Ведь будет неясно, кто победил в поединке: храбрый Хосей или хитрый Тэнеко.

Прошло еще десять минут, а дедушка и не собирался покидать стул. Казалось, дедушку приковали к нему, и он забыл про все неудобства сидения на нем. Низкий и на первый взгляд монотонный мотив песни имел тысячи переходов и оттенков, бесконечно менялся и звучал все богаче и шире.

В глубине сцены опять появился человек с тревожным лицом. Он резко размахивал руками и что-то доказывал кому-то за сценой, кого Колька не видел. Наконец человек в черном решительно вышел на сцену и на цыпочках пошел к дедушке. Но притихший зал с таким вниманием слушал песню, что человек остановился за спиной дедушки и не решался приблизиться к нему. Колька видел, как в боковых дверях зала мелькали артисты — студенты педучилища в ярких национальных костюмах, слышал, как где-то за стеной пиликнула скрипка,— программа концерта была большая.

Дедушка по-прежнему слабо раскачивался на стуле, и по рядам зала текла его нескончаемая, как тундра, песня. Вот он провел рукой по голове, взлохматил гладко причесанные волосы и сразу стал похож на того дедушку, с которым семь лет жил в одном чуме Колька, пока не уехал в школу-интернат.

Вдруг Колька замер: человек крадущимся шагом подошел к дедушке и тронул двумя пальцами его плечо. Но дедушка не замечал

ничего. Он пел. Два пальца опять легли на его плечо, но как дедушка мог почувствовать их, если он пел о том, как храбрый Хосей на упряжке белых оленей подлетел к чуму, где жила замечательная девушка Савоне!..

Тогда человек в черном наклонился и что-то сказал ему на ухо. Дедушка улыбнулся, качнул взлохмаченной головой, поднялся. Но все еще пел свою песню. Потом он вдруг прервал ее, приветственно замотал головой залу и под оглушительный грохот аплодисментов раскачивающейся походкой тундровика пошел по сцене. Овация гремела, не прекращаясь.

Дедушка остановился, оглянулся, опять запел и двинулся к стулу, но человек в черном предупредил его: он мгновенно унес со сцены стул и крикнул, чтоб задернули занавес. Синий бархатный занавес поплыл и тяжело заколыхался перед зрителями. Дедушки не было видно, но овации не умолкали.

Колька не стал слушать других выступлений. Наступая на ноги сидящим, толкаясь о колени, учащенно дыша, разгоряченный и мокрый от волнения, он вылетел из зала и бросился разыскивать дедушку. Ведь это ему, ему так хлопали, и сейчас еще слышно, как дрожит зал от аплодисментов! Обычно он пел в чуме кучке слушателей в пять — десять человек, а сегодня его слушал весь зал: человек триста, не меньше!

Дедушку Колька нашел в комнате, где переодевались артисты. Он уже был в своей малице с потертой пыжиковой сюмой, постаревший, уставший, прежний. Лицо у него было печальное и неподвижное.

— Дедушка, ты так сегодня пел! — Голос Кольки захлебнулся, и он тронул деда за рукав. — Весь зал боялся дохнуть!

— Пел... Плохо пел,— буркнул дедушка.— Только начинал петь... В охоту входил... Лучшее-то было впереди...

— Нет, нет, ты неправ, дедушка! Тысячу раз неправ! — закричал Колька и потянул его за руку к залу.— Дослушаем концерт.

— Мясо есть пойдем,— буркнул дедушка и повернул к выходу.

Что тут можно было поделать? Колька двинулся за ним.

Наступил вечер. Они шли по широкому деревянному тротуару. Дедушка горбился, был молчалив, даже сердит. Потом они ели вкусную оленину, и дедушка не произнес ни слова. Затем он быстро разделся, кряхтя, с трудом взобрался на непривычно высокую кровать, поерзал на ней, не свалится ли, накрылся одеялом, повернулся к внуку спиной и затих.

Колька вздохнул и поплелся в интернат. На небе выступили звезды, в порту закричал пароход. Он шел, сунув руки в карманы и глядя себе под ноги. «А все же дедушка прав,— думал он,— тысячу раз прав! Разве можно обрывать песню? Уж если петь песню, так, черт подери, петь! Петь час, петь два, петь три часа, петь всю ночь напролет, пока не погаснут в небе звезды и не взойдет над тундрой солнце!»

ТРИ БЕЛОСНЕЖНЫХ ОЛЕНЯ

Летом в чуме было весело и тесно, а сейчас в нем хоть и просторно, зато очень скучно. В конце августа отец увез в Нарьян-Мар двух сестер в педагогическое училище и брата в школу-интернат, а Ваське еще рано учиться. Вот он и сидит в чуме и слушает, как потрескивает в железной печурке хворост да мать, тихонько напевая про себя, шьет из черных камусов тобоки. Камусы — шкура, снятая с оленьих ног; она очень прочная, поэтому из нее и мастерят обувь. Человек, как когда-то олень, будет ходить по земле, и кожа долго не износится. Все это давно знает Васька. И ему скучно. Ребята из соседнего чума звали его побросать тынзей — аркан — на головки нарт, но Васька еще год назад редко промахивался и точно набрасывал ременную петлю на головку; пусть, кто не умеет, учится, а Ваське не хочется.

Плохо и то, что сегодня после обеда мать уезжает в город проведать ребят. И Васька совсем останется один, потому что отец его или дежурит в стаде, или целыми днями играет в домино в соседнем чуме, а сюда приходит только есть да спать. С матерью тоже редко удается поговорить: весь день она занята — то скоблит шкуры, то шьет обувь и одежду, то ходит за водой на озеро и ярой — мелким кустарником — в лесок, то печет лепешки и варит мясо. Мать уже очень старая. Сегодня утром, проснувшись, Васька услышал, как она сказала отцу:

— Знаешь, какой сегодня день?

— Какой? — спросил отец, стуча поршеньком рукомойника.

— Сегодня мне сорок.

— Ну? — удивился отец.

— Сорок.

— Совсем ты у меня старуха... Ну, давай чай скорей!

— Сейчас, сейчас,— засуетилась мать, и Ваське стало жаль, что матери уже так много лет, что она, наверное, скоро умрет, и он слабенько всхлипнул в подушку.

Как-то Васька был в соседском чуме, когда там справляли день рождения тети Насти; дядя Сеня подарил ей большой сверток материи и звонкие синие бусы, шутил и смеялся, и у тети Насти целый день не сходила с лица улыбка. А здесь, в их чуме, как-то все не так. Васька не помнит, когда мать смеялась, шутила...

Вдруг раздался громкий шепот:

— Вась, а Вась!

Мальчик вздрогнул. В дверях стоял Степка, помахивая свернутым тынзеем.

— Чего?

— Идем побросаем... Не получается у меня что-то.

— А ну тебя! — сказал Васька.

Внезапно глаза его остановились на тынзее. Он моргнул, что-то соображая, потом оглянулся на мать, тихонько засмеялся, показал Степке язык — приятель сразу повеселел,— мгновенно влез в меховую малицу и выскочил из чума.

Он подбежал к нартам, поднял оленью шкуру, взял мотком свернутый отцовский тынзей и помчался к леску, за которым паслось огромное колхозное стадо. Степка о чем-то истошно кричал ему вслед, но Васька не слушал его.

Снег был глубокий, и, чтоб не провалиться, мальчик бежал по свежему следу нарт. Тобоки упирались в твердую корочку, оттиснутую полозьями.

Стадо паслось километрах в двух от стойбища. Олени кучками разбрелись среди редких елочек и березок, копытами выбивали ямки в снегу и, вытягивая шеи, доставали ягель. Оленей было много — тысячи полторы, а может, и все две.

По лаю собак Васька быстро нашел дежурного пастуха, дядю Андрея. Он сидел на нартах в совике и тобоках, разговаривал и баловался с собаками, привязанными к копылам нарт: пусть олени спокойно пасутся, нечего напрасно гонять их остроухим лайкам по тундре.

Васька вздохнул, принял подчеркнуто деловитый вид и с тынзеем под мышкой подошел к дяде Андрею.

— Быков ловить пришел,— сказал он серьезно.

Пастуха это не удивило. Не раз помогал мальчик отцу вылавливать в стаде ездовых быков, но еще не было случая, чтоб он пришел один.

— Почему без отца? — спросил пастух.

— В домино играет.

— Доминошник! — усмехнулся пастух и сыпанул на собак горсть снега.

Собаки взвизгнули и заплясали на задних лапах. Пастуху было скучно, и он хотел продлить разговор с мальчиком.

— А быки зачем?

— Нужны.

Васька стоял перед пастухом маленький и надутый. Перед этим большим насмешливым человеком он хотел казаться строгим и непреклонным. Но это плохо получалось. Пухлые губы его, малиновые от мороза щеки и две круглые черничины глаз смотрели отчужденно и сердито, и от этого вся его куцая, неуклюжая в длинной малице фигурка, напоминавшая медвежонка, вообразившего себя взрослым медведем, была просто потешной. Но чем сильнее хотелось рассмеяться дяде Андрею, тем серьезней и почтительней держался он.

— Хоть за разрешением пришел, и на том спасибо.

Васька молчал, крепко сжимая под мышкой тынзей, и в упор свирепо смотрел на пастуха.

— Пожалуйста, Василь Иваныч. Может, выгнать для тебя все стадо на лужайку?

— Не нужно,— сказал Васька.

— Ну, хочешь, я поймаю тебе быков, отличных быков? А то, смотри, сам не справишься, руку выкрутят.

Васька поглядел на оленей, на собак, притихших у нарт, на холодное и бесцветное зимнее небо.

— Не нужно.

— Ну, валяй! Не маленький уже. Я в твои годы свою упряжку имел. Ездовых-то знаешь?

Васька не удостоил его ответом.

Он побежал к небольшой группке оленей, а пастух остался сидеть на нартах. Он знал: ловить оленей в стаде — дело нелегкое и для взрослого мужчины, и пастуха просто удивило непонятное упрямство семилетнего мальчика. Но ему было скучно одному, и он нарочно не навязывался в помощники: забавно было посмотреть, как будет мальчик работать с тяжелым отцовским тынзеем.

Пригнувшись, Васька подбежал к группке из десятка оленей, сразу узнал ездового, белого, с черным пятном на спине,— его мальчик видал в упряжке. Васька был так мал и неприметен, что занятые добыванием корма олени не обратили на него внимания. Подбе-

жав метров на семь — иначе не добросишь,— Васька остановился, передохнул.

Белый олень, пригнув голову, копался в глубоком снегу, и ног его не было видно. Мальчик легонько свистнул. Белый вскинул голову. Васька мгновенно бросил моток тынзея; со свистом разворачиваясь в воздухе, он накрыл оленя. Рывок — и петля захлестнула

рога. Олень был ученый, смирный, привыкший к тому, что его время от времени ловят и впрягают с другими быками в нарты. Он и не пытался бежать. Не ослабляя тынзея, Васька подошел к быку. Дотянуться до рогов, чтоб снять петлю, он не смог. Пришлось потянуть за ремень. Олень послушно нагнул голову, и Васька, перекинув через его шею сыромятный ремешок, привязал оленя к кривой березке.

Ездовых быков в стаде было много, но он хотел поймать только белого, а белая масть встречается очень редко. Странное дело, но почему-то белых оленей редко учат бегать в упряжке.

Минут десять ходил Васька от одной группки оленей к другой, прежде чем заметил другого белого быка, с рыжеватой передней ногой. Подкравшись к нему, мальчик метнул тынзей — и петля задела за отросток рога. Белый закинул голову, рванулся, и петля соскользнула.

— У-у-у, черт! — Васька стал сматывать тынзей.

Полчаса ходил он за этим оленем, но тот держался настороже и не подпускал его близко. Наконец олень зашел за кустики ивняка и, верно, позабыв, что его преследуют, принялся раскапывать копытами снег. Васька подполз к нему метров на пять и швырнул тынзей.

Две передние ноги туго затянула ременная петля. Олень прыгал, брыкался, устрашающе мотал рогатой головой, но Васька крепко держал в руках конец тынзея.

Сзади раздался смех пастуха, и это придало Ваське отчаянную, ожесточенную уверенность. Он бросился к быку, схватил за холодный гладкий отросток рога, гортанно крикнул, и олень тут же присмирел.

«Ну вот еще одного, и хватит»,— подумал мальчик, привязывая его к той же кривой березке. Он постоянно чувствовал за своей спиной пастуха.

Смиренные белые быки все время убегали от Васьки, зато один огромный бык так вел себя, точно мальчика и не существовало на свете. Когда другие срывались с места и, прижав к спине рога, галопом неслись по тундре, этот, завидя Ваську, спокойно продолжал пастись. И мальчик боялся к нему подойти. Даже отец редко ловил этого быка в упряжку: до того был у него крутой нрав. «А я поймаю...— вдруг прошептал Васька и закрыл от страха глаза.— Подкрадусь, брошу получше тынзей — и поймаю. Ну, сорвется так сорвется, не затопчет же он меня!..»

Широкая петля мелькнула над быком, и вдруг он заметил ее тень и ринулся вперед. Васька дернул за ремень. Бык не успел проскочить петлю, она затянулась, туго врезалась в живот и опоясала его. «Эх, плохо! — мелькнуло в голове у Васьки.— Когда зацепишь за рога, олень не тянет так сильно и быстро устает, а когда петля перехватит живот,— плохо!»

Олень бешено хоркнул, взбрыкнул задними ногами и помчался из леска в открытую тундру.

— Стой, дьявол! Стой! — закричал Васька, едва поспевая за оленем и покрепче наматывая на руку тынзей.

Олень бежал все быстрей и быстрей. Васька споткнулся о кочку, упал в снег и поехал на животе. Улучив момент, когда ремень чуть ослаб, он снова вскочил на ноги, но тут же опять зацепился за что-то, упал, и олень потащил его на боку. В рот набился снег, его швыряло с живота на спину, с одного бока на другой. А скорость все возрастала.

«Отпущу тынзей»,— мелькнуло в голове. Но другой голос шепнул: «Нельзя, Васька, не смей! Какой же ты тогда оленевод!

И дядя Андрей смотрит...» Он опять пытался встать на ноги, чтоб упереться в кочку и удержать оленя, но подняться удавалось на одно — два мгновения, и тотчас его опять сбивало с ног, и он катился по тундре на тонком ремне, подпрыгивая на буграх, проваливаясь в ямы и лощинки. Тынзей резал руку, дергал — вот-вот совсем выдернется! Но Васька не отпускал тынзея.

Он не помнил, сколько времени волочил его так олень, только вдруг неожиданно ощутил, что дикая скачка прекратилась. Неужели тынзей оборвался и бык ушел?..

Собрав последние силы, Васька поднялся на ноги. Перед глазами все поплыло, голова закружилась, и он, не устояв, повалился в снег. Откуда-то издали, не то с неба, не то из-под земли, долетел приглушенный голос дяди Андрея.

Васька стиснул зубы и кое-как встал. Опять все закачалось, поплыло перед глазами, он зашатался и, чтоб не упасть, встал на колени. Постоял так несколько минут. Потом поднялся и огляделся.

Вот тебе и на! Тынзей совсем не оборвался. Просто олень, кружась по тундре, замотал его за куст ивы, запутался и неподвижно застыл, точно кто-то сильный и уверенный поймал его и он покорно подчинился ему.

В тот момент, когда Васька ремешком обвязывал шею быка, к нему на упряжке подъехал дядя Андрей.

Мальчик чувствовал боль во всем теле: ныли от ушибов колени и локти, ломило спину, а бока, казалось, покрылись сплошным синяком.

— Ну как, жив? — спросил пастух.

Васька промолчал. Он не был уверен, что может пошевелить губами. Он повел оленя к двум пойманным раньше, и пастух на упряжке поехал рядом.

— Садись, подвезу к чуму,— сказал он, видя, что мальчик собирается пешком вести оленей к стойбищу.— Вмиг домчимся.

— Ноги имею,— с достоинством ответил Васька.

— А для кого это ты ловишь белых? Не за невестой ли едешь?

— Ага,— буркнул мальчик.

Пастух отъехал в сторону, а Васька, сохраняя величайшую серьезность, повел оленей к стойбищу, и они, крупные и сильные, покорно шли за ним, крошечным и гордым. Там он запряг их в нарты матери, небольшие и легкие, с гнутым верхом у задка, спрятал под шкуру отцовский тынзей и пошел к чуму.

За невестой ехать ему, конечно, чуточку рановато. Просто, если один человек хочет сделать приятное другому человеку, и особенно женщине, в тундре принято впрягать в нарты красивых, стройных и крепких, одной масти оленей, и лучше всего, если они белые, белые-белые, как снег.

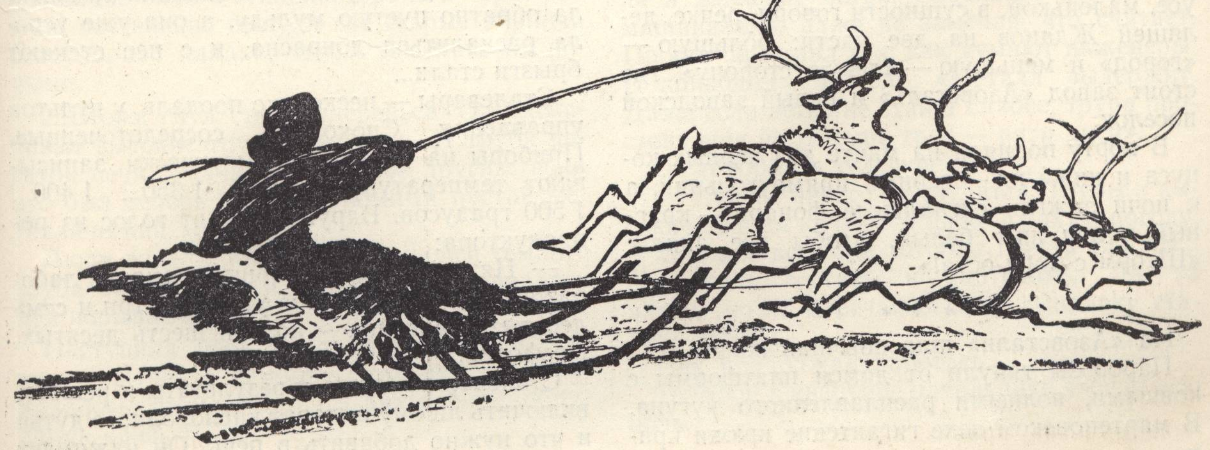
Тело еще ныло, но боль уже скорее была похожа на усталость.

Отряхнув от снега тобоки и малицу, Васька вошел в чум и сел на шкуры у окошка. Мать, все еще шившая оленьими жилами обувь, зачем-то вышла на улицу. Потом вернулась и с сияющим лицом бросилась к ящику с одеждой — собираться.

Через час пришел отец: близился обед.

— Иванко,— сказала мать отцу дрогнувшим голосом,— давно я на таких не ездила. Никогда не забуду этого!

Отец высморкался, снял с печки чайник, увидел расцарапанное в кровь Васькино лицо, стал серьезным и ничего не сказал. Обедали молча. А после обеда мать уехала к дочерям и сыну в город, уехала на трех быстроногих, на трех белоснежных оленях.

РАССКАЗЫ О СМЕЛЫХ ЛЮДЯХ

Четыре часа работы

Борис ВОЛОДИН

Рисунки В. Цельмера.

Ветер с северо-востока

К вечеру задул норд-ост; он понес по небу низкие, рваные, грязноватые тучи. Похолодало. И море и воздух стали серыми, тусклыми, словно стоял не май, а октябрь.

Ветер поднял пыль, он срывал клубы дыма с заводских труб и домен, крутил их, швырял оземь, застилал дымом глаза. С деревьев срывало молодую майскую листву. Ломались ветки. Идти против ветра было трудно.

Ветер становился крепче с каждым часом. Он поднял волны на море и даже в Кальмиусе, маленькой, в сущности говоря, речке, делящей Жданов на две части: бо̀льшую — «город» и меньшую — «левую сторону», где стоит завод «Азовсталь» и новый заводской поселок.

В порту подняли на мачте два черных конуса и ниже их — черный прямоугольник, а к ночи зажгли сигнальные фонари — красный и под ним белый, чтобы все знали: «Шторм с норд-оста!».

* * *

На «Азовстали» шла обычная жизнь.

Паровозы тянули от домен платформы с ковшами, полными расплавленного чугуна. В мартеновском цехе гигантские крюки кранов бережно подхватывали ковши и выливали чугун то в одну, то в другую из двенадцати печей цеха.

Грохоча, подкатывали загрузочные машины. Рядом с ними двигались вдоль печей низенькие платформы со стальными ящиками — мульдами. В ящиках была насыпана железная руда, навален грудами железный лом: ржавые шестерни, обручи от бочек, спинки старых кроватей... Машина подхватит мульду, сунет в пекло, где кипит, пузырится расплавленный металл, и перевернет. Три — четыре секунды — и машина выхватила обратно пустую мульду, а она уже успела раскалиться докрасна, и с нее стекают брызги стали...

Сталевары — несколько поодаль, у пультов управления. Спокойные, сосредоточенные. Приборы на пульте автоматически записывают температуру в печи: 1 350... 1 400... 1 500 градусов. Вдруг загремит голос из репродуктора:

— Пятая! Пятая! Сообщаем анализ лаборатории. В вашей пробе углерода три и семь десятых, марганца — ноль и шесть десятых, фосфора...

Сталевар выслушает результаты и решает, включить ли ему аппарат кислородного дутья и что нужно добавить в печь. Он нажимает

на рычаг, и мартеновская печь приподнимается на станинах и начинает раскачиваться. От раскачки всплывший над кипящей сталью шлак выливается в стоящие под печью ковши шлаковозов...

Наконец сталевар снимает телефонную трубку:

— Плавка готова. Давайте ковш!

Ему не видно, как на той стороне цеха, позади мартена, подползает мостовой кран с ковшом на сто пятьдесят тонн. Подполз, остановился. Крановщик сказал в телефон сталевару:

— Ковш подан!

Взревут где-то внизу моторы, огромная печь словно привстает на цыпочки. Поднимается толстая заслонка... Печь наклонилась, и вот из нее, из бушующего огня, льется в гигантский сосуд светло-золотистая ослепительная струя жидкой стали и пламени, будто в ковш переливают солнце. И сыплются, сыплются искры, крохотные крупицы раскаленного металла и, прежде чем остыть и погаснуть, по нескольку раз отскакивают, ударяясь о пол и стены цеха...

В мартеновском цехе одна из печей, десятая, не работала.

Уже несколько дней шел капитальный ремонт. Ремонтировали не только печь, но и огромную стометровую ее трубу, которая возвышалась рядом с зданием цеха.

Снаружи труба была обшита толстыми листами стальной брони. К броне прикреплены лестницы с железными переплетами ограждения, чтобы было безопаснее подниматься. На высоте сорока двух метров и еще на девяноста шести, почти на самом верху трубы,— площадки для ремонтных работ.

Вызванные на завод каменщики-трубоклады попросили прорезать на нижней площадке окно в стальной броне и через это окно постепенно вынули все старые кирпичи огнеупорной кладки, чтобы заменить их новыми.

...Шторм гнул стволы деревьев. Он раскачивал высокие трубы мартенов. И труба десятой печи закачалась сильнее других: ведь это был теперь просто огромный пустой металлический кожух.

Люди видели, как в сгущающейся темноте труба все сильнее и сильнее раскачивалась под порывами ветра.

Наступила ночь. Было жутко знать, что ветер шатает в темноте стальную махину. Казалось, стометровый гигант вот-вот обрушится вниз.

Беспокойная ночь

В квартире инженера Слепканева, начальника мартеновского цеха, беспрестанно звонил телефон. Петр Никитич вставал с постели, брал трубку и устало и немного раздраженно говорил:

— Да, слушаю. Да, Слепканев... Ничего не случится, продолжайте работать... Да, знаю. Да, видел... Я все рассчитал. Цех останавливать незачем. Не паникуйте.

А телефон продолжал настойчиво звенеть, и разные голоса тревожно твердили одно и то же: «Если труба повалится, она разрушит здание и мартены, полные кипящего металла. Она может упасть на батареи коксохимического завода. И тогда погибнут люди, которые там работают».

Железнодорожный диспетчер заявил, что из-за опасности он прекратит движение поездов, отвозивших изложницы — формы, залитые готовой сталью, и ковши со шлаком. Это значило, что должны остановиться все мартеновские печи, дважды в сутки дающие сталь.

И кто-то сидевший в конторе чуть ли не за километр от трубы испуганно кричал в трубку:

— Она падает прямо на меня! Если убьет, вы пойдете под суд, товарищ Слепканев!

Петр Никитич прислушивался к ветру, шумевшему за окном, и в сотый раз мысленно видел эту трубу. И две площадки на ней и лестницу... Он быстро подсчитывал в уме: «Скорость ветра двенадцать метров в секунду. Он дует с северо-востока... А самое слабое место в броне — прорезанное в стали окно, через которое меняют кирпич. Окно обращено на северо-запад. Угол к ветру градусов пятьдесят... Сейчас труба, качаясь, отклоняется от оси метра на два с половиной...»

Он вспоминал, какой толщины стальная броня, сравнивал силу сопротивления металла и давление ветра. Слепканев делал это машинально, даже не замечая, что считает. Просто он думал так, как думают инженеры. И приходил к выводу: «Металл выдержит. Даже если ветер не станет слабее, труба простоит еще не меньше трех — пяти дней».

Он говорил в телефон:

— Сейчас ничего не случится. Трубы и высокие здания качаются даже в тихую погоду. А сегодня все-таки шторм. Шесть баллов... Подавайте составы к мартенам!.. Да, за жизнь людей отвечаю я и за выплавку стали — тоже!

Цех продолжал работать.

Телефон в квартире начальника звонил всю ночь.

Лестница ведет в небо

Утром на заводе все говорили о трубе. Рабочие из ночной смены, которые обычно спешили домой, останавливались группками неподалеку от нее, рукавами защищая лица от ветра, подолгу смотрели вверх и переговаривались: «Ну и шатает же ее!..»

Каждый день в цехе начинался маленьким совещанием: обсуждали, сколько выдано стали за прошедшие сутки, как идет плавка. Но сегодня на совещании все время вспоминали о происшествии, и Слепканев сердился, что разговор о текущей работе все время прерывается.

Потом позвонил директор завода и сказал, что Петр Никитич должен заняться этим делом вместе с главным механиком.

Главный механик, инженер Крылов, человек спокойный и немногословный, пришел к трубе. Он набросал в своем блокноте чертежик и сказал, что лучше всего будет укрепить трубу стальными тросами-растяжками. Один конец закрепить на самой верхней площадке трубы, на стометровой высоте, другой — внизу, на земле. И тросы туго натянуть, чтобы они держали неподвижно стальную махину.

— На мертвые якоря поставим,— сказал Крылов и распорядился, чтобы двое рабочих из монтажного цеха поднялись наверх и посмотрели, как и к чему можно крепить тросы на трубе.

Слепканев сказал монтажникам: «Обождите минутку»,— снял и спрятал в футляр очки и достал из карманов плаща брезентовые рукавицы.

— И вы с нами? Не боитесь? — спросил его Шевченко, один из монтажников, курносый парень в старенькой брезентовой куртке. — А я все думаю: вот дурная штуковина! И куда ховаться, колы вона упадет? Не скажет подлая: «Я упаду мимо Шевченки!»

Он сверкнул в улыбке стальным передним зубом и стал помогать низкорослому Петру Никитичу взбираться на бетонное основание трубы.

По лестнице Слепканев поднимался медленно. Он видел над собою стоптанные каблуки кирзовых сапог Шевченко. Каблуки быстро удалялись, потом исчезли: Шевченко добрался до следующего перехода лестницы. Вверху виднелось только небо. Оно мерно двигалось то в одну, то в другую сторону. Петра Никитича прижимало к ограждению то левым, то правым боком: так ощущалась качка.

Добравшись до конца первого перехода, Слепканев пережидал, пока утихнет одышка, и полез выше. А на нижней площадке он подошел к прорезанному в стальной броне окну, через которое залезали внутрь верхолазы-каменщики, чтобы разбирать старую кладку. От углов окна по стали шли трещины.

«Сдает металл, — подумал Слепканев, — края надо укреплять. Приварить рамку...»

Люди бывают всякие

Работа началась. Поблизости от трубы вырыли четыре ямы. Заводской паровоз подтянул платформу с огромными бухтами толстого троса и стальными изложницами. Кран уложил изложницы в вырытые углубления.

Каждая из них с металлом, ее наполняющим, весила двадцать пять тонн. Они-то и должны были стать якорями, своей тяжестью удерживать трубу на натянутых тросах.

Потом сняли с платформы тросы и раскатали их на земле неподалеку от трубы. Подтащили поближе электрическую лебедку.

Подготовку закончили около четырех часов дня.

Бригадир верхолазов из треста «Домнаремонт», тех, что работали на ремонте трубы, сказал с ухмылочкой главному механику:

— При такой качке техника безопасности разрешает не работать. Но мы специалисты и можем войти в положение. — Глаза у бригадира забегали. — Мы работники не ваши, а треста. За такое дело и деньги особые.— Он с удовольствием говорил: «особые деньги».

— Сколько?

— Пять тысяч. Такой случай редко бывает. Вам согласиться придется. У вас своих верхолазов нет.

— Ладно, — сказал главный механик. — Заплатим.

Верхолазы стали надевать предохранительные пояса. Но минут через пять бригадир снова подошел:

— Мало я запросил, не рассчитал сразу. Прибавить нужно, начальник. И деньги вперед...

Его перебил Пахомов, монтажник с завода:

— И чего вы с ними, Валентин Петрович, разговоры разговариваете? Не видите, что за люди: только бы нажиться на чужой беде!

— Так у нас же нет верхолазов...

— Найдутся!

— Хорошо, — сказал Крылов. — Подберите добровольцев, попробуем обойтись своими силами.

Вызвались шестеро: Пахомов, Шевченко, Кофери, Валобуев, Куценко и Мельников.

Все они давно работали монтажниками. Приходилось многое делать: устанавливали под потолками цехов мостовые краны, разбирали при ремонте механизмы. Но на большой высоте раньше работал только Шевченко: он был когда-то пожарным.

Мельников смеялся:

— Эх, ребятишки мои не выросли еще! А то я бы семейной бригадой полез тросы поднимать.

— Сколько у вас ребятишек? — спросил Крылов.

— Четверо. Скоро домашнее ФЗУ открою. На монтажников стану учить...

Пахомов — старший в шестерке — медленно и веско указывал каждому, что делать, за что отвечать. Все-таки не обычная работа: высота, ветер, качка...

Первый час работы

Первыми поднимались два Николая — Шевченко и Куценко. Когда они вскарабкались на нижние ступени лестницы, Пахомов посмотрел на часы и вместе с остальными стал готовить тросы к подъему.

Трубу сильно шатало, но Шевченко и Куценко поднимались быстро, останавливаясь лишь при очень резких порывах ветра. Когда две фигуры появились на верхней площадке, Пахомов снова взглянул на часы. На подъем ушло девять минут.

На качающейся верхней площадке пришлось некоторое время посидеть без дела. Монтажники привыкали к болтанке, ждали, чтобы прошло головокружение.

Сверху виднелась вся бухта. Серые валы бились о волнорез. Вода пенилась даже в защищенном дамбой канале, по которому подходили к заводу пароходы с рудой. Ветер нес на площадку дым от домен. Угольная пыль порошила глаза. Тучи в небе стали гуще, опустились ниже. Заморосил дождик...

— Как на маятнике сидим,— сказал Куценко.— Или на корабле. И лазать трудно...

— Это что — по такой лестнице лазать! — отозвался Шевченко.— Здесь ограждение. А на каменных трубах только скобы. Когда в войну в городе немцы булы, под Октябрьскую на первой трубе, на каменной, наши подпольщики червоный прапор ночью поставили. А когда спускались, две скобы выбили и вставили обратно, будто порядок. Полицай полез до флага и с самого верха со скобой в руке грохнулся. Бегают немцы, злятся, а над трубой червоный флаг... Ну, давай начинать.

Площадка ходила под ногами: три метра на юго-запад, три обратно, на северо-восток. Монтажников то било грудью о борт, то отбрасывало от него.

Они спустили сверху веревку, к ней подвязали канат лебедки. Его подняли. Потом к канату прикрепили толстый стальной трос-растяжку. Заработал мотор. Канат лебедки пополз по блоку, трос медленно стал подниматься.

Дождь усиливался.

На площадку поднялись Кофери и Мельников. Мельников поежился, вытер с лица дождевые капли:

— А вы здесь с водяным охлаждением работаете! Ну что ж, давайте с водяным...

Трос подполз к краю площадки. Ухватившись за конец, вытянули несколько метров троса на площадку и укрепили. Шевченко сказал:

— По одному тросу поднимать — долго провозимся. Надо два сразу.

И полез вниз.

Второй час

Хотелось побыстрей закончить дело, спуститься наконец с неуютной этой высоты и сказать: «Ну, все. Сработали!»

Для быстроты и подняли разом два троса. Наверху, на площадке, подхватили концы, закрепили тросы на блоках и замахали вниз: «Готово!»

Шевченко снова взобрался наверх.

— Ну, быстрей дело пошло? То-то!

— Чего-то по-чудацки получилось,— сказал Мельников.— Им, кажись, вместе лучше. Разлучаться не хотят.

— Кто?

— Да тросы...

Поднятые и с великим трудом закрепленные наверху тяжелые стальные змеи сцепились между собой метрах в двадцати ниже площадки. Провисшие, не натянутые снизу, они мерно качались вместе с трубой. Сверху не разнять.

Валобуев даже плюнул с досады:

— От! И нужно было Шевченко торопиться!

— Ладно!..— Шевченко потушил о бортик окурок.— Сам распутаю!

Спустившись до той высоты, где перепутались тросы, Шевченко прикрепился предохранительным поясом к лестнице и стал ужом пролезать сквозь прутья ограждения на наружный бортик трубы.

Он вылез, оперся одной ногой на ступеньку, ухватился левой рукой за ограждение снаружи, а правой рукой попытался достать тросы. Они качались под ветром, и иной раз казалось: вот-вот окажутся рядом... Рука, судорожно сжимавшая прут ограждения, стала неметь, а на секунду выпустить прут, сжать и разжать пальцы, чтобы почувствовать привычную легкость, было нельзя. Ничего нельзя: внизу восемьдесят метров пустоты. И земля.

На смену Шевченко поднялся Пахомов, но и ему ничего не удалось. Тогда монтажники, все шестеро, рассыпались по лестнице, веревкой подтянули тросы поближе. Оказалось, один трос захлестнулся вокруг другого.

Пахомов посмотрел на часы: «Шесть пятнадцать».

Еще два часа

Третий час, весь целиком, монтажники вручную вытягивали на верхнюю площадку стосемидесятиметровый трос, обвившийся вокруг другого.

Дождь продолжал лить. Намокли кепки, рукавицы, одежда. Ветер дул теперь порывами. То качка казалась меньше, то резким порывом норд-оста трубу снова швыряло в сторону, и трос дергался, грозя сползти обратно. Он становился тяжелее с каждой минутой, рвался из ладоней, раздирая проволочными заусеницами рукавицы.

Но шестеро монтажников рывками поднимали новые и новые метры стального удава, повторяя хрипло: «А ну!.. Еще!.. Е-ще!.. Ра-азом!.. Ра-а-азом! Е-ще!..»

Вытянутый трос не умещался на площадке. Освобожденную его часть постепенно спускали с другой стороны. Он гулко ударялся о стальную обшивку трубы. Наконец трос оказался на нужном месте.

...Четвертую растяжку подняли и закрепили в сумерках. Когда спустились на землю, качало даже на земле.

Передохнули. Стали крепить тросы к якорям. Прикрепив, натянули лебедкой. Тросы напряглись. Зазвенели. Труба замерла.

Цех продолжал работать. Стояли у своих пультов сталевары. Краны бережно переносили стопятидесятитонные ковши, и паровозы тащили от мартенов платформы с изложницами, в которых остывали слитки.

...Переходя железнодорожные пути, монтажники встретили Крылова. Он спросил:

— Кончили?

— Кончили.

— Вот и хорошо,— сказал главный механик.

* * *

Вскоре о них стали писать в газетах. Называли героями. Мельников аккуратно собирал все номера, где о них было напечатано. Приносил товарищам. А Пахомов, тыча пальцем в развернутую газетную полосу, сердился на корреспондента:

— И пишет, не знает чего! Не хватал я и не прятал за пояс никаких плоскогубцев.

Кофери ворчал:

— Ну, какие мы герои!.. Просто работали. Так оно и было.

Снегурочка

Анатолий ЛЕВУШКИН

Замела,
запушила,
завьюжила
все тропинки ночная пурга,
и деревья стоят полукружьем,
забрели по колено в снега.
Тихо-тихо в лесном закоулке.
Дальний-дальний алеет восход.
Рано утром проснется Снегурка,
блестки снежные в косу вплетет.
Белой-белою, легкою-легкою
дымкой инея веет с ветвей.
Снегири красногрудые, ловкие
мчатся с почтой лесных новостей.
Колыхая чащобу сосновую,
выйдет важный, медлительный лось,
он уткнется губою лиловою
в руки девочки, в теплую горсть.
И пойдет она чащею снежною —
шаркнут лыжи, по насту скользя.
...Это дочка лесничего здешнего,
иль Снегурка,
как шутят друзья.

БУДЬ ГОТОВ!

НЕВИДИМАЯ ЭСТАФЕТА

Рассказы о хороших традициях пионерских дружин

Что такое эстафета, ты, конечно, знаешь. Сам не раз мчался по беговой дорожке, крепко сжимая в руке палочку — эстафету. Ее нельзя уронить! Ее обязательно надо передать товарищам!

А что такое невидимая эстафета?

...Кто-то в школе предложил: «Давайте устроим Праздник урожая». Праздник понравился, и все решили: будущей осенью надо опять устроить его.

И вот идет год за годом, ребята вырастают и покидают школу, а обычай, как невидимая эстафета, переходит от одних к другим. И в школе говорят: «У нас такая традиция—устраивать в сентябре Праздник урожая».

У каждой дружины свои традиции. В одной отмечают день рождения того человека, чье имя носит школа; в другой каждый год проводят 1 сентября торжественные линейки, устраивают на зимних каникулах снежный праздник; в третьей проводят традиционные спартакиады...

А какие традиции в твоей дружине?

ЛЕНИН ЖИВ!

Когда экскурсовод, пионерка 6-го класса Шура Скрипина, заканчивает свой рассказ, она подводит ребят к стенду, на котором вывешены фотографии Гали Юдовой, Игоря Александрова, Тамары Малых, Володи Орлова и других ребят.

— А это создатели Ленинского зала. Они уже окончили школу,— объясняет Шура.

Ленинский зал школы № 253 известен не только в Ленинграде. И все, кто побывает здесь, удивляются, как много сделали ребята, какие замечательные традиции у этой школы.

Если вы подниметесь на 4-й этаж, то еще перед входом в зал вы увидите большую доску «Совета Ленинского зала». Здесь вывешены последние распоряжения совета: «Чистяковой и Шпаковской из 6-го «Б» составить текст беседы по альбому «Ленинские места»; Загоруйко и Протокоповой из 7-го «Б» оформить материалы, присланные из Выборга; пионерам 5-го класса «Б» пополнить стенд «Нам пишут»... Дел, как видите, и сейчас очень много.

И вот сам зал. У одной из стен — огромная, во весь рост, утопающая в цветах скульптура Владимира Ильича. А вокруг — стенды, макеты, фотографии, документы, письма. Рассказывают, что даже работники настоящего Музея В. И. Ленина нашли здесь для себя новые материалы... Огромный труд, начатый три года назад, продолжается и сегодня. И сегодня уходят из школы письма ко всем, кто знал Ильича, и в ответ приходят подробные воспоминания; и сегодня ребята выходят на воскресники, чтобы приобрести оборудование для зала; и сегодня сюда приходят экскурсии пионеров — и ребята рассказывают о Ленине. Здесь показывают документальный фильм об Ильиче, здесь часто звучит голос вождя — ребята слушают его речи, записанные на пластинки.

Все в этом музее создано ребятами. Сами сделали красивые белые диванчики, сами заработали деньги на шторы, сами вырастили редкие, нежные аралии, которые так украшают зал. Пополняется библиотека Ленинского зала, но книг на полках очень мало: все в этой школе хотят читать о Ленине, знать ленинские заветы.

22 апреля, в день рождения Владимира Ильича, в Ленинский зал собирается вся дружина. Застывает у монумента, у красного знамени почетный караул. Торжественно звучат слова рапортов, пионеры клянутся быть достойными имени Ленина, быть юными ленинцами.

С. Семенов,
Ленинград.

А это макет шалаша на станции Разлив, где Владимир Ильич скрывался летом 1917 года,— рассказывает посетителям Ленинского зала экскурсовод Шура Скрипина.

Фото Г. Сафонова.

Имени бесстрашного революционера

— Для этой партии родились мы, для нее мы живем... Да здравствует великая, теперь уже никем не победимая наша Ленинская Всесоюзная Коммунистическая партия — вождь всех трудящихся!

...Эту речь Сергея Мироновича Кирова пионеры нашей дружины слушают по радио на торжественной линейке 1 декабря. И кажется, будто сам Киров приходит в нашу школу, будто это он, живой, произносит страстную, взволнованную речь.

В декабре даже в солнечном Баку зима. Но целую неделю каждый день появляются у бюста Кирова живые цветы — их специально выращивают ребята. Ведь наша дружина носит имя Кирова! В эти дни пионеры посещают музей-квартиру С. М. Кирова и парк имени Кирова. Здесь лучших ребят принимают в пионеры. А когда кто-нибудь из ребят отличится в учении и в труде, его фотографируют у бюста Кирова. Разве может быть награда лучше!

Все пионеры хорошо знают того, чье имя носит наша дружина, они учатся у Кирова любить нашу партию, нашу страну, стараются стать такими же мужественными, несгибаемыми большевиками, каким был Киров.

М. Сандрян,
старшая пионервожатая дружины
имени С. М. Кирова, г. Баку, 165-я школа.

ПРО ЛЕДЯНОГО СЛОНА, СНЕЖНУЮ КРЕПОСТЬ И ВЕСЕЛЫЙ ПРАЗДНИК

Целую неделю готовилась школа к снежному празднику. Расчистили площадку и залили каток, в центре катка поставили огромную ель и украсили ее самодельными игрушками из цветного льда. Наливали подкрашенную воду в пузырьки, в баночки, в коробочки всевозможных форм и размеров, и получались чудесные ледяные игрушки. Когда елка была убрана, ее ветки облили водой, подкрашенной разными красками, и на кончиках хвои повисли разноцветные сосульки...

Вокруг катка стоят скульптуры, сделанные из снега: медведь, лиса, кот, жирафы, лебеди и даже слон.

В школьном парке пионеры построили снежную крепость. С дозорными башнями, со снежными часовыми у ворот!

С утра со всех концов села Перекоповки бежали пионеры и школьники с лыжами, коньками, салазками к школьному парку.

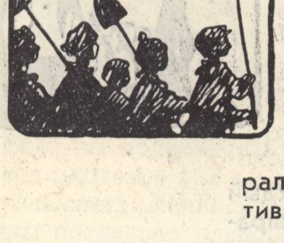
И вот открытие праздника. Ребята в карнавальных костюмах выстроились на катке. Прозвучал горн. Директор школы открыл праздник, заиграла музыка — и конькобежцы закружились на льду. Малыши атаковали слона: каждому хочется вскарабкаться на его ледяную спину.

За парком слышны смех и песни. Это лыжники готовятся к старту.

В снежной крепости идет бой снежками. Но больше всего ребят на горках. Желающих прокатиться на салазках так много, что очередь не уменьшается. Вместе с ребятами катаются с горки и учителя, и веселее всего там, где появился Марк Кириллович, директор школы. Уж больно нравится ребятам прокатиться с ним с горки!

...Такие снежные праздники стали традицией во многих дружинах нашей области.

И. Леонтенко,
работник Сумского обкома ЛКСМУ.

Коммунистический субботник

Наша школа-интернат существует всего третий год. Немного, правда? Но у нас уже сложилось немало хороших традиций. Старшеклассники предложили, например, начинать каждый учебный год с общешкольной линейки. Традицией стала ежегодная встреча наших воспитанников с суворовцами Свердловского училища. 23 февраля, в День Советской Армии, мы вместе устраиваем концерты, спортивные соревнования.

А самый торжественный день в интернате — 22 апреля.

...Ровно в три часа дня все отряды выстраиваются во дворе. Ребята не надевают парадную форму: они уже знают, что эта линейка деловая. Она открывает коммунистический субботник в честь дня рождения Ленина.

Гремит школьный духовой оркестр; развеваются знамена, флажки... Из ворот школы отряды расходятся в разные стороны. В прошлом году пионеры в этот день сажали на улицах города деревья, убирали территорию. В этом году ребята будут помогать строителям жилых зданий.

М. Запевалов,
директор школы-интерната, г. Каменск-Уральский,
Свердловская область.

САМОЕ ВКУСНОЕ ВАРЕНЬЕ

В этот октябрьский день вестибюль школы, лестница, зал украшены гирляндами осенних листьев, снопами, цветами... В школу пришел Праздник урожая! Открылась школьная сельскохозяйственная выставка, юннаты приготовили маленькие научные сообщения: как вырастить кукурузу в условиях Калининской области, как яровизация влияет на развитие ржи. После научной части выступают певцы и танцоры, декламаторы и музыканты. А потом наступает самое интересное: всех угощают чаем с вареньем.

Вы подумаете, наверно: что ж тут такого?

Но все дело в том, что это не простое варенье. Ягоды для него вырастили сами ребята на пришкольном участке. И поэтому оно, конечно, кажется особенно вкусным.

М. Губанова,
учительница средней школы № 20, г. Калинин.

Едут! Едут!

Зноен июльский день в Прикумской степи. Поникли желтые травы на каменистых курганах, сонно лопочут листьями тополя на улицах станицы. Только во дворе школы не затихает гул ребячьих голосов:

— Едут! Едут!

Шум усилился. Храбро перевирая ноты, во всю мочь грянул туш духовой оркестр. В ворота школы, пофыркивая, вкатил зеленый грузовичок. И сразу среди задорных «Здравствуйте!», «Привет!» послышалось мягкое украинское «Здоровеньки булы!». В гости к пионерам станицы Чернолесской приехали их лучшие друзья — пионеры и школьники Алтыновской средней школы Сумской области.

Около пяти лет дружат пионеры. Те, кто завел эту дружбу, уже окончили школу, но, как и прежде, каждый год встречают в прикумской станице украинских гостей, а в селе на далекой Сумщине так же радушно принимают пионеров Чернолесской школы. Эти поездки стали традицией двух дружин, к ним готовятся с самого начала учебного года. Прошлым летом ребята двух школ вместе объездили города-курорты Ставропольского края.

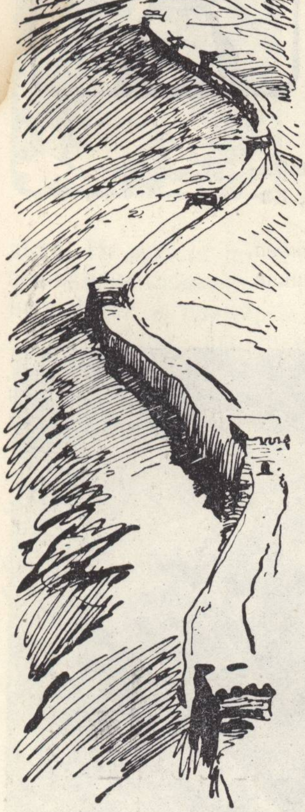

В школе № 2 города Перова есть давняя хорошая традиция. Ни одно поколение пионеров не ушло из школы, не оставив о себе доброй памяти. На улицах города растут деревья, посаженные ребятами еще двадцать лет назад, разбиты клумбы, за которыми ухаживают ребята.

Сейчас письма со штемпелями почты станицы Чернолесской и села Алтыновки часто встречаются в дороге. Ребята планируют, куда они поедут в этом году.

М. Толмачев,
станица Чернолесская, Ставропольский край.

Чжунго, нинь хао!

Наталия КОНЧАЛОВСКАЯ,
Юлиан СЕМЕНОВ

Рисунки В. Богаткина.
Фото Ю. Семенова.

Уже двенадцать тысяч метров
Нас отделяют от Земли.
Уже тут нет ни туч, ни ветров—
Мороз вокруг и синь вдали.

Все позади: дорожка старта,
Мельканье лиц, аэродром...
Земля под нами — словно карта,
А с нами крылья, гул и гром.

Уже мы мчимся над Уралом
И набираем высоту,
И людям комаришкой малым
Под солнцем кажется наш «ТУ».

Вот Красноярск меж гор-
малюток,
Прикрытых щеточкой лесов.
По рельсам до него пять суток,
А мы летим лишь пять часов.

Вот шнур положен на равнины,
Не шнур—кипенье мощных вод!
То Енисей свои стремнины
До моря Карского несет.

Еще, чуть видимый отсюда,
Какой-то город замелькал,
И вот серебряное блюдо —
Большое озеро Байкал.

Он позже всех весну встречает,
Зияет трещинами лед.
Его приветствуя, качает
Крылами каждый самолет.

Все позади! Извивы Оби,
Хребты Саянов, Ангара,
Уже пески пустыни Гоби
И нестерпимая жара.

Здесь вечер, солнце на закате,
Концу пути подходит срок...
А у тебя сейчас, читатель,
Лишь первый утренний урок.

И, может быть, за школьной
партой
Ты в этот самый миг как раз,
Склонившись над Китая картой,
Пекин находишь раньше нас.

★

Сверху кажется, будто весь Китай желтый. Горы желтые, земля желтая, реки желтые. И даже деревья желтые.

— Наверно, это оттого, что в Китае мало зелени,— сказал негр из Африки, который так же, как и мы, летел в Пекин на праздник Первомая.

— Скорее всего, это дует ветер из пустыни Гоби,— предположил итальянский рабочий.

— Кто знает! — возразил английский коммерсант и загадочно усмехнулся.— Ведь желтый цвет в Китае считается символом императорской власти!

Китайский журналист, сидевший рядом, ответил англичанину:

— У нас есть пословица: «Торопиться надо только один раз в жизни».

— Когда? — быстро спросил коммерсант.

— Вот видите, вы уже торопитесь! — рассмеялся китайский журналист.— Сейчас мы приземлимся, и вы, не торопясь, увидите все сами. Если, конечно, захотите увидеть...

Не секрет ведь, что многие люди, особенно в Америке, не хотят видеть того, что происходит в новом Китае.

★

— Нинь хао! Здравствуйте! — говорят нам китайские друзья.
— Здравствуйте! Нинь хао! — отвечаем мы.
— Нинь илу хао ма? Как долетели?
— Спасибо! Сесе!
— Нинь нао дай фахунь бу фахунь? Не укачало ли в полете?
— Разве в «ТУ» укачает?
— Да, в «ТУ» не укачает,— соглашаются китайские товарищи.— Но, может быть, вы все-таки хотите отдохнуть?
— Спасибо, мы не устали.

Нам не терпится поскорее увидеть Пекин. Но китайцы очень внимательны: а вдруг кто-нибудь устал? Тогда надо посидеть в тени и выпить холодного лимонада. В Пекине двадцать градусов жары, а всего пять часов тому назад мы приземлялись в Омске, где было десять градусов мороза!

— Может быть, кто-нибудь проголодался?

Китайцы вежливы и заботливы. Если вы выпьете чашку необыкновенно вкусного ананасного лимонада и скажете: «Чудесный лимонад!»,— вам сразу же ответят: «Большое спасибо!» — и нальют еще одну чашку.

— Ну что же, никто не устал?
— Никто.
— Ни у кого не болит голова?
— Ни у кого.
— Никто не хочет отдохнуть?
— Никто.
— Тогда пожалуйте в автобус.

Итак, мы начинаем знакомиться с Китаем. Чжунго, нинь хао! Китай, здравствуй!

★

По-китайски Пекин произносится «Бейцзинь». В переводе на русский язык это означает: «Северная столица».

Пекин обнесен крепостными стенами — какой старинный город! Пекин раскинулся на девять тысяч квадратных километров, и в нем пять с половиной миллионов жителей — какой громадный город! Пекин встречает приезжего веселым шумом и толпой ребятишек — какой молодой город!

Если сравнить возрасты разных столиц мира, то окажется, что Вашингтон — трехсотлетний мальчик, Москва — восьмисотлетний подросток, а Пекин — четырехтысячелетний мужчина.

Вот он, Пекин!

★

В Пекине сейчас два Пекина: старый и новый. Старый молодеет на глазах, перестраивается. После освобождения Китая в Пекине построено более двух тысяч новых улиц и переулков!

Велосипедистов на улицах куда больше, чем пешеходов. Едут они и на старых, тридцатилетней давности, двухколесных развалинах и на новеньких, блистающих лаком отечественных машинах, не обгоняя друг друга и не толкаясь.

Мальчик лет двенадцати, судя по портфелю с книгами, школьник, вдруг резко затормозил и чуть не угодил под машину.

Милиционер взмахнул палочкой.

Движение сразу замерло. Остановились огромные пятитонки и черные лимузины, остановились автобусы и велосипеды. Остановились и молодые китаянки, которые везли коляски с детьми.

Милиционер сделал правой рукой жест, какой мы делаем, прощаясь. По-китайски это значит: «Подойди сюда». Хотя нет! «Будьте любезны, пожалуйста, подойдите сюда!» — вот что это значит по-китайски.

Мальчик посмотрел на милиционера и приложил указательный палец к носу. Это он спросил: «Я должен подойти?»

Милиционер кивнул головой и пошел навстречу.

— Здравствуйте! — сказал он.

— Здравствуйте! — ответил мальчик.

— Как плохо, что вы нарушаете правила движения! Как вас зовут?

— Меня зовут Сяо Фу.

— Вы пионер, Сяо Фу?

— Да, я пионер...

— Вот видите, все торопятся, едут по важным делам, а из-за вас товарищи вынуждены терять дорогое время.

Сяо Фу готов провалиться сквозь землю. Он видит: в пятитонке станки. Это для стройки. А шофер не может их вовремя доставить из-за него, Сяо Фу. Значит, он, пионер, мешает стройке. Сяо Фу видит, как нетерпеливо переступают с ноги на ногу велосипедисты — рабочие завода. У них сегодня баскетбольная встреча, а из-за него, из-за Сяо Фу, они могут опоздать, и им запишут позорную «баранку» — проигрыш.

— Я больше никогда не буду нарушать правил уличного движения, товарищ милиционер!

— Хорошо. Поезжайте, и пусть вам будет стыдно.

Палочка поднята. Движение продолжается.

★

Ван Фу Цзянь не только большая, не только красивая, но и умная улица. Здесь в нескольких домах расположен центральный книжный магазин Синьхуашудянь.

Если смотреть на магазин с улицы, то кажется, что там вовсе не магазин, а читальня.

Книги лежат на прилавках. Прилавки расставлены по всему магазину. Продавцов мало. Люди сами выбирают нужную книгу.

Особенно много народа там, где разложены книги в ярких переплетах с огромными ключами на обложках. Что это? Романы Вальтера Скотта? Таинственные приключения средневековых рыцарей? Нет. Это ключ к знаниям. Это самоучители. Тут есть самоучители арифметики и высшей математики, русского языка и ботаники.

Каждый, кто входит в магазин, остается там никак не меньше часа. А некоторые, особенно студенты и пионеры, проводят в этом магазине чуть не полдня: нашел интересную книгу, отошел в сторонку — и читай сколько вздумается. К книге здесь относятся, как к драгоценности. Не мнут, не сгибают пополам, не мусолят и не загибают страниц.

Особенно многолюдно в том отделении, где торгуют детскими книгами. Посетители — от шести до пятнадцати лет — так увлечены чтением, что ничего не замечают вокруг.

Однажды в магазине появилась книжка о героях-партизанах. Маленькая девочка, читая ее, простояла около прилавка до самого закрытия. А когда продавцы стали запирать двери, оказалось, что книжка исчезла.

«Неужели девочка такая нечестная?» — удивились они.

Такое в Синьхуашудяне случилось в первый раз.

Утром, как только магазин открылся, девочка пришла, положила на место книгу, но, заметив пристальный взгляд продавца, покраснела до кончиков ушей и сказала:

— Очень интересная книга, большое спасибо!

— Пожалуйста,— ответил продавец, сделав вид, что ничего не случилось.— Я рад, что тебе понравилась эта книга. Хочешь, я дам тебе почитать еще одну, новую?

— Очень хочу! — обрадовалась девочка.

— Приходи к нам каждый день, но пораньше, и читай сколько хочешь...

★

Как ты думаешь, читатель, можно изучить зоологию в магазине готового платья?

В Китае можно.

Входишь в магазин, где продают меховые пальто.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Скажите, пожалуйста, из какого меха эта шуба?

— Пожалуйста. Эта шуба из тигровой шкуры. Тигры в Китае водятся на северо-востоке, в Маньчжурии и на юге, около границ с Вьетнамом.

— А эта шуба?

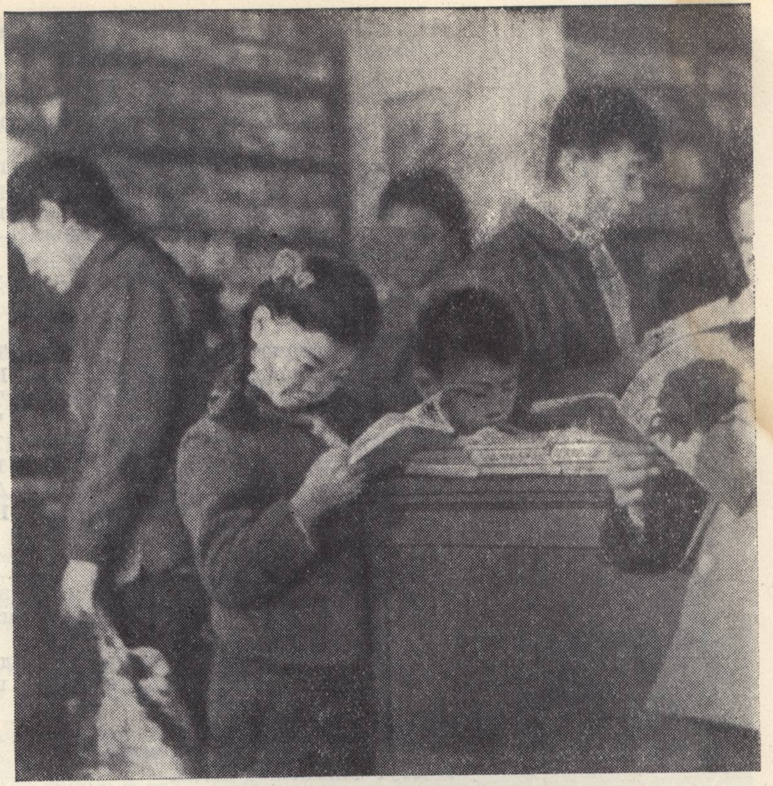
— Эта шуба из барса. Барсы водятся в Синьцзяне, Тибете и на севере, в Маньчжурии.

— А эта?

— Это выдра. Их много живет по рекам Центрального Китая.

— А эта?

Продавец улыбнулся:

В детском отделении магазина Синьхуашудянь всегда оживленно.

— Я не знаю зверя, из которого сделана эта шуба, но он меня, конечно, знает.

Когда у китайца спрашивают о том, чего он не знает, он не станет выдумывать. Он ответит: «Я эту вещь не знаю, а она меня знает».

★

Перед нами по тротуару шел человек. Он докурил сигарету и бросил окурок себе под ноги. В тот же миг три пионера — Патруль Чистоты — остановили его.

Один из пионеров достал из кармана синего френча мелок, обвел брошенный окурок жирной белой чертой и здесь же, на тротуаре, написал три иероглифа: «Бу вэнь мин!» — «Некультурно!».

Другой пионер поднес ко рту рупор и начал громко, на всю улицу, говорить:

— Товарищи, которые спешат по делам или просто гуляют! Пожалуйста, не бросайте окурки и любой другой мусор на тротуар! Пекин — город чистоты! Китай — республика чистоты!

А третий пионер предложил человеку, бросившему окурок, проследовать за ним. Человек смутился, человеку стыдно. Они прошли метров двадцать. На тротуаре — красный ящик, на котором белой краской написано: «Чен ту сянг», что значит: «Ящик абсолютной чистоты». Это для мусора. А рядом урна для окурков.

— Вот видите, товарищ,— сказал пионер,— вам надо было пройти всего двадцать шагов до урны. Я думаю, в другой раз не мы вам, а вы нам поможете соблюдать чистоту на улицах.

★

Мы идем по каменным плитам Тяньаньмыня, по Красной площади Пекина. Мы идем на трибуны. Сегодня праздник Первомая.

Фанфары возвещают начало демонстрации. И вот на Тяньаньмынь ровным шагом выходит первая колонна. Это юные пионеры — будущее Китая. В руках у них бумажные цветы и деревья. И от этого сверху, с три-

бун, кажется, что по площади идет парк. И хочется в его тени спрятаться от нещадного солнца.

А потом пионеры запустили в небо разноцветные воздушные шары. Большие шары уносились высоко в безоблачное небо, а маленькие лопались, поднявшись всего метров на двадцать.

На трибуне наш сосед, товарищ из Индонезии, пошутил:

— Большие — это советские спутники Земли, а маленькие — американские. Они лопаются с таким же треском...

Следом за пионерами пошли колонны рабочих, студентов, служащих. А вот среди демонстрантов появились люди в черном. Это монахи. И монахини. На головах у монахинь белые накрахмаленные чепцы, похожие на огромных бабочек. Монахам стало скучно в своих храмах, и они пришли сюда, на праздник народного веселья.

...И много всяческих диковин
Принес для праздника народ.
Вот зданье из картонных бревен
По плитам медленно плывет.
Вот паровоз, как настоящий,
Веселый машинист на нем.
Вот пароход, как настоящий,
И капитан, в бинокль смотрящий,
А вот ткачихи за станком...

То вдруг зелено-желтый, странный
Ползет дракон — священный зверь,
То бьют в такие барабаны,
Что не пролезут даже в дверь,
То презабавнейшие маски
Плывут, качаясь, над толпой,
А то герой китайской сказки
В плащ завернулся голубой...

И все это яркое, ликующее поет, звенит, танцует и непрерывным потоком движется по Тяньаньмыню. А впереди всех — пионеры, и в руках у них цветы.

Это они, пионеры, отвечают перед всем народом за озеленение республики. Это они помогают Китаю стать в недалеком будущем страной «Зеленого леса».

На Красной площади Пекина
Цветут вишневые сады.
Людей веселая лавина
Течет, разбившись на ряды.
Течет под розовым кипеньем
И славу счастью и труду
Поет согласно, в такт движеньям,
Поет, танцуя на ходу.

Когда ж развесит в небе вечер
Салюты звездные свои,
Вздымает вверх горячий ветер
Бумажных лепестков рои.
Цветок живой предпочитая,
С бумажным празднует народ.
Вот потому в садах Китая
Красно от вишен каждый год!

★

Три важных задачи, три важных «хорошо» поставила перед китайскими пионерами партия коммунистов.

Первая задача, первое «хорошо» — это озеленение всей страны.

Вторая задача, второе «хорошо»... Хотя нет, о второй задаче пионеров мы расскажем позже. Сейчас о первой.

Никто из китайских ребят не может вступить в пионеры, не посадив хотя бы одно дерево.

А когда школьник станет пионером, он вступит в соревнование с другими пионерами. Он должен:

бороться за то, чтобы каждая китайская семья вырастила свое дерево и свои цветы. Если родители посадят дерево, брат пионера посадит дерево, а сестра, бабушка и дедушка вырастят по пяти цветков, то через несколько лет в Китае будет полтора миллиарда новых деревьев и пять миллиардов новых цветов;

следить за тем, чтобы каждое посаженное деревцо привилось и выжило. Иначе какая польза их сажать!

охранять не только свои посадки, вообще все деревья.

Как же китайские пионеры выполняют свои обязательства? Как они борются за первое «хорошо»?

В пекинском районе Нань Юань каждый пионер взялся посадить не одно, а сто пятьдесят деревьев! И еще пятьдесят особенных растений, которые называются «пи-ма». Может быть, не все наши пионеры охотно сажали бы растение «пи-ма», узнав, что из него делают... касторку. Но ведь касторовое масло не только лекарственное... Оно применяется и в технике и в пище.

В районе Фунь Тай пионеры сказали:

— Где пионеры, там парки «Красного галстука».

И ребята не бросали слов на ветер. Они сами распланировали будущий парк, сами начали строить спортплощадки, стадион, рыть пруд «Любования природой и разведения золотых рыбок», плавательный бассейн

и пруд для купания и ловли рыб, обыкновенных, не золотых. Но никто и никогда не будет ловить золотых рыбок в пруду «Любования природой».

Вообще китайские ребята очень бережно относятся к паркам и садам. Мы много раз видели, как совсем маленькие ребятишки подходили к клумбам и нюхали цветы, заложив ручки за спины.

В парке «Красного галстука» работало по семь тысяч пионеров каждый день. И в первые же дни они посадили сто тысяч деревьев.

Пионеры района Си Тинь Шань решили озеленить железную дорогу и шоссе. А воды не было. И ребята таскали ведра на бамбуковых коромыслах за несколько километров, чтобы поливать свежие посадки.

Когда не хватало лопат, ребята руками рыхлили землю.

...И не случайно первое, что мы увидели, прилетев в Пекин, были синие куртки пионеров и свежая зелень новой аллеи, которую ребята высадили вдоль всей магистрали аэропорт — Пекин.

— Пусть наши зарубежные друзья едут в Пекин в тени, а не по жаркому солнцу! — решили пионеры.

Вот как заботливы китайские ребята!

Заботливы и трудолюбивы!

Все это происходит в Китайской республике в наши дни. И все это делают пионеры. А любимый герой у них — советский мальчик Тимур.

★

В высоком синем небе тысячи ласточек.

В этот утренний час самое интересное на пекинских улицах — сами пекинцы. Почти все они в синих костюмах. Прищуришь глаза—и кажется, будто огромная синяя река неудержимо стремится вперед, потом растекается на ручейки и исчезает в воротах фабрик, заводов, школ и институтов.

Только когда поток велосипедистов пронесется по улицам, можно начать знакомство с достопримечательностями древнего города.

Куда же пойти сначала? Что сначала смотреть?

Пожалуй, сначала надо взглянуть на небо. Если мы сможем разобраться, где восток, где запад, а где юг и север, нам тогда не придется блуждать, отыскивая самые интересные места в городе. В древности китайские зодчие, перед тем как строить города и дворцы, делили небо на четыре части. Восточная часть — синий дракон, южная — красная птица, западная — белый тигр, а северная — черная черепаха.

Южная — красная птица — считалась счастливой. Поэтому все важнейшие части дворцов обращены на юг...

Давайте сначала отправимся в Храм Неба — Ханьцюнюй.

Трудно передать тебе, читатель, как величественны здания пагод, как стройны колонны, высеченные из белоснежного мрамора, как красивы рисунки, написанные тонкой кистью художника многие сотни лет тому назад.

Ты, наверное, думаешь: а это фото не относится к памятникам старины. Действительно, разве памятники архитектуры слушают? Их смотрят. А вот и не всегда!

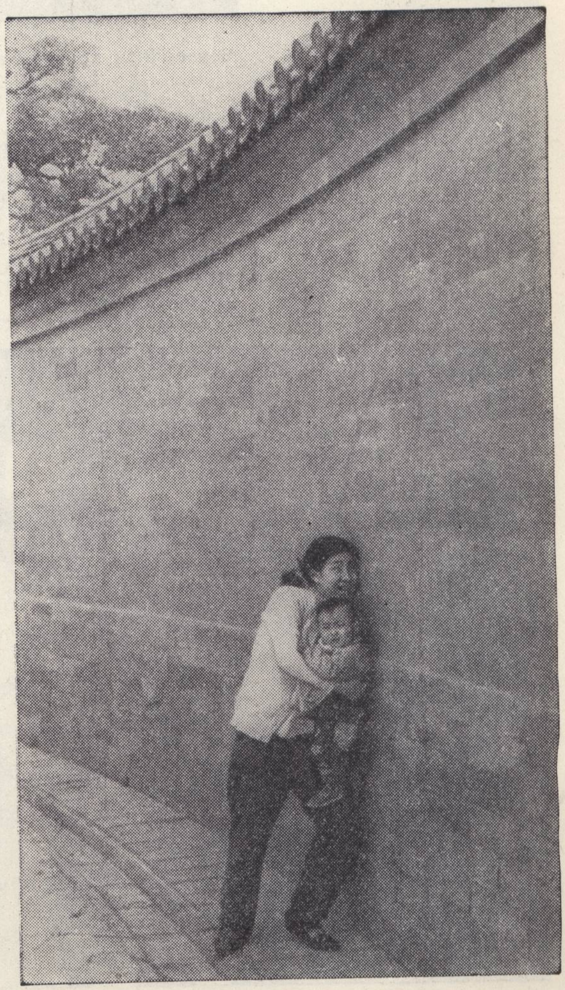
Стена Возвращенного Звука, построенная в храме Ханьцюнюй,— такой памятник, который не смотрят, а слушают.

Вошли два человека в круглый дворик, стали у стены друг против друга и начали шептать что-то. Смешно? Нет. Шепот облетит стену, и человек, стоящий напротив, совершенно отчетливо, как в телефоне, услышит все слова.

Сейчас у стены Цзян Е-мин. На руках у нее дочка Ту Ли-мин. Отца семейства мы не видим на снимке, но Е-мин и Ли-мин прекрасно слышат его, хотя он стоит от них на расстоянии чуть не в сто метров, на противоположной стороне круглой стены. Нет, он не кричит. Он даже не говорит громко. Он шепчет:

— Ты слышишь меня?

Е-мин отвечает:

У Стены Возвращенного Звука.

Черепичная крыша дворца Инхэюань украшена с четырех сторон фигурами сказочных существ, созданными древними мастерами.

— Прекрасно слышу.

Стена Возвращенного Звука сложена из хорошо обожженных кирпичей, которые почти пришлифованы друг к другу. Сверху кирпичи покрыты глазурованной черепицей, похожей на ствол бамбука. И кажется, что крыша бамбуковая.

Тайна Стены Возвращенного Звука не разгадана до сих пор.

...В Храм Неба императоры ездили по улице, которая называлась Ус Дракона. Здесь был край лачуг и свалок. Здесь роились мухи, жирели крысы. Здесь люди умирали от болезней и голода. Императоры зажимали нос, проезжая по Усу Дракона. В Храм Неба вела дорога нищеты и грязи.

А это школьник-экскурсовод Чжу Тун. Ты прочитаешь о нем на следующей странице.

А теперь, после освобождения Китая, сюда, к Усу Дракона, провели электричество, водопровод, здесь построили новые дома. Рядом раскинулся прекрасный Город Физкультуры и Спорта. Хорошо в жаркий летний день или в холодную зимнюю стужу прийти сюда в бассейн или в гимнастический зал!

★

В Китае почти все памятники архитектуры раньше принадлежали императорам и монахам и были запретной зоной для простого народа. Сейчас в них музеи.

Дворцы у императоров назывались очень красиво: «Высшая Гармония», «Полная Гармония», «Сохранение Гармонии». Но гармония сохранялась только в творениях зодчих. В душе у императоров не было ни гармонии, ни спокойствия. Они не разрешали сажать деревья вокруг дворцов, опасаясь покушений.

В летний императорский дворец Инхэюань мы приехали жарким весенним днем. Озеро Куньминку несло людям прохладу. Изваянные из камня и бронзы чудовища, пережившие столетия, внимательно смотрели на нас и на наших друзей, китайцев. Ведь и сюда раньше простым китайцам вход был запрещен.

Скажи мне, древний страж дворцовый,
А ну, признайся по секрету,
Доволен ли ты жизнью новой?
Поведай русскому поэту.
Ведь сколько тысяч церемоний
Здесь проходило пред тобою,
Сменялись на китайском троне
Одна династия другою.
Сокровищ видел ты немало,
Ты охранял их, грозный идол,
Но с бронзового пьедестала
Ты горестей страны не видел.
Там, за дворцовыми стенами,
Гнездилась нищета народа,
И от нее семью замками
Замкнуты были все ворота.
Теперь ворота все открыты,
Но нет нужды такой, как прежде,
И тут не свита топчет плиты,
А люди в трудовой одежде.
И жизнь вокруг совсем другая —
Китай растет в борьбе за счастье,—
А ты сидишь, людей пугая,
Своей ощеренною пастью.

★

Около этой вот карты часто останавливаются люди. Здесь, на карте Тайваня, показано, сколько американских войск находится на китайском острове... Люди смотрят на карту и верят, что в скором времени ни одного оккупанта не останется на Тайване.

В Инхэюане, в зале Нефритовых Волн, много посетителей. Рабочие, крестьяне, женщины и дети окружили экскурсовода плотной стеной.

— В 1888 году императрица-регентша Цы Си приказала отпустить на строительство дворца два с половиной миллиона килограммов серебра. На эти деньги можно было построить железную дорогу длиной в четыре тысячи километров! — с увлечением говорил экскурсовод.— Вот как безобразно вела себя Цы Си!

— Да, безобразно! — соглашаются слушатели.

— А знаете, сколько стоил билет в Инхэюань, когда гоминдановцы «разрешили» посещать его простым китайцам?

— Наверно, один юань...— робко сказала какая-то девочка.

Экскурсовод даже рассмеялся.

— Нет,— ответил он,— нет! Билет сюда стоил столько же, сколько стоил целый мешок хлеба!

Экскурсоводу не приходится говорить, что сейчас билет стоит всего десять фыней — одну десятую юаня.

— Большое спасибо,— торжественно произносит он,— за то, что вы так внимательно слушали меня! До свидания!

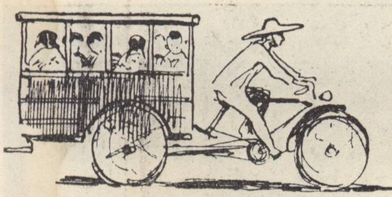
— Большое спасибо вам за рассказ! — говорят посетители.— Это было очень интересно и поучительно.

Все расходятся.

Остается только экскурсовод Чжу Тун. Он ученик седьмого класса сто первой пекинской школы. Ему тринадцать лет.

Чжу Тун хорошо знает историю своей родины. Раз в неделю он водит экскурсии в музее Инхэюань. А заработанные деньги Чжу Тун отдает школе.

— Ведь парты должны быть выкрашены свежей краской! — говорит он.— Зачем же брать на это деньги у государства, когда мы можем сами заработать?!

★

По улице Пекина едет велорикша. За спиной у него вагончик. В вагончике восемь пассажиров. Всем вместе им двадцать пять лет.

Теремок уютен, чист,
На колесах едет,
Правит велосипедист
На велосипеде.

Трехколесный агрегат
Возит маленьких ребят
В детский сад.

И пока отец и мать
На работе где-то,
Няни будут занимать
Этих малых деток.

Материнская душа
Быть спокойной может,
Там накормят малыша,
Отдохнуть уложат...

На дверце трехколесного вагончика надпись: «Ань цюань!»,— что значит: «Безопасность!».

Увидав этот знак, шофер сбавит скорость, велосипедист осторожно объедет, а пионеры отдадут салют.

Если дверца случайно откроется, каждый, кто заметит, сразу же остановит движение на улице и попросит рикшу захлопнуть дверцу. Старики, которые хорошо помнят годы нищеты и бедствий, увидев это, вздохнут и подумают: «Нашим внукам легко жить!..»

★

Китайские товарищи рассказали нам два случая.

Шла по Пекину пионерка. Еще солнце не спряталось за крыши, а на воротах нового большого дома уже загорелась лампочка.

«Как нехорошо поступает домовый комитет!» — подумала пионерка.

Сейчас в Китае идет борьба за экономию. А экономить надо во всем: в большом и в малом. Положил в миску пять креветок — изволь все съесть. Налил полную чашку чая — выпей до последнего глотка.

Тем более с электричеством надо быть экономным. Каждая минута драгоценной электроэнергии должна быть сохранена для фабрик, школ и заводов.

Пионерка не поленилась зайти в домовый комитет. Она рассказала про лампочку. Девочку внимательно выслушали и поблагодарили. И с тех пор лампочку стали зажигать только с наступлением темноты.

А второй случай такой: у тетушки Мэй пять малышей. У всех малышей выросли длинные черные волосики и совсем стали закрывать глаза и лоб.

У тетушки Мэй дома очень много дел. Никак нет времени отвести малышей к парикмахеру.

«А нельзя ли сделать так, чтобы парикмахер пришел к тетушке Мэй?» — подумали китайские тимуровцы.

Можно!

И теперь пекинские парикмахеры приходят в те дома, где много маленьких детей и совсем мало свободного времени.

Вот какие случаи нам рассказали. Что это, мелочи? Нет. Это инициатива, заботливость и доброта. Таким должен быть каждый человек с красным галстуком на груди.

(Продолжение следует)

БАКЕНЩИЦА. Я. Ромас.

У ПАМЯТНИКА ЗОЕ.

Р. Диденко.

ВМЕСТЕ С СОВЕТСКОЙ АРМИЕЙ

Незаметная и мирная профессия — бакенщик. Каждый день, как смеркнется, объезжает бакенщик на лодке свой участок реки и проверяет, не сорвало ли где бакен, исправно ли горят красные и зеленые огоньки, показывающие пароходам фарватер, «проезжую часть» водной дороги.

Так работала много лет и Мария Петровна Бердакова, волжская бакенщица под Сталинградом. Потом вдруг грянула война.

На узкой береговой полоске сталинградской земли много месяцев в тяжелых боях держалась армия генерала Чуйкова. С запада, с севера, с юга наседали фашисты. Позади была Волга. Пока оставалась в руках защитников Сталинграда эта полоска земли на правом берегу, великая река не была покорена, не была перерезана. Пока оставалась в руках защитников эта полоска, подобная островку во враждебном море, Сталинград не был сломлен, хотя и лежали его кварталы грудами кирпича, хотя и грохотали по его мостовым сапоги гитлеровских солдат.

Днем и ночью шли бои. Для защитников Сталинграда Волга была связующим звеном с Родиной. Из-за Волги, с того берега, шли боеприпасы, продовольствие, пополнения воинским частям. За Волгу надо было переправлять тяжелораненых для отправки в тыл. Но фашисты держали волжский фарватер под огнем минометов и орудий, а самолеты со свастикой коршунами кружили над рекой, высматривая добычу.

Пересечь Волгу — это был подвиг. И Мария Петровна Бердакова каждый день совершала этот подвиг, переправляя в своей лодке раненых защитников Сталинграда на Большую Землю.

Хотите увидеть, как это было?

Посмотрите на предыдущую страницу цветной вклейки. Там напечатана картина художника Я. Ромаса «Бакенщица».

Почти до бортов осела лодка в воду, грузно, медленно движется она, тяжко и плохо слушаясь весел. Ночь темна... Это хорошо. Темнота скрывает лодку. Но берег еще так далек! А в вышине злобно рычит мотор самолета. Вот он уже где-то тут, над головой. Вдруг... Смотрите! Холодный, мертвенный свет озарил реку, весла в сильных руках бакенщицы, бледные лица раненых. Это осветительная ракета зловещей лампой повисла в воздухе, выдавая лодку.

И вот со змеиным свистом падают фашистские бомбы, белыми столбами встают разрывы за кормой, по борту, впереди. Тяжелыми рывками движется лодка. Изо всех сил налегает на весла женщина. Еще... Еще раз... Еще вперед... Только бы добраться до берега! Только бы доставить их, раненых! О себе она не думает. Окончится этот смертельно опасный рейс, и она пойдет в следующий. Снова будет ползти тяжело груженная лодка в чернильной тьме сталинградской ночи, и снова наперегонки со смертью будет выгребать отважная бакенщица.

О том, что она и сейчас жива, мы узнали от автора картины Якова Дорофеевича Ромаса. И знаете, что замечательно? Когда художник приехал на Волгу писать ее, он обнаружил там много других таких же героев. Оказалось, что можно взять для картины любого из сталинградских бакенщиков.

— А про Дедулю вы слышали? — спросил нас художник и рассказал героическую историю Сусанина наших дней.

Это было уже не на Волге, а на Припяти, полноводном притоке могучего Днепра. Фашисты в то время захватили Украину. На Припяти жил и работал Дедуля. Однажды гитлеровцы потребовали, чтобы он провел через реку баржу с оружием и боеприпасами. Что ж, Дедуля согласился. Ему ли не знать водной дороги, когда все мели ему знакомы, как своя собственная ладонь? Да только не дошла баржа, куда хотели фашисты! Она «случайно» села на мель, хорошо знакомую Дедуле. И не только ему, но и партизанам. Предупрежденные заранее, они захватили баржу. Ее боевой груз исчез в партизанских лесах.

Так помогал народ Советской Армии. В том и есть ее великая сила, что с ней весь наш народ. И вечным символом этой нерушимой связи стоит близ села Петрищева, на перекрестке подмосковных дорог, памятник простой и мужественной девочке, партизанке Зое.

Сабля

РАССКАЗ

Михаил ГАЙДАБУРА

Рисунок П. Пинкисевича.

Внезапно наступила тишина — и я проснулся. Орудийные залпы удалялись на юг, в сторону Мелитополя. В комнате стоял полумрак. Мелкий октябрьский дождик стучался в окно. Не успев осмотреться, я почувствовал, что у нас появился другой жилец: одуряющий запах духов, которыми душился краснолицый, прыщеватый белый офицерик, был вытеснен приятным острым запахом новых ремней и конского пота. А когда в сенях раздался надсадный кашель отца, я понял: к нам вернулись красные.

Приход красных принес мне большую радость. Я избавился от надоевшего жильца-офицера, который дразнил меня нелепой кличкой «Серолапый лопоух»; я мог сколько угодно смотреть на своего отца, которого без памяти любил; и, наконец, я должен был получить обещанную отцом саблю, настоящую кавалерийскую саблю.

Я был мал и, конечно, еще не понимал шуток, и потому «сабля» было первое слово, с которым я обратился к отцу. Он прижал меня к своей колючей, пахнущей махоркой щеке и ласково назвал дурачком: ведь сабля не по мне, она длинная, я буду спотыкаться об нее, буду падать.

— Так ты же кузнец, вот маленько и укоротишь саблю!— возразил я, удивленный недогадливостью отца.

— Тише, не шуми,— сказал отец, кивнув головой на лавку, где растянулся укрытый шинелью человек.— Дядя Миша четверо суток не спал. А саблю привезу тебе в другой раз. Так и быть...

Отец закашлялся, прикрыл ладонью рот и быстро вышел. Я готов был заплакать от досады и обиды, но вдруг увидел саблю, стоявшую у изголовья дяди Миши. Ах, что это была за сабля! То была мечта моей жизни. Никогда ни у кого я не видал такой сабли. Вся в серебре, тоненькая, чуть искривленная, она так и просилась к левому бедру.

Я на цыпочках подошел, коснулся пальцем костяного эфеса и, не в силах оторвать руку, наполовину вытащил клинок из ножен. Сабля легонько звякнула и блеснула, как молния. Меня охватило непреодолимое желание украсть саблю. Дело в том, что уже давно, еще с тех пор, как в восемнадцатом году отец ушел в Красную Гвардию, я серьезно надумал бежать к красным, и не просто к красным, а в конницу, при виде которой цепенел от восторга.

Но я побаивался, что безоружного меня не возьмут,— ведь отец уходил с револьвером и винтовкой! Теперь же задача решалась просто: сабля, можно сказать, есть, а коня — красивого, буланого в яблоках!— я уведу со двора богатого соседа Якова Будяка, лишь только стемнеет.

Но едва я потянул саблю, чтобы спрятать ее в подполье среди сваленной там тыквы, как дядя Миша сбросил с себя шинель и теплой рукой поймал мою руку. Я посмотрел ему в лицо и попятился: глаза у него были голубые, словно цветы льна, а может, мне так показалось...

— Что, понравилась?— спросил он.— Вырастешь, и у тебя такая же будет. Тебя как зовут?

— Михаил...

— О, значит, тезка мой! Я тоже Михаил.

— Неправда,— возразил я, глядя исподлобья,— вы дядя Миша, отец мне сказал.

Он пощекотал меня за ухом и быстро встал. Меня охватило отчаяние: планы мои рушились. Не бывать мне теперь в красной кавалерии!..

В окно заглянуло багровое от утренней прохлады солнце. На площади призывно прозвучала труба. Весело заржали кони, заслышав боевой сигнал. Дядя Миша поел ароматного борща (ради гостей мать зарезала последнюю курицу), посадил меня рядом с собой и сказал:

— Ну, вот, посижу с тобой и айда в дорогу, догонять Врангеля. Тебе, конечно, тоже хочется с нами, и я охотно взял бы тебя в помощники, но больно уж ты мал. Подрасти немножко, поучись, тогда будет другой разговор. А пока что возьми вот это.— Он достал из полевой сумки красный карандаш и тетрадь в ярко-зеленой обложке.— Кажется,

обо всем мы с тобой договорились... Ах, да, вот о чем я забыл тебе сказать — о честности. Нужно, тезка, честным быть, потому что в Красную Армию ни лгунишек, ни воришек не берут.

Понурив голову, смотрел я на устланный ржаной соломой земляной пол. Я понимал, на что намекает дядя Миша, и впервые в своей жизни испытал жгучий стыд. Я не знал, что мне делать и что ответить дяде Мише. Соскочив с лавки, я пулей вылетел из дому...

вич...— Отец тяжело опустился на стул: у него кровь пошла горлом.

Дрожащими руками я схватил газету. Из черной рамки ласково глядел дядя Миша. Я пытался прочесть подпись под фотографией, но буквы запрыгали и расползлись, как мурашки. Я повалился на лавку, где когда-

Больше я не встречал дядю Мишу. Прошло пять лет. Однажды осенним вечером отец вернулся из сельсовета печальный и молчаливый. Положив газету на стол, он подошел к матери и чуть слышно сказал:

— Беда, Оксана, стряслась...— Он закашлялся.— Умер Фрунзе... Михаил Васильевич...

то сидел с дядей Мишей, и горько, безутешно зарыдал...

...А утро было совсем не осеннее: солнце тепло пригревало, и под окном пышно цвели ярко-красные георгины.

Перевели с украинского
М. Ильин и Л. Островский.

Я остаюсь в Заречье...

РАССКАЗ

Мих. ЧАРНОЛУССКИЙ

Рисунки Е. Расторгуева.

Этот день ничем не отличался от других дней середины лета. Было безветренно, солнечно, и мы, мальчишки, играли на улице в лапту. Я, как всегда, много бегал, волновался и быстрее других устал. И вот когда я уже хотел бросить игру, пришла тетя Вера и позвала меня домой.

— Бабушка письмо прислала,— сказала она дорогой.

Тетя Вера, полная, рыжая, с тонкими, в ниточку, губами,— наша хозяйка. После смерти мамы она забрала меня к себе, а в старый, обросший хмелем флигель, где мы жили, пустила других квартирантов. Я жил у тети Веры временно. Меня должна была взять в деревню бабушка. Ждали только ее письма. И вот оно пришло.

Тетя Вера повела меня прямо в столовую, где стоял круглый полированный стол с толстой ножкой, похожий на гриб, а у стены — буфет с разноцветными стеклышками в дверцах. Сюда тетя Вера обычно без дела не только меня, но и своего сына Вовку не пускала. Но сейчас Вовка был тут. Вовку на нашей улице и в школе мальчишки дразнили «Булкой», за то, что он всегда выходил гулять с булкой в руках.

Булка стоял посреди комнаты и разглядывал письмо, а на столе лежал аккуратно вскрытый светло-зеленый конверт, исписанный неровным почерком.

— Вова, кто тебе разрешил? — крикнула тетя Вера, отбирая письмо.

— Не надо, чтоб Ваня уезжал, мама,— сказал Вовка, отступив на шаг.

— Не твое дело! — Она взяла письмо и стала читать вслух, повернувшись ко мне.

Бабушка сообщала, что болела и не могла поэтому сразу ответить. Благодарила тетю Веру за то, что приютила меня, и подробно описывала, как ехать к ней.

— Ну,— сказала тетя Вера, когда прочла,— давай собираться в дорогу.

У меня задрожали губы. Бабушку Марью Ивановну я ни разу в жизни не видел, и ехать к ней не хотелось. Но я не мог об этом сказать тете Вере.

— Не надо, мама, чтоб Ваня уезжал,— снова сказал Булка.

Я не выдержал и выбежал из столовой. Когда пробегал мимо окна, я услышал голос тети Веры. Она кричала уже на кого-то другого, не на Булку:

— Хватит с меня своих ртов, что вы ко мне пристали!

Я заплакал.

* * *

Поезд тронулся, едва я успел соскочить с подножки. Сбежав вниз по насыпи, я стал смотреть, как мимо, медленно набирая скорость, один за другим проплывали вагоны. Казалось, будто меня покидал старый товарищ, оставляя одного в чужом, неприветливом краю. Мелькнул вдали последний вагон, жалостливо прозвучал прощальный гудок паровоза — и я совсем один.

Закинув узелок за плечи, нахлобучив на голову измятую фуражку, я выбежал на дорогу.

Солнце только-только оторвалось от земли. Я никогда не видел такого большого, яркого солнца. Оно светило прямо в глаза.

Далеко впереди по горизонту тянулась темная полоска леса. Она то утолщалась, то вытягивалась в тоненькую нитку и постепенно терялась из вида. Там голубое небо смыкалось с землей.

По обе стороны дороги тихо колыхалась высокая рожь. Пыль в колеях затянуло темно-серой коркой: ночью шел дождь.

Где-то далеко вскрикнул и тут же замолк жаворонок.

Когда я спускался в ложбину к лугу, позади вдруг прогремело протяжное: «Эге-ге-ге!» Обернувшись, я увидел, что меня догоняет широкоплечий бородатый старик в больших растоптанных сапогах, с палкой в руке.

— Ты чей такой ранний будешь? — спросил дед, поравнявшись.— Видать, городской.

Я рассказал ему о себе. Он, выслушав, нахмурился, сорвал, не останавливаясь, несколько травинок и потер их на своей широкой ладони.

— Ну, а теперь куда?

— К бабушке, в Семеновку.

— Так.— Он сдул с ладони травинки.

Пошли молча. Высокая трава билась о ко-

лени, шуршала. Луг лежал как бесконечный зеленый ковер с красными, синими, белыми прожилками цветов. Местами росли одуванчики; казалось, будто легкие серебристые облака спустились к самой траве. У нас за городом, куда мы с мамой ходили иногда вязать веники, я видел луг, но не такой красивый.

Ложбина кончилась. Мы поднялись на бугор, и опять потянулась рожь.

обветренное, от загара красное, борода густая, широкая, как у русских богатырей, про которых я читал в книжке. Улыбка терялась в бороде, только у глаз собирались добрые мелкие морщинки. Он похлопал меня по плечу. Я тоже улыбнулся.

— Вы сами из Семеновки, дедушка?

— Нет, маленько подальше, из Заречья. Четыре версты от нашей мельницы до вашей в аккурат. Так что рядом. В гости можешь

Пошли по мосту. Дед Егор застучал палкой...

— Значит, одна живет бабушка,— заговорил дед.— Ну вот, будешь помогать ей по хозяйству. В хозяйстве делов много. И на гулянье времени хватит — не бойсь. С ребятами на рыбалку сходишь, и в лес по грибы, и в ночное. Привольно летом-то! А зимой — в школу.

Я слушал, и не верилось, что вот уже завтра начнется у меня новая жизнь.

Дед словно понял меня:

— Не горюй, сынок! Все обойдется. Попомни мое слово.

Он улыбнулся. Лицо у старика было

приходить. Зовут меня дедом Егором. Прямо так и спрашивай, когда придешь: где, мол, тут живет дед Егор,— и тебе все покажут.

Он рассказал, что гостил у сына в деревне, недалеко от станции, и сейчас возвращается домой. Потом стал расспрашивать о моих родителях.

Узнав, что мой отец был партизаном и погиб, покачал головой:

— Вот как. Ишь ты! Что войны-то делают!

Прошли немного молча. Дед Егор сбавил шаг, стал разглаживать бороду, несколько

раз начинал: «Это, понимаешь...» — и тут же умолкал. И вдруг он остановился и, протянув вперед руку, сказал:

— А вот и Семеновка твоя.

Увидев деревню, я обо всем забыл. Семеновка лежала в ложбине. Издали построек не было видно, все утопало в зелени. Только красная башня колхозной водокачки возвышалась над зеленым покровом, да за деревней на бугре ослепительно что-то блестело, должно быть, парниковые рамы.

Смотрел я и думал: где тот дом, в котором я буду жить, узнает ли меня бабушка, что скажет, встретив?

Солнце поднялось уже высоко. Сильно припекало. Дед Егор вытер рукавом вспотевший лоб.

— Эх и жара! Который день жара стоит! — сказал он с досадой.

Над нами вдруг звонко запел жаворонок. Подняв голову, я увидел его. Вон он взвился вверх и неподвижно повис в воздухе. Потом вдруг, словно камушек, полетел вниз, но не упал — задержался. Секунда — и опять он на прежней высоте. Мне показалось, что жаворонок подвешен на тонкой невидимой резинке: он не может никуда улететь и то падает вниз, то поднимается и поет, поет...

Мы подошли к мосту, переброшенному через неширокую речку с крутыми берегами. Вода под ним стояла тихая, темная, а чуть подальше она журчала, переливаясь под яркими лучами солнца. Темно-зеленые ветки орешника низко свисали над рекой.

— Серебрянка,— сказал дед Егор.— Купаться здесь будешь.

Пошли по мосту. Дед Егор застучал палкой. Сразу за мостом начиналась деревня. Сердце мое тревожно забилось...

— Ну вот и прибыл ты, сынок. Сейчас узнаем, где бабушка живет. Пойдем к колодцу, кого-нибудь встретим.

Дед Егор взял меня за руку, и мы свернули с дороги.

Вдоль всей улицы у каждой изгороди росла сирень, такая же, как на дворе у тети Веры, а в промежутках — молодые вербы. Местами зелень редела, и тогда сквозь ветви выглядывали небольшие двухоконные домики под черепицей.

— Не бывал в деревне-то раньше? — спросил дед, заметив, что я рассматриваю улицу.

— Нет.

— Не беда. Привыкнешь.

У колодца мы встретили высокую худощавую женщину, дочерна загорелую, с тонким, прямым, как палочка, носом. Дед Егор спросил ее про бабушку.

— Внучонка вот к ней веду, из города.

— Внучонка? — Женщина оглядела меня с головы до ног, потом провела по лицу ладонью и сказала спокойно:

— Марья Ивановна-то померла.

Я испуганно посмотрел на нее.

— Померла? — переспросил дед Егор.

— Третьего дня соседи похоронили. Вон на том краю села изба стоит, заколоченная.

— Вот те раз! — Дед Егор защипал свою бороду.— Ну и ну!

Я испуганно смотрел на смуглолицую женщину и, почувствовав холод во всем теле, стал дрожать.

Дед Егор нагнулся и спросил, коснувшись бородой моей головы:

— Ну, что делать-то теперь?

Я молчал.

— Ко мне в Заречье пойдешь, пока что?

— Пойду.

— Пойдем, милый! Недалече идти. А потом разберемся.

* * *

Дарью Васильевну, жену деда Егора, мы нашли в сарае. Нагнувшись над деревянным корытом, она колотушкой толкла вареный картофель. Валил пар, за решетчатой перегородкой визжали поросята. Возле корыта стояла крынка с молоком.

— Ну, Дарья, выходи! — сказал дед Егор.— Гостей принимай!

Обернувшись, она с удивлением посмотрела на меня, потом подошла. Полная женщина лет пятидесяти, с мягкими крупными чертами лица, бледная, черноглазая. Руки у нее были короткие, но очень подвижные, а ладони пухлые, потрескавшиеся. Она была в сапогах, в белом с красными кружочками платке, в синем полотняном платье со сборочками на груди.

Дед Егор стал ей объяснять, кто я такой. Дарья Васильевна всплеснула руками.

— Померла? Батюшки!— И тяжело вздохнула.— Ну, идем, идем в избу, сынок!..

В избе меня ненадолго оставили одного. Дед Егор пошел рубить хворост для бани, Дарья Васильевна — кормить поросят.

В комнате было прохладно, пахло свежевымытыми полами, где-то тикали часы. Я никак не мог понять, откуда доносится тиканье. Стал прислушиваться, рассматривать все. Низкий оштукатуренный и побеленный потолок, большая белая печь, маленькие окна, цветы за полотняными занавесками, самодельные тяжелые табуретки у бревенчатых

Дед внимательно на меня посмотрел и снова стал разглядывать фотографию.

стен, стол с брюхатым медным самоваром. У нас цветов на подоконниках стояло больше: мама любила цветы. Вспомнив флигель, маму, я забыл про тикание. Положил голову на руки. Потом глаза стали смыкаться.

Проснулся, смотрю: сеновал. Сквозь щель пробивается солнечный свет. Лежу на мягком душистом сене. Возле меня на коленях — дед Егор.

— Ах, ты! А я думал, перенесу, не проснется. Выспался, нет? Поспи еще малость, а я пойду баню топить. Истоплю и разбужу. Мыться будем. Хорошо?

— Хорошо.

Он встал и, согнувшись, пошел к лестнице.

Стояла тягучая, как мед, тишина. Только изредка ее нарушат то скрип телеги и ленивое пофыркивание лошади, с неохотой плетущейся в такую жару по дороге, то пронзительные вскрики барахтающихся в речке мальчишек, то отдаленный бабий голос, без эха, без ответа, прозвенит и замрет, и опять

воцарится тишина. Спи себе да спи! Я вдруг заплакал. И не думал ни о чем. Просто пригревало солнце, тянуло на речку, к мальчишкам, а я был чужой. И не только в этой деревне, а всюду теперь чужой.

* * *

В бане было и без того жарко, а дед Егор взял да еще вылил на раскаленные камни два ковша холодной воды. Дышать стало трудно.

— А ну-ка, полезай на полòк! Чего ждешь?

Я послушно исполнил приказание.

На полкé было темно, как в погребе. Сквозь маленькое закопченное оконце дневной свет почти не проникал. Чуть освещались бочка с холодной водой и котел, вмазанный в большую, занимавшую половину бани печь.

Вылив на себя шайку воды, дед Егор спросил меня:

— Ну, как будем мыться? Веником ты, пожалуй, не выдержишь. Давай я тебя мочалкой потру.

Я растянулся, и дед Егор стал водить по моим ребрам мочалкой. И снова заговорил:

— Что, баня, небось, не понравилась, темная? Ничего, зато жаркая! Кто ни мылся, все хвалили. Вот ты говоришь, отец у тебя партизаном был. У меня в бане тоже партизан мылся, из города. Понравилась. «У тебя банька, Егор Тимофеевич,— говорил он,— лучше и не надо».

Дед Егор перевернул меня на другой бок и продолжал:

— Да, хороший был человек! С неделю жил у меня на чердаке. Не успел уйти к своим, когда немцы ворвались... Прощался я с ним, как с родным сыном. Подарил он мне на память часы... Василием его звали. А фамилии вот я не узнал.

— И папу моего Василием звали,— сказал я.

— Чего? Василием? — Дед Егор перестал утюжить меня мочалкой.— А ну-ка, встань! Он какой из себя, отец твой? Высокий?

— Не знаю. Карточка у меня есть.

— Карточка? Покажешь. Худощавый такой, с усами?

— С усами.

— Да... Вот так встреча. Что, как это он? А? — Дед Егор радостно засмеялся, и я тоже вместе с ним.— Выходит, брат, мы с тобой как бы и не чужие, ежели так. А? Выходит, в аккурат по адресу приехал. А?

— Не знаю.

— «Не знаю»! Ну-ка ложись, еще потру, Иван Васильевич!..

Больно было от мочалки, мыло щипало глаза. Но я не обращал на это внимания.

Уже темнело, когда мы пришли из бани. Горела подвешенная над столом керосиновая лампа.

Обувшись, дед Егор сел за стол, взял щипцы для сахара — они в его руках казались очень маленькими, ненастоящими — и начал крошить большой ребристый кусок колотого сахару. Я сел напротив, распаренный, усталый.

— Ну, где твоя фотокарточка? Показывай!

Я подошел к сундуку, развязал свой мешок и из старой, без корки книги вынул фотографию отца.

Улыбаясь, дед Егор взял ее, подвинулся ближе к лампе.

— Видать-то плохо.

Вдруг он нахмурился. Я не дышал, сильно стучало сердце. Дед внимательно на меня посмотрел и снова стал разглядывать фотографию.

— Погоди, погоди, вроде похож. А? Усы знакомые. — Старик закивал головой, у глаз собрались добрые мелкие морщинки. — Он, в точности! — И похлопал меня по плечу.

Я готов был подпрыгнуть от радости...

Дарья Васильевна положила меня спать на широкой длинной лежанке. Я уснул не сразу. Большая пуховая подушка и простыня пахли речкой и травами. Я стал вспоминать прожитый день, прислушивался к звукам. Фырчала за воротами лошадь, скрипел журавель, тикали часы. Те же, что и днем. «Хороший был человек! Он мне часы подарил»,— вспомнились слова деда Егора. «Наверное, эти»,— подумал я, и мне очень захотелось посмотреть на часы...

Когда я уже стал засыпать, меня окликнула Дарья Васильевна:

— Ванюша, спишь?

Меня так тянуло ко сну, что я уже не мог ей ответить.

И совсем в дремоте я услыхал:

— Ладно, старый, пусть так уж и будет! Все одно, слышь, партизан.

Но смысл этих слов до меня, уже почти уснувшего, не дошел...

Утром я проснулся от крика.

— Грабли! Почему не взяла грабли, разиня? — прогремел чей-то незнакомый бас на улице.

Стараясь не шуметь, я натянул на себя штаны и слез с лежанки.

В избе никого не было. Подойдя к столу, на котором стоял самовар — неуклюжий, с вмятиной под краном,— я осмотрелся. И тут возникли в памяти слова Дарьи Васильевны, которые я услыхал ночью сквозь сон. У меня даже перехватило дыхание. О моем ведь отце она говорила. Конечно, о моем! Не он это был у них. Недаром дед Егор нахмурился, поглядев на фотографию. Внутри у меня словно что-то оборвалось. Чужой и незнакомой сразу показалась вся обстановка. И вспомнилась вдруг семеновская бабушка. С обидой на все на свете я подумал, что ни разу не видел ее раньше и теперь уже никогда не увижу, а если б она не умерла, я бы не был таким одиноким. Вспомнились тетин Верин буфет с разноцветными стеклышками, Булка, наш флигель, обросший хмелем, с полуразвалившимся крыльцом и мой первый букварь, который теперь лежит в сарае в старой корзине. «Ну и пусть, уйду в детдом!» — подумал я. А в открытое окно врывался яркий солнечный свет, мимо дома проходили колхозники с граблями, косами, и где-то далеко, должно быть, опять возле речки, кричали мальчишки. От этого становилось еще тяжелее.

Неожиданно со двора донесся голос деда Егора. «Лодыря гоняешь! — бранил он кого-то.— Смотри, брат, я хоть и не бригадир, а не смолчу!» Я бросился к окну и сам удивился, как спокойно сразу стало у меня на душе.

Дед Егор вошел в избу с непокрытой головой, в новой полотняной рубахе.

— Проснулся? Ну, доброе утро, Ванюха! — Он подошел, потрепал меня по волосам. Рубаха его пахла травами.— Ишь какой кудряш! Косить сегодня пойдем на дальние луга? Денек будет хороший.

Я испуганно посмотрел на деда Егора. Сейчас он скажет мне об отце. Но, встретив мой взгляд, он добро улыбнулся и положил свою тяжелую руку мне на плечо.

— Ну что молчишь-то? Пойдем?

Ответ застрял у меня в горле. Я слизнул с губы соленую каплю и кивнул головой.

— Вот и молодец! Привыкать, брат, надо. Грабли я тебе подобрал легкие, все одно что перышко.— От его руки по всему моему телу расходилось тепло.— Будем, брат, жить не тужить! Вот как! Согласен?

Сердце мое заколотилось так, что даже отдалось в висках. Я отвернулся к окну и вытер рукавом мокрые от слез щеки. Яркие искорки света заиграли на ресницах.

ВОЛШЕБНАЯ ТЕТРАДЬ

Марк СЕРГЕЕВ

Туман над рекою клубится,
Снегами укрыты поляны,
Но теплое лето хранится
В звене Ивановой Светланы.

Горячие краски саранок,
И запах травы спозаранок,
И шорохи чащи сосновой
Хранятся в звене Ивановой,
В шестом пионерском отряде,
В большой самодельной тетради.

Вот смотрит с четвертой страницы
Цветок полевой медуницы.
На двадцать девятой —
гляди-ка! —
Лесная алеет гвоздика,
А дальше, тепло излучая,
Пылают цветы иван-чая
И, словно в удобном кармашке,
Две белые дремлют ромашки.

Пурга наметает сугробы,
Лесные засыпаны тропы,
Но только захочется Свете —
И птицы поют на рассвете,
И дождики бродят босые,
И радуги светят косые.

ПОСЛЕ УРОКОВ

Прозвенел последний звонок, в дневнике записаны номера параграфов и задач, заданных на дом, учебники торопливо уложены в портфели. Несмотря на усилия нянечек, шум и суматоха наполняют раздевалку. Выходит, школьный день кончился? Замерла школьная жизнь до завтра, до нового первого звонка? Бывает иногда и так. Но чаще интересная жизнь не кончается с последним уроком. Это если в школе крепкий пионерский коллектив, если у ребят дружба с учителями, если пионеры знают тайну волшебных слов-ключиков, более могучих, чем тот, которым в сказке Алладин открывал скалистую стену пещеры сокровищ.

Про тайну волшебных слов вы прочитаете на этих страницах, где идет рассказ о двух школах города Горького: о шестьдесят шестой и о четырнадцатой. А заодно вы узнаете про сорок медвежат, про строителей ТЭС, про пианино без струн и необыкновенную скрипку, про блины, про стаю маленьких лебедей.

Даже не знаешь, с чего начинать, но так как начинать все-таки нужно, начнем со скрипки, потому что с нее вообще многое началось.

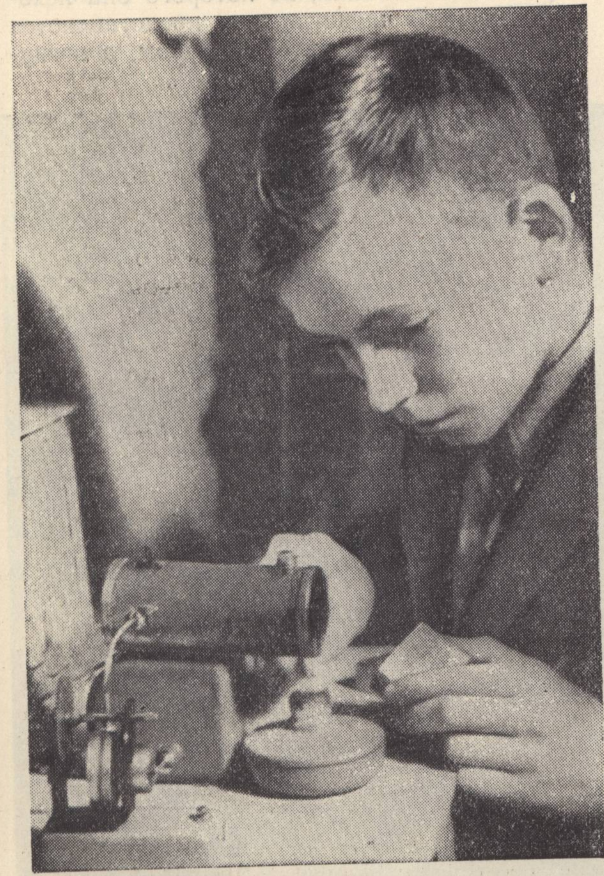
Путешествие с учителем физики

Эта скрипка похожа на обыкновенную, если смотреть на нее спереди, «с лица». Изящно выгнутая лакированная дека, гриф для натягивания струн, изогнутые вопросительными знаками щели резонатора — все на своем месте. Так как скрипка хранится в физическом кабинете за стеклянной дверью большого шкафа с приборами и повернута к зрителю «лицом», зритель сначала проходит, ничего особенного не замечтив. Только вынутая из шкафа, скрипка выдает себя. Она вовсе не обыкновенная. К деке приделана консервная банка. Простая жестяная банка, может быть, из-под бычков в томате, а может, из-под салаки. Молодой учитель физики Аркадий Васильевич Спиридонов поворачивает скрипку в руках, чуть улыбаясь.

— Я сделал ее, когда еще сам был пионером и учился здесь, в этой школе. Видите, тут на обороте и надпись сохранилась: «Арк. Спиридонов». Я вычитал, как

сделать скрипку, из заметки в журнале, кажется, даже в «Пионере». Мастерил ее, конечно, чтобы стать скрипачом, но скрипка неожиданно увела меня на другую дорогу. Я увлекся физикой, наукой, охватывающей весь мир от атома до вселенной. Знаете, эта скрипка — хорошее наглядное пособие для меня, учителя. Она всегда напоминает мне, как много хочет знать и уметь мальчишка или девчонка в двенадцать лет. Собственно говоря, я считаю, что эта скрипка — первый самодельный прибор моего теперешнего физического кружка. Хотя мои ребята в кружке иной раз делают вещи посложнее и поинтереснее, чем делал я когда-то. Вот идемте, покажу.

И тут началось наше путешествие в мир моделей, приборов, механизмов и миниатюрных строек. Сначала мы увидели пианино без струн. Нет, нет, не думайте, это вовсе не было сломанное пианино! В нем просто не полагалось ни струн, ни мягких войлочных молоточков, ударяющих по струнам и рождающих звуки. Клавиши управляли не молоточками, а контактами, и действовали на электропровода, а не на струны. При нажиме на клавиш замыкалась цепь, возникал ток, и уже этот ток преобразовывался в звуки с помощью радиоустройства. Труднее всего было отрегулировать токи, возникающие под каждым клавишем, чтобы они, преобразуясь, соответствовали строго определенным музыкальным тонам. «Настраивали» ребята токи по скрипке.

Испытания парового котла будущей тепловой электростанции.

Учитель продолжал путешествие, и мы увидели «линию высоковольтной передачи». Она шла с одного столика к другому вдоль стены кабинета электротехники. Катушки самодельных трансформаторов повышают ток в начале пути, а в конце пути — понижают, и настолько, что внутри домика понижающей станции горит, не перегорая, маленькая шестивольтовая лампочка автомобильной фары.

Здесь же в кабинете мы познакомились со строителями тепловой электростанции. Станция должна действовать и давать ток. Сейчас идет монтаж парового котла и подключение к нему генератора. Строители волнуются: правильны ли расчеты, хватит ли мощности котла, чтобы приводить в действие генератор, и получится ли достаточное напряжение у них в сети?

Из длинного шкафа учитель вынул мерцающую белизной трубку самодельной лампы дневного света — миниатюрное полярное сияние, взятое в плен юными физиками. В этих больших шкафах хранилось множество приборов. Одни из приборов поясняли законы падения тел, другие раскрывали секреты качающегося маятника, третьи показывали направление к центру Земли с помощью грузика на нитке. И так далее, без счета.

Эти приборы, сделанные ребятами, работают. На уроках физики они наглядно подтверждают правильность теории, раскрывают законы природы в действии. Тогда по классу, словно под дуновением ветра, пролетает имя того, кто строил прибор. Строитель при этом делает равнодушное лицо, но, по правде говоря, втайне очень гордится, если прибор действует хорошо. А так оно чаще всего и бывает.

Характер Валерия Мохина

Валерий Мохин любит физику и вот уже скоро два года занимается в кружке: с тех самых пор, как его семья переехала жить в Сормово и он поступил в шестьдесят шестую школу.

У Валерика Мохина особенный характер. Он до всего любит докопаться своими руками, все увидеть и проверить своими глазами. (А ведь это и правда очень интересно! Как вы думаете?)

Однажды Валерик пришел в физический кабинет к Аркадию Васильевичу за советом: как улавливать биотоки? Валерик услышал по радио лекцию об открытиях в физиологии и медицине. Там упоминалось и о биотоках — об электромагнитных волнах, порождаемых нервными клетками.

Схемы усилительного устройства они обсуждали вместе: ученик и учитель. Валерик благополучно построил усилитель. Но вот самый приемник биотоков получился, по-видимому, недостаточно чувствительным. Валерик хотел принимать их на кварцевый кристалл. Эксперимент не удался. А потом нагрянули другие дела. Пришлось Валерику срочно сооружать микроскоп. Для этого понадобилось использовать объектив любимого фотоаппарата, а значит, на время отказаться от фотографирования. Что поделаешь, исследования не даются даром!

Зачем же Валерику понадобился так срочно микроскоп? Оказывается, для изучения усиков бабочки. Значит, изменил Валерик физике, радиотехнике и увлекся биологией? Нет, нет, ничуть! Он с прежней настойчивостью строит радиоприемник, с прежним нетерпением ждет занятий кружка.

Просто снова пришла в действие сила, выражаемая словами «я сам». Валерий от кого-то услышал, что где-то комаров уничтожают новым способом, заманивая в ловушки с помощью ультракоротких волн.

Десятки «как» и «почему» сразу возникли у Валерия. И, разумеется, он захотел сам, глазами радиотехника, исследовать насекомых. Он выбрал для этого не комара, а бабочку. Вот тут-то и понадобилось с молниеносной срочностью строить микроскоп, взяв «взаймы» объектив у фотоаппарата.

Микроскоп показал усики бабочки, как говорится, «в новом разрезе». Валерик рассматривал их подробно и находит, что они очень, очень похожи на радиоприборы. Ему ясна даже схема. Он считает, что это диполи, позволяющие не только принимать волну, но и фокусировать ее, а значит, и определять источник, из которого она исходит. Каждый членик усика представляется Валерию колебательным контуром, а вогну-

Печь блины хорошо, но и пробовать не худо!

тость на голове бабочки против места прикрепления усиков — это же экранирующее зеркало! Жаль, что не может Валерий проверить свои догадки! Для этого нужен генератор ультракоротких волн, какой не по силам построить юному физику. По крайней мере сейчас, пока он юный и не кончил школу.

Микроскоп разобран, и фотообъектив водворен на свое место. Но кто знает, какую службу придется ему служить завтра?

Валерик мечтатель, у него неустанно работает фантазия. Это фантазия исследователя, изобретателя. Она свойственна в той или иной мере всем юным друзьям учителя физики Аркадия Васильевича Спиридонова. Это она помогает им клеить, паять, мастерить, строить, открывать мир вокруг себя, его большие и маленькие тайны. Слова «я сам» — чудесный ключик к этим тайнам.

Ключик от всех дверей

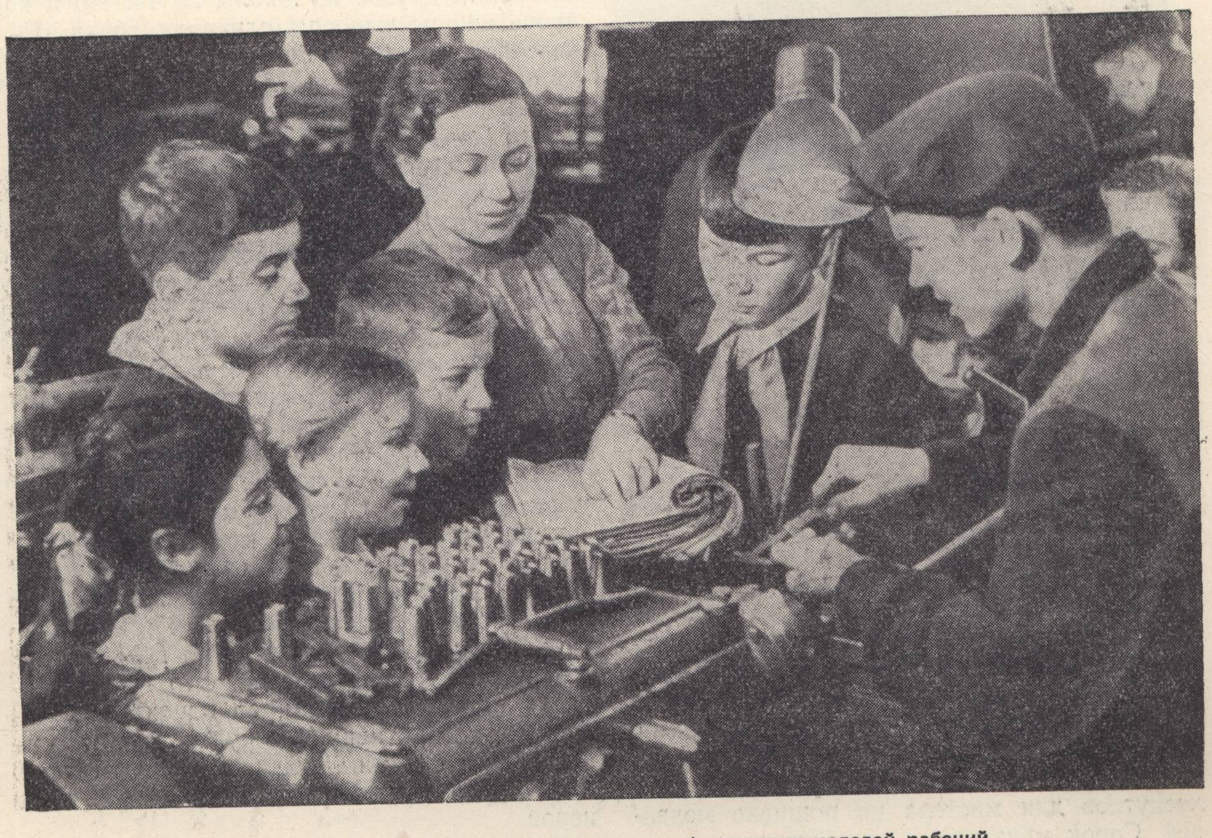
В ключике «я сам» — большая сила. Она открывает тайны радостного труда. «Я сам» — это же так замечательно! Вот шестиклассники старательно красят белилами переплеты рам школьной оранжереи. Сегодня их очередь. А вчера работали другие отряды. Всем ведь хочется!

А зато как хорошо в белоснежной оранжерее отражается солнечный свет! Ни один лучик не пропадает, все идет растениям. И когда дружным зеленым ежиком всходит лук, который сажали юннаты, или зацветают желтые граммофончики тепличных огурцов,— это такое торжество! Ведь каждый, глядя на луковые и огуречные заросли, знает: я сам сажал, я сам растил, мы сами, все, дружно и вместе!

Когда испытаешь себя в одном деле и добьешься успеха,— начинаешь верить в свои силы. В шестьдесят шестой школе у ребят эта вера очень крепка. Они задумали большую стройку: плавательный бассейн. Нет, это уже не макет, это на самом деле, в жизни. Стены бассейна — вот они, их видно прямо из классных окон, за сквозной сеткой заснеженных деревьев школьного сада.

Сейчас зима, холодно и скользко. На время, до теплых дней, ребячья стройка остановлена.

Но весной снова звонкими голосами заполнится большой кирпичный корпус. За-

— А я, ребята, тоже в вашей школе учился! — говорит молодой рабочий.

За побелкой школьной теплицы. Отряды белят по очереди, потому что ведь это всем интересно!

мелькают в оконных проемах веселые лица ребят, юных каменщиков, ловко набрасывающих раствор кельмами. Снова — кирпич за кирпичом — поведут кладку, пока она не поднимется до будущей крыши.

Бассейн, конечно, будет, а тогда? А тогда найдутся новые дела под чудесным девизом «я сам».

Сорок медвежат

Удивительное дело! Всюду, где ребята открыли тайну этих двух замечательных слов, очень интересная и веселая идет жизнь, и после уроков она такая же кипучая. Вот школа № 14 Свердловского района. Заглянем в нее, там много мастеров на все руки, участников интересных дел под девизом «я сам».

Знаете ли вы что-нибудь про сорок медвежат? Нет, конечно, не знаете. Этих медвежат шьют пионеры из 5-го «Б». Медвежата разные: плюшевые, бархатные, байковые, вельветовые (в рубчик) и даже сатиновые, в цветочки, если не оказалось у мамы других лоскутков для мастера по пошивке медведей. Сорок медвежат — это уже сшитые и подаренные. Их шьют все пионеры: и мальчики и девочки. Шьют с увлечением, потому что на эту продукцию большой спрос. Малыши из детского дома страшно радуются, когда получают в подарок пионерских мишек. А это так приятно, если подарок, сделанный твоими руками, высоко ценится. К тому же малыши свои, подшефные, о них надо заботиться.

Саша Воробьев, научившись во Дворце пионеров выпиливать, превратился в инструктора по изготовлению игрушечной мебели. В школе есть замечательные преподаватели столярного дела. Они, конечно, могли бы не хуже Саши научить пятиклассников. Но зачем же? Пусть Саша лучше сам попробует свои силы.

Теперь 5-й «Б» — это прямо мебельная фабрика какая-то, выпиливают все: и мальчики и девочки. Фанерной обстановкой, кукольными столами, стульями, кроватями можно уже обставить целые домики.

Так ребята и делают. А хотите знать, куда отправляются домики с мебелью? Да туда же, куда и сорок медвежат: малышам детского дома.

Горку для катания на салазках им тоже построили друзья из школы № 14. Но и во дворе школы выросла отличная горка. Ее, конечно, строили пионеры своими руками. «Я сам»! Правда, помогала еще лошадь. Она на санях подвозила снег, потому что во дворе его было еще не так много, не носить же лопатами с улицы! Лошадь, конечно, не сама взялась помогать, это дело устроил директор школы Александр Павлович Горчаков. Александр Павлович сочувствует пионерским заботам, он понимает, что горку надо не к концу зимы, а чем раньше, тем лучше. К тому же и он и все учителя очень любят, когда ребята говорят «я сам», «мы сами». И никогда здесь не услышишь от старших: «Вы не сумеете, это трудно». Они говорят: «Пробуй свои силы, смелей! Сам? Очень хорошо!»

Так идут дела не только у пионеров, но и у октябрят. Октябренок Лариса Дворцова занимается в балетном кружке. Она уже хорошо танцует, можно сказать, солистка Дворца пионеров. Если вы заглянете как-нибудь после уроков в четвертый класс, где учится Лариса, вы увидите там целую стаю беленьких веселых лебедей. Это все октябрята, подруги Ларисы, ее одноклассницы. Лариса, превратившись в руководительницу, разучивает с ними танец маленьких лебедей так же, как сама научилась во Дворце пионеров.

В четырнадцатой школе у ребят есть еще

одно увлечение. Все отряды — от октябрят до самых старших пионеров — любят праздновать дни рождения.

Каждый отряд празднует дни рождения всех своих пионеров, никого не пропуская. Это очень веселые праздники, на которых бывает много смеха, много шума, беготни, шуток и различных вкусностей. Вот в этих вкусностях — главная прелесть дней рождения. И не потому, что ребята такие уж лакомки, а потому, что готовят-то они сами! Это так интересно и здорово — самим напечь блинов, или каких-нибудь рассыпчатых сухариков, или даже соорудить слоистый, тающий во рту торт с кремом.

Состряпать самим очень приятно, а если это еще и к настоящему празднику, к дню рождения друга,— тогда особенно!

Встреча с жизнью

Город Горький — город больших промышленных предприятий, и пионеры четырнадцатой школы — частые гости на них.

Такие путешествия бывают либо с вожатой, либо с классным руководителем. Недавно Ольга Николаевна ходила со своими ребятами, с 5-м «Б», на завод. Ребята готовы были стоять без конца у всякого станка, в каждом цеху. Их все поражало. Такая это могучая сила — завод, машины! И вдруг один из молодых слесарей, улыбнувшись, сказал пионерам:

— А я, ребята, тоже окончил вашу школу.

У них даже дух захватило. Подумать только! Год назад этот человек был обыкновенным школьником, как они, ну, правда, десятиклассником. И вот он уже рабочий! Перед ним выстроились ряды сверкающих деталей.

Детали... Ребята с особым удовольствием произносят это слово, такое настоящее техническое слово. Большинство уже мечтает о том времени, когда и они пойдут на завод обтачивать, рассверливать, шлифовать детали, большие и маленькие, пока еще непонятные, но, конечно же, очень нужные.

А перед уходом, на прощание, они, немного смущаясь, спрашивали у мастера, можно ли взять хоть по одной стружке. Синие, золотистые, радужно переливчатые стружки упругими змейками и завитками вьются из-под резцов. Большой ящик с выметенной стружкой кажется ребятам ларцом чудесных сокровищ. Каждый уносит по стружке и каждый жалеет, что не взял еще более длинную.

Последний стежок, глаз пришит, и медвежонок готов! Саша Воробьев отрывает нитку, хотя, конечно, зубами не полагается.

Вот как замечательно живут после уроков пионеры двух школ города Горького. Одни — на Сормовской стороне, другие — на противоположном берегу Волги, там, где на высокой круче огибают город стены древнего кремля.

Секретно и несекретно

Почта вожатого Симы Соловьева

Помните наш уговор, ребята? Он был такой: подробно писать обо всех делах в отряде, о работе по ступенькам, о том, что у вас было интересного, о чем вы поспорили, что вам не нравится в вашем классе.

С тех пор каждый день в редакцию приносят много писем. Одни простые, другие с пометкой «совершенно секретно». Сами понимаете, их никому, кроме меня, читать нельзя. И вот я принялся отвечать. Отвечу на одно — два приходит. На два отвечу — пять принесут. Отошлю пять ответов — появляется десять новых писем. И скоро на столе собрались такие кипы писем, что мне из-за них ничего не видно.

На некоторые письма я решил отвечать в журнале. И если у кого-нибудь такой же вопрос, можете сразу получить на него ответ. Конечно, здесь выбраны несекретные письма и только одно секретное.

Ох, эти клички!

Я расскажу о сборе отряда. На сборе отмечали день рождения ребят. Было очень весело, потому что была гармошка. Все остались довольны. И еще мы ходили на фабрику, там мы видели много интересных станков. В классе есть команда футболистов и работают кружки. Лично я учусь на инструктора туристов. Но не все в классе хорошо. Например, появились клички. Сима, как избавиться от кличек?

Виктор Питиримов,
Удмуртская АССР, город Сарапул,
ул. Первомайская, дом 34, кв. 5.

Ну, Виктор, я не думаю, чтобы в таком дружном отряде не могли избавиться от кличек. Ведь кличками только животных называют, коз, например, или там баранов.

Кто откликается на кличку, тот, значит, не уважает свое имя. Попробуйте сделать так: соберите совет отряда и постановите, что с такого-то числа никто друг другу кличек не дает и на клички не откликается. Ну, а если кто-нибудь нарушит уговор, всем классом придумайте ему такую кличку, чтоб ему тошно стало. Знаешь, ведь иногда клин клином вышибают...

У Гали Корсаковой беда

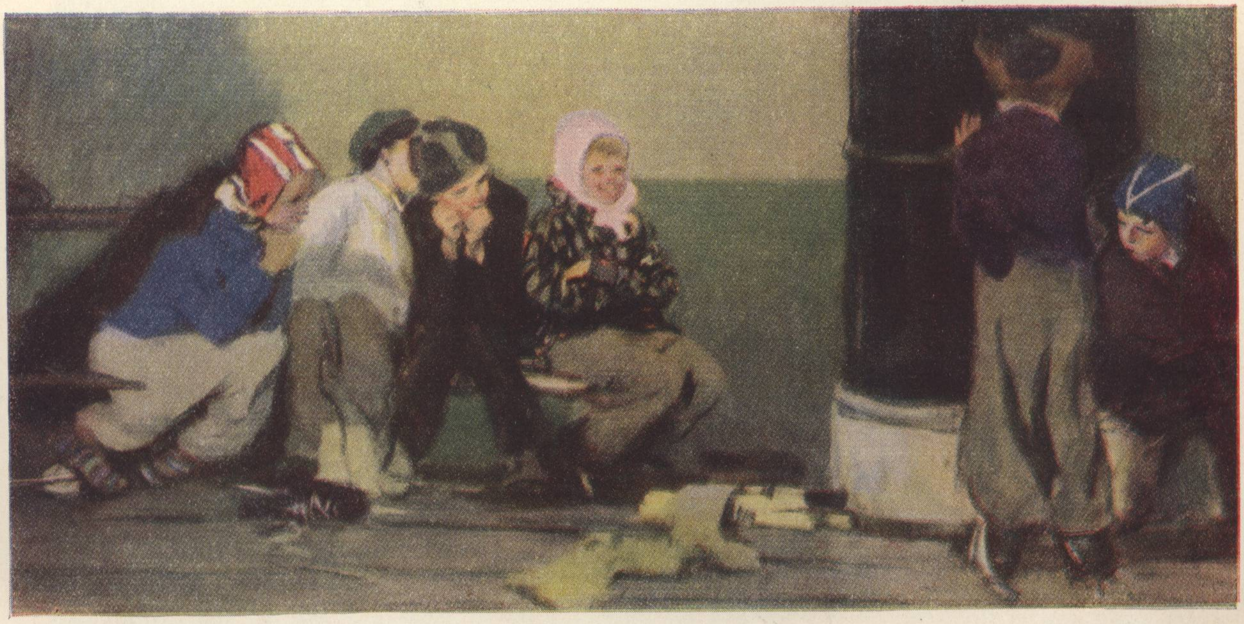
У нас в классе был один ученик, его зовут Реджес. Его недавно перевели во 2-й класс. Он очень balованый. И сегодня, 25-го числа, он меня побил. Тетя закричала на него, а он ее обругал.

Мы всем классом хотели, чтобы он был хороший, но он никак не хочет учиться хоть на 4 и 5. Мы уже хотели его из школы выгнать, но мама Реджеса пришла и со слезами просила за него. Помогите, что нам де-

В ПОМОЩЬ КОЛХОЗУ. А. Духанин.

ВРЕДНЫЕ ДЕВЧОНКИ. Е. Грибов.

РЕМЕСЛЕННИК. И. Симонов.

лать с ним? Житья нет от этого Реджеса, мы все измучились с ним!

Галя Корсакова,
3-й класс школы № 45. г. Грозный

Отвратительная история! Я обращаюсь к совету дружины 45-й школы города Грозного.

Неужели у вас в дружине нет ни одного настоящего парня, который смог бы защитить девочку? Неужели никто не может научить Реджеса, как надо вести себя?

А Галю и всех маленьких девочек 45-й школы я прошу показать это письмо совету дружины. И если вас, девочки, кто-нибудь тронет после этого, а старшие ребята не заступятся, то сейчас же напишите мне.

«Важный» вопрос: прическа...

Напишите, пожалуйста, какие прически следовало бы носить ученикам и ученицам седьмых классов.

Людмила Меркуль,
г. Ташкент, улица 10-летия Октября, дом 25, кв. 92.

Честно говоря, Людмила, я и сам не знаю, какие такие особые прически нужно носить в седьмом классе. И зачем всем одинаковые прически?

Пусть каждый носит, какую хочет, только бы она была аккуратной и простой, чтоб вихры не торчали во все стороны да чтоб не приходилось по утрам по часу перед зеркалом вертеться...

Но главное, по-моему, не в прическе, а в голове: какими мыслями она заполнена. Это гораздо серьезнее...

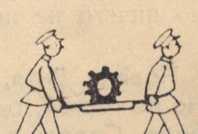

О себе и о своем классе

Я теперь ученик 6-го «А» класса. Учусь я посредственно. В нашем классе все ребята дружные, они борются за хорошую успеваемость и дисциплину. Мы собрали много металлолома, отмечали день рождения отряда. Я хожу во Дворец пионеров, занимаюсь в кинокружке и уже немного научился показывать кинофильм. Это очень интересно.

Виктор Денисов,
г. Ульяновск,
ул. Лесная, дом 28, кв. 1.

Видно, Виктор, всем ты хороший человек, я рад за тебя. Только вот почему ты учишься посредственно? Пожалуй, ты немножко подводишь свой дружный отряд. Я думаю, в кинокружке ты занимаешься не «посредственно», а очень хорошо. Но ведь школьные занятия для тебя не менее важны, чем кружок. Напиши мне: ты не пытался учиться получше?

Давайте ответим вместе

Просим ответить на такой вопрос: можно ли дружить с мальчиком?

Вера Смирнова, Таня Иванова,
ученицы 7-го класса школы № 27 г. Кировограда.

Знаете что, девочки? Я вам ничего не отвечу. Мне очень хочется сначала узнать: а что вы сами думаете по этому поводу?

Я прошу всех, кто прочитает это письмо, ответить на вопрос Веры и Тани. И так мы все вместе составим один, правильный ответ.

Счет «в пользу нас»

Сегодня вечером я шел к школе и встретил моего товарища Шурика (он сидит со мной на одной парте в нашем пятом классе). Потом мы встретили Вову из седьмого класса и Колю из девятого. Мы разделились на группы и стали играть в футбол. Шурик с Колей, а я с Вовой. Кончили игру со счетом 10 : 1 в пользу нас. До свидания.

Аркадий Дрожжин,
село Шестаково, Кичменгско-Городецкого района,
Вологодской области.

Поздравляю с победой, Аркадий. Два замечания: во-первых, надо говорить не «в пользу нас», а «в нашу пользу», а, во-вторых, разве это интересно — играть в футбол вчетвером? По-моему, нет. Смотри, какой разгромный счет получился. Почему бы вам в классе не создать настоящую футбольную команду? Ничего, что сейчас зима. Футболисты должны тренироваться круглый год. Поговори об этом с вожатой, с советом отряда.

«Ничего не получается!»

Здравствуй, Сима Соловьев! Меня зовут Витя. Сидя на уроке, я на несколько минут отвлекаюсь, а когда спросят, я запинаюсь. Я уже много раз пробовал не отвлекаться, но ничего не получается. Что мне делать?!

Правда, Витя, положение у тебя трудное. Но не горюй, ты сам можешь помочь своей беде. Сделай так. Как прочтешь это письмо, на другой же день собери всю свою волю и на первом уроке ни за что не отвлекайся. Что бы ни случилось в классе, что бы ни шептали тебе ребята, как бы интересно ни было за окном, ты все равно слушай учительницу. Я уверен, у тебя хватит сил как следует посидеть всего один урок. Иначе что ты за мальчишка? И так целую неделю на каждом первом уроке не позволяй себе отвлекаться. Попробуй — увидишь, что обязательно получится. На следующей неделе набирайся терпения на два урока (это будет уже легче), потом на три. Через месяц с небольшим ты перестанешь отвлекаться и тогда, конечно, не будешь запинаться и отвечать невпопад.

Это письмо совершенно секретное, поэтому адреса я не привожу.

Сама не плошай и на отряд надейся!

Вы читали журнал «Пионер» № 11 за 1958 год? Там было опубликовано письмо Лиды Крысановой, председателя совета отряда 5-го класса школы № 13 города Белорецка. Лида спрашивала: как ей работать, чтобы отряд занял первое место в дружине?

Лиде Крысановой ответили многие ребята, но лучше всех — Николай Чекалин из села Почепное, Дмитриевского района, Курской области.

Его письмо печатается полностью.

Я тоже работаю первый год председателем совета отряда, но в 7-м классе.

Когда мы учились в 5-м классе, в нашем отряде тоже было скучно. А вот уже два года мы работаем интересно. Но я не один работаю, а вместе с ребятами. Я, Лида, советую тебе побольше читать книги, газету «Пионерская правда» и слушать «Пионерскую зорьку». И если ты что вычитаешь или услышишь хорошее, предложи ребятам, они тебя поддержат. Чаще нужно с ребятами беседовать или просто, как товарищ, разговаривать о том, что их интересует, что можно и нужно сделать. Расскажу о работе своего отряда. В этом году мы взяли шефство над учащимися 1-го класса. Подготовили им подарки: счетный материал, палочки, октябрятские звездочки, октябрятский флажок. Проводим с ними игры, читаем книги. Собирали три раза по звеньям металлолом и макулатуру. Мы дружим с пионерами из пяти школ разных областей. Это очень интересно. Дружбу завести я тебе посоветую так: возьмите с ребятами из газеты «Пионерская правда» адрес какой-либо школы и напишите пионерам 5-го класса письмо. Они вам, конечно, ответят. Вот и ваш отряд тоже будет дружить с пионерами. Наш отряд двадцать седьмого декабря отмечал день рождения отряда. Самое главное, Лида, я тебе посоветую: проводи все не одна, а вместе с ребятами.

Сейчас мы работаем по пионерским ступеням. Сначала мы изучили отдельные требования, а потом начали работать по ним практически: приняли участие в озеленении школы и улиц своей деревни, ознакомились с уставом ВЛКСМ, проводим по очереди с учащимися 2-го и 3-го классов утреннюю зарядку.

Некоторые пионеры нашего отряда уже подготовили учащихся 3-го класса к вступлению в пионеры.

Ребята сделали полезные вещи для школы и для мастерской: цветочницы, двери, вешалки для карт и плакатов, два верстака.

Всем отрядом мы научились исполнять несколько песен и танец «Полька дружбы». Несмотря на то, что в нашем отряде всего три девочки, а мальчиков десять, танцуем мы дружно и хорошо. Во втором полугодии мы постараемся еще улучшить работу в своем отряде.

Вот мои советы Лиде Крысановой.

Николай Чекалин.

Николаю Чекалину за хорошую работу и за то, что он постарался помочь своим письмом Лиде Крысановой, высылается удостоверение юнкора (юного корреспондента) журнала «Пионер».

Он премируется подпиской на журнал «Пионер».

Ждем твоих новых писем, Николай!

В журнал обратилась за помощью еще одна пионерка, Люда Замкова, шестиклассница из города Исиль-Куль, Омской области.

Люда Замкова спрашивает:

А как работать вожатой звена, чтобы опередить другие звенья!

Товарищи звеньевые, председатели советов отрядов, пионеры! Кто ответит Люде Замковой?

Ответ присылайте в редакцию, вожатому Симе Соловьеву.

ГОЛОС ПОЭТА-БОРЦА

Хулио Матеу — испанский поэт, свои стихи он пишет на испанском языке. Но вот уже скоро двадцать лет, как он живет у нас в Советском Союзе. Советский Союз Хулио Матеу называет своей второй родиной. Последнюю свою книгу стихов поэт так и озаглавил: «Две родины».

Почему же так случилось, что испанский поэт живет и работает вдали от Испании?

Люди старшего поколения, те, в чьем сознании живет память о событиях двадцатилетней давности, легко ответят на этот вопрос. Но даже самые старшие из наших читателей в ту пору еще не появились на свет. Поэтому мне придется очень коротко рассказать вам, что случилось в Испании двадцать с лишним лет тому назад.

В те дни в нашей стране, наверное, не было человека, мысли которого не были бы прикованы к событиям в этой далекой стране. Испания, еще недавно знакомая только по книгам и учебникам географии, вдруг оказалась здесь у нас, в СССР. Дети носили синенькие испанские пилотки с кисточками — их называли «испанки». Взрослые подолгу простаивали у газетных стендов, хмуро вглядываясь в первые военные сводки с мадридского фронта: и взрослые и дети повторяли ставшие в несколько дней русскими слова: «Каса дель Кампо», «Сиерро-рохо», «Харама», «Гвадалахара».

В Испании победил народный фронт. Но у молодой республики было много врагов. Те, кто боялся, что народ, разбуженный революцией, сметет своих угнетателей, готовы были на все, чтобы установить в стране фашистскую диктатуру. Они знали, что им самим не справиться со своим народом, и призвали себе на помощь все темные силы Европы. Сильнейшее фашистское государство — гитлеровская Германия — вместе с Италией Муссолини обрушило на испанский народ всю мощь своей военной машины.

Из всех стран мира, прорываясь сквозь все преграды, поехали в Испанию коммунисты, революционеры, просто честные люди разных национальностей, чтобы бок о бок с испанцами защищать свободу испанского народа.

Гражданская война в Испании стала первой схваткой человечества с темными силами фашизма. Вот об этом и рассказывает Матеу в коротеньком своем стихотворении «Два офицера».

Матеу за свою жизнь переменил много профессий. Он работал на полях, на строительстве дорог, на укладке кирпичей. Был агитатором, журналистом, писал рассказы для детей.

Ему было 22 года, когда он вступил в Коммунистическую партию Испании. В 1934 году он был участником знаменитого восстания астурийских горняков. Был арестован и приговорен к смертной казни. Смертную казнь ему заменили тридцатью годами тюремного заключения.

В феврале 1936 года, после победы народного фронта, Матеу был освобожден из тюрьмы.

В 1937 году он был избран членом ЦК Испанской компартии.

Когда Испанская республика была задушена фашистами, Матеу по решению партии уехал из Испании. В мае 1939 года он прибыл в СССР и с тех пор живет в нашей стране.

В СССР поэт влился в семью рабочего класса. Девять лет проработал он у станка на Автозаводе имени Лихачева, был на партийной работе. Но все эти годы ни на один день не оставлял Матеу свою главную партийную работу: он не переставал писать стихи.

В стихах Матеу перед нами проходят образы простых людей Испании: нищий с тамбурином, точильщик, мулèро — погонщик мулов.

В самом облике этих людей, в их крепком и сочном юморе — неумирающая душа Испании, гордая, независимая, влюбленная в свободу.

Б. Сарнов

ДВА ОФИЦЕРА

В чадных, сырых, прокопченных окопах
в университетском городке под Мадридом
встретились два уроженца Европы,
встретились —
и не подали виду,
что они уже двадцать лет как знакомы,
что под Верде́ном в шестнадцатом году
они швыряли друг в друга бомбы
и задыхались в зловонном чаду.
Один был французом, другой — немцем,
офицеры Интернациональной бригады.
Они встретились у Испании в сердце
и были этому рады.
Старше, суровей, улыбки горше,
они, мужчины, не любят объятий...
Просто не будут врагами больше,
просто они братья.
Звезды мадридские их породнили,
ночи окопные, небо испанское...
Они похоронены в общей могиле,
которая так и называется — братской!

ИСПАНИЯ

Эй ты, подъяремный вол,
жрущий протухший корм,
не называй испанцем себя, однако!
В нашей Испании был закон,
по которому
предателя называли собакой!
Эй ты, тишайший из тихих,
пинки и плевки выносящий покорно,
как огня, сторонящийся драки!..
В нашей Испании был закон,
по которому
труса называли собакой!
Я знаю их хорошо,
узколобых парней,
глодающих кости в пыли.
О, если б они могли,
то всю Испанию
превратили б в громадную псарню!
Где, собачьею доблестью мерясь
и ничего не прося в награду,
они бы за правду
сжигали людей, как за ересь.
Они загрызли бы насмерть свободу
и, сорвав с нее красное платье,
глумились над нею...
Но Испания псарней не будет,
Испания будет вулканом скорее.
Разве нету на свете Бильбао и Сарагоссы,
разве тень баррикад
не витает над площадями Мадрида,
разве каждой весною крестьяне не точат косы,
напевая песенки Сида?
Разве нету испанцев в Испании,

разве я уже мертв,
разве зори не будут алеть?..
Да, свобода, как лунь, поседела в изгнанье,
да, ей тяжко бродить по чужой,
даже самой прекрасной земле.
Но запомните вы:
хоронить и жалеть ее рано,
и переживет она вас
лет на тыщу — другую,
и из братских могил, из подвалов, со дна океанов
грозно встанет она
и еще на земле повоюет!
И когда победит она
и пройдет по полям опаленным,
воздвигая дворцы,
разрушая гнилые бараки,
в нашей старой Испании мы
восстановим законы,
по которым предателя
называют собакой!

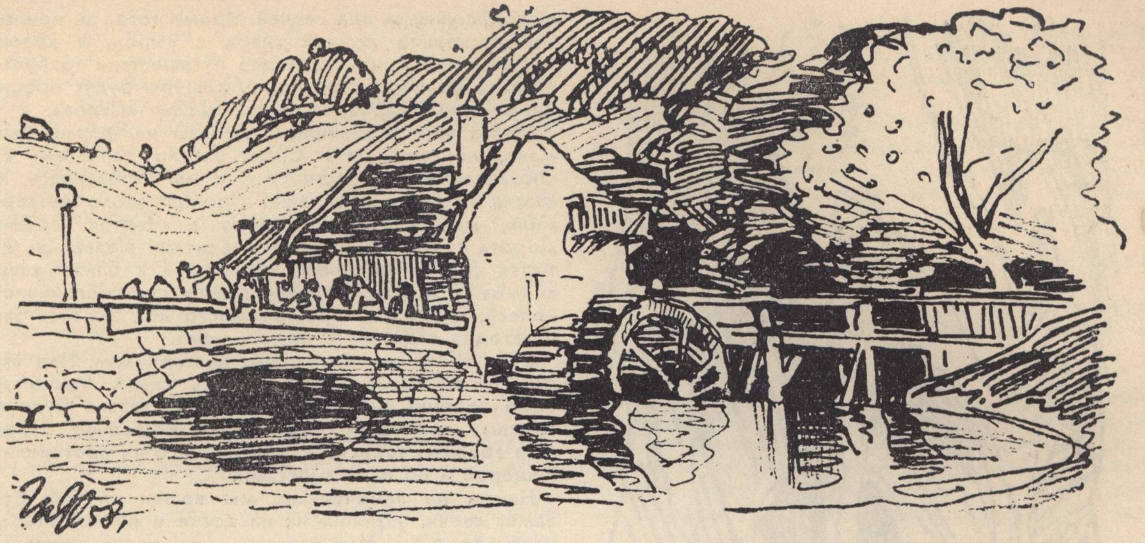
МУЛЕ́РО

Эге-гей!
Я бреду по кастильским дорогам,
там, где робкому не до смеха,
там, где черт себе сломит ногу...
Эге-гей! —
Отвечает мне эхо
громовым одобрительным гулом.
Я муле́ро, погонщик мулов.
Я смеюсь над никчемным трусом,
над бандитом, что сьерре рыщет;
на земле никого не боюсь я,
не боюсь никого и выше.
Я смеюсь над рабом безгрешным,
над лентяем, снимающим пенки,
я бы стал богачом, конечно,
если б смех продавал за деньги.
Я б не гнул на богатых спину,
если б мог обойтись без денег.
Эй, вперед торопись, Паломино,
есть конец моему терпенью!
Эй, не мешкай, Тордилло, Ромеро,
я не хуже любого испанца,
служит месяц моим сомбреро,
служит пес моим Санчо-Панса!
Эй, давно ты не пробовал плети?
Поживей, Ремолён, не мешкать!
Надувает свободный ветер
паруса над моей тележкой.
Хоть бы пару монет надул он,
и добраться б до венты куда-то.
Эй, хозяин, по чарке на брата,
я плачу! Я, погонщик мулов!
Эге-гей!
Я бреду по кастильским дорогам,
там, где черт себе сломит ногу...

Перевел с испанского **А. Янов.**

Рисунки **А. Кокорина.**

Наши приключения в Уэст Поли

Томас ГАРДИ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Г. Филипповского.

КАК МЫ ОБСЛЕДОВАЛИ ПЕЩЕРУ

Это было много лет тому назад. В один прекрасный осенний вечер я соскочил с зеленой двуколки, которая остановилась у дверей домика в деревне Уэст Поли, в Сомерсетшире [1]. Мне уже исполнилось тринадцать лет; я был крепок и подвижен, хотя и невелик ростом. Отец мой был школьным учителем, и мы жили милях в двадцати от Уэст Поли. Я приехал погостить к своей тетушке миссис Дрэйкот, вдове фермера, которая вместе с сыном Стефеном — или, как его звали, Стивом — вела хозяйство на ферме, доставшейся ей от покойного мужа.

Стив выбежал мне навстречу. Он был двумя или тремя годами старше меня, высокий, стройный, румяный паренек, любивший везде быть первым.

Поздоровавшись, он сказал, что матери нет дома, но что она должна скоро вернуться.

— Знаешь, Леонард,— прибавил он с грустью,— она хочет, чтобы я всю жизнь был фермером, как отец.

— А почему бы тебе и не быть фермером, как твой отец? — спросил чей-то голос позади нас.

Мы обернулись. На тропинке, ведущей в деревню, стоял человек с задумчивым лицом, одетый в поношенный, но хорошо сшитый костюм.

— Прямая дорога — самая лучшая в жизни,— продолжал он, улыбаясь.— Уверяю вас, что в малознакомых вам профессиях не меньше трудностей, чем в тех, которые вы хорошо знаете; вас влечет неведомое.

Он кивнул нам и пошел дальше.

— Кто это? — спросил я.

— А так, никто,— ответил Стив.— Объездил весь мир и все на свете перепробовал, но не сумел ничего добиться в жизни. Он называет себя Неудачником.

Чтобы переменить тему, я сказал что-то насчет деревни и фермы Стива: мне понравилось, что она расположена у самых холмов, которые мы, конечно, облазим прежде, чем я уеду. Правда, я думал, что они окажутся более высокими.

— Пусть они и невысоки,— отвечал Стив, недовольный моей придирчивостью,— но там внутри таится кое-что, о чем ты и не подозреваешь.

— Внутри? — удивился я.— Камни да земля — вот и все.

— Ну, нет,— возразил он.— Ты слыхал о Мендипских пещерах?

— Слыхал, но они ведь расположены под Чеддаром [2],— сказал я.

— У нас они тоже есть,— ответил Стив.— Завтра я покажу тебе.

Вид холмов настолько разочаровал меня, что я с недоверием отнесся к рассказу о пещерах.

— Как знаешь,— заявил Стив,— но недавно я спускался в «Чертов карман» — это ближайшая пещера — и обнаружил, что она гораздо глубже, чем думают. Тут я и решил, что стану не фермером, а путешественником. И что бы там ни говорил старый Неудачник, а я своего добьюсь.

В этот момент в комнату вошла тетка, потом нас позвали ужинать, и в тот вечер мы больше не говорили о Мендипских пещерах. Было бы лучше, если бы мы вообще не вспоминали о них. Но случилось иначе.

Мои замечания относительно пещер Стив воспринял как неуважение к достопримечательностям родной деревни и не забыл их. Поэтому на следующее утро, войдя ко мне в комнату, он снова заговорил об этом:

[1] Сомерсетшир — графство в юго-западной Англии.

[2] Чеддар — небольшой город в Сомерсетшире.

— Хочешь, я покажу тебе Мендипы, Леонард? Только надо уйти потихоньку, потому что мать не любит, когда я шатаюсь по этим местам и возвращаюсь весь в грязи. Пойдем посмотрим, что у меня припасено для похода.

Он повел меня в конюшню и показал целую кучу свечных огарков и кусок доски с углублениями, выдолбленными для свечей. Кроме того, он припрятал несколько ломтей хлеба с сыром и яблоки. Я сразу понял, что если для путешествия требуется столько припасов, то, видно, пещеры будут побольше песчаных карьеров, но не сказал ни слова.

Жатва уже закончилась, работы на ферме было мало, поэтому мать Стива охотно отпустила его «показать мне окрестности», и мы отправились, захватив свечи и провизию. Пройдя около четверти мили, мы подошли к входу в «Чертов карман». Дорога туда шла мимо деревенской мельницы, которая стояла на речке, стекающей с близлежащих холмов. Я и сейчас словно слышу стук мельничного колеса; с тех пор прошло много лет, но этот звук и сегодня отдается у меня в ушах.

Вход в пещеру был скрыт кустарником. Над входом почти отвесно поднималась скала. Место это было хорошо знакомо здешним жителям. Судя по следам, мальчишки бегали здесь постоянно, однако в те времена туристы и ученые мало интересовались пещерой и ее окрестностями.

Никем не замеченные, мы вошли внутрь. Стив зажег свечи, укрепил их на доске и пошел вперед, указывая путь. Мы двигались не очень уверенно, но новые впечатления волновали меня. При слабом свете свечей из тьмы выступали лишь ближайшие сталактиты; отдаленные углы оставались погруженными в таинственный сумрак. Время от времени Стив оборачивался и начинал подтрунивать надо мной, уверяя, что я трушу. Я, как и всякий мальчишка на моем месте, упорно отрицал это, хотя мне явно было не по себе.

— Мне что! Я здесь сотни раз бывал,— с гордостью говорил Стив.— Наши ребята из Уэст Поли всегда приходят сюда играть в разведчиков. Я здесь, как у себя дома. Пошли! Я обещал показать тебе Мендипы и покажу.

Так мы шли все дальше и дальше и находились теперь в самой глубине Мендипских холмов, представляющих собой известняковую гряду, протянувшуюся от берегов Бристольского залива к центру Сомерсетшира.

Сталактиты, тускло поблескивающие под сводами пещеры, все ниже и ниже нависали над нашими головами, пока наконец стены пещеры не сомкнулись так, что, казалось, преградили нам путь.

— Все считают, что «Чертов карман» кончается в этом месте,— сказал Стив, останавливаясь у обломка сталактита и пытаясь получше осветить стены пещеры.— Но позавчера мы с ребятами нашли еще один ход. Мы там не были, однако, если хочешь, пойдем сейчас и ради развлечения посмотрим, куда он ведет. Для этого я и взял с собой лишние свечи.— Стив произнес это с торжественностью, всем своим видом подчеркивая, что для людей, которые, как он, всю жизнь прожили в горах, пещеры с их тайнами кажутся детскими игрушками.

Следует отдать ему справедливость, он был действительно храбрым парнем и умел, не отступая, смотреть в лицо опасности.

— Мне не до развлечений,— со смехом ответил я,— но мы все-таки пойдем.

Стив двинулся вперед и, пригнувшись, скользнул под свод, на первый взгляд казавшийся лишь небольшим углублением в стене; я следовал за ним по пятам. Мы очутились в тесном коридоре, или штреке, который, постепенно спускаясь, заканчивался новой пещерой. Пол пещеры был покрыт ровным слоем чудесного песка и мелкой гальки, местами выступали глыбы камня. И в этих подземных берегах струился прозрачный поток. Если бы в ту минуту я вспомнил об уроках истории, то подумал

бы, что мы попали в подземное царство греков и достигли Стигийских берегов[1]; но мысли мои в этот момент были далеки от школьных учебников.

По ту сторону потока на возвышении находилась чудесная ниша, похожая на высеченное в скале старинное кресло с высокой спинкой.

— Какая досада! — воскликнул Стив, подняв свечи.— Если бы не эта полоска воды, мы могли бы взобраться туда, в гнездышко, и, как цари, восседать на хрустальном троне.

— Может быть, вблизи оно и не такое уж красивое. Но если хочешь, можно взять лопату и без труда отвести воду вот в эту дырку,— сказал я, указывая на видневшееся рядом отверстие, по форме напоминавшее человеческий рот.— Если убрать перемычку из песка и гальки — а она ведь неширока,— поток устремится туда.

Стив похвалил меня за остроту глаза.

— Да,— сказал он,— если срыть эту часть берега, то вода пойдет прямо в дырку. Так и сделаем. Айда за лопатой!

Я никак не ожидал, что он приведет в исполнение мой план. Но сказано — сделано. Мы пошли назад и через несколько минут уже стояли на открытом воздухе, жмурясь от яркого солнца.

— Подожди, пока я сбегаю домой,— сказал Стив.— Я быстро.

Он убежал и вскоре вернулся с лопатой в руках. Мы снова углубились в пещеру. На этот раз свечи были поручены мне. Когда мы спустились по штреку во вторую пещеру, Стив велел мне зажечь еще несколько свечей и укрепить их на камне, чтобы ему было светлее работать. Я так и сделал, и мой энергичный брат решительно взялся за лопату и начал разрушать перемычку из песка и камней.

Преграда, которая чуть ли не веками направляла бег воды, оказалась податливой.

Вскоре журчащий поток устремился в водосток, над которым трудился Стив. Вода помогла закончить работу, размывая и унося по десятку лопат песка, пока Стив успевал выбрасывать одну лопату.

Я даже захлопал в ладоши от радости, видя, как растет и ширится поток, каскадом устремляющийся в темную расселину. Минут через двадцать поток спокойно бежал в новых берегах, как по своему старому руслу. А старое русло мало-помалу подсыхало, и вскоре его уже можно было перейти, не замочив ног. Мы поспешили это сделать и очутились в красивой, сверкающей нише, ради которой и взялись за лопату. Мы принесли свечи, расставили их в нише и уселись отдохнуть на сухом месте.

— Вот как надо бороться с препятствиями! — торжествующе воскликнул Стив.— Ручаюсь, что до нас еще никто не проникал так далеко, во всяком случае, без того, чтобы не забраться по колено в воду.

Я так увлекся, рассматривая причудливые украшения, созданные природой, что пропустил мимо ушей замечание Стива. Каменные бусы, кружева, колечки багряного цвета покрывали своды, напоминая то кожу только что ощипанного гуся, то сережки индюка. Кругом сверкали кристаллы горного хрусталя.

— Хорошо бы остаться здесь навсегда! — воскликнул я.

— Да,— отозвался Стив,— если бы только захватить побольше еды. Кстати, давай-ка закусим.

Мы развернули хлеб, сыр, яблоки и быстро уничтожили все наши запасы.

Затем мы безуспешно попытались отколоть кусочки камня. И при этом обнаружили несколько любопытных камней, похожих на топоры и наконечники стрел; но они так прочно приросли к известняковому полу ниши, что мы так и не смогли их извлечь.

Одна из свечей погасла. Увидев это, Стив вскочил на ноги и сказал:

— На сегодня хватит. А то нам придется сидеть впотьмах, да и выйти отсюда без света будет нелегко.

Подобрав оставшиеся огарки, мы выбрались из ниши, пересекли покинутое русло ручья и, выйдя на поверхность, довольные своими приключениями, решили повторить их в ближайшее время. Поэтому мы не стали брать домой деревянный подсвечник, свечи и лопату и, чтобы иметь их всегда под руками, спрятали в потайном месте, недалеко от входа в пещеру.

Счистив с башмаков грязь, которая могла нас выдать, мы направились домой и, спускаясь к деревне, услышали внизу на дороге страшный шум.

— Что это? — спросил я, останавливаясь.

— Кто-то кричит,— ответил Стив.— Слушай!

Снизу доносились чьи-то неистовые вопли.

— Это какой-то сумасшедший,— предположил брат. —Я никогда не слыхал, чтобы так кричали.

— Подойдем поближе,— предложил я.

Мы приблизились и вскоре увидали стоящего посреди улицы человека, который отчаянно ругался и размахивал руками, обращаясь к стоявшим вокруг.

— Э, да это мельник! — воскликнул Стив.— Что с ним стряслось?

Долго строить догадки не пришлось, так как вскоре мы уже могли разобрать отдельные слова.

— Сколько денег я здесь угробил! — кричал мельник.— А время, а честный труд — все впустую! Теперь только по миру идти! То новые жернова покупай, то обвалившуюся стенку чини... Да еще на сделке с хлебом кучу денег потерял. Но это все пустяки! А вот теперь... Мое кровное, собственное, все, что имела моя семья,— все прахом пошло. Теперь мы нищие!..

— Не убивайся так, Гриффин,— утешал его кто-то. Это был Неудачник.— Погоди, глядишь, и обойдется.

— Обойдется... Как же! — орал мельник.— Как мне, горемычной головушке, потерянное воротить, хотел бы я знать!

— Мы тебе денег соберем,— вставил маслодел.

— Я уж и хмельного в рот не беру, службы церковной ни одной не пропускаю, а если и работаю в иной воскресный день, так только когда с помолом прижмет. Живу, как все добрые люди, лишнего медяка не истрачу.

— Это уж точно,— согласились другие.

— И вот сегодня, в шестой день сентября месяца, я доведен до нищенской сумы, как какой-нибудь прощелыга. Мельница ты моя, мельница, мельничное колесо, никогда ты теперь не закрутишься, никогда! — Мельник облокотился на перила мостков и закрыл лицо руками.

— Слушай, слезами горю не поможешь,— сказал Неудачник. Только кто же слушает советы в таком состоянии!

Тут подошли мы, и Стив спросил:

— Что случилось?

[1] Стигийские берега — берега реки Стикса. В древнегреческой мифологии Стиксом называли одну из рек «подземного царства», в котором якобы обитали души мертвых.

— Речка вдруг пересохла,— ответил маслодел,— и у него мельница стала.

Я быстро взглянул на реку, вернее, на то место, которое раньше было рекой. Ее не было, и мельничное колесо, трудолюбиво постукивавшее, когда мы направлялись в пещеру, теперь молчало. Мы невольно сделали шаг назад.

— Высохла,— прошептал Стив.

— Да,—сказал я,—ты понимаешь, почему?

Я мгновенно припомнил, как мы изменили направление потока в пещере, и понял, что в этом-то и было все дело. Стив молчал, но было ясно, что он думает о том же; мы стояли оцепеневшие, в ужасе уставившись друг на друга.

КАК НАМ УДАЛОСЬ ПУСТИТЬ ПЫЛЬ В ГЛАЗА

Едва опомнившись, мы отошли в сторону, и ноги сами собой понесли нас к речке, где в углублениях дна лежали засыпающие и дохлые гольцы, плотва, колюшка и другая рыбешка, которая так весело сновала взад и вперед сегодня утром, когда мы направлялись в «Чертов карман». В отдалении мы увидели множество людей, поднимавшихся в гору с кувшинами на голове и коромыслами через плечо.

— Куда вы идете? — окликнул Стив одного из них.

— К вашему колодцу за водой,— ответил тот.— Реки, из которой мы всегда брали воду, больше нет. О господи, как будем теперь стирать, готовить, пиво варить? Прямо ума не приложу, как жить-то! Ведь это помрешь, воду на себе таскать этакую даль!

Как и следовало ожидать, от этих слов я еще больше расстроился и стал сбивчиво убеждать Стива, что необходимо немедленно вернуться в пещеру и водворить ручей в старое русло.

— Обязательно, я сам хотел предложить это,— ответил Стив.— За полчаса мы управимся, и речка будет течь как ни в чем не бывало. Ба! Да ты никак струсил! Ясное дело, струсил.

Я объяснил ему, что не струсил, а просто понял, что мы принесли неисчислимые беды: чуть не свели с ума мельника, погубили рыбу и перепугали жителей тем, что у них не будет воды и придется носить ее издалека.

— Давай расскажем, как это произошло,—предложил я,— а потом пойдем и все приведем в порядок.

— Сказать им? Ну, нет! Мы пойдем в пещеру, сделаем все, что надо, но никому ничего не скажем; они подумают, что во всем виновато землетрясение или что-нибудь в этом роде.— Тут он отчаянно засвистел, и мы направились обратно в пещеру.

Мы зажгли свечи, достали лопату и быстро добрались до места наших утренних приключений. Стив принялся за работу и, перегородив путь ручью крупными камнями, которые он ловко обмазал глиной, заставил воду почти мгновенно повернуть в старое русло.

— Ну вот, все стало, как прежде,— сказал он.— А теперь пошли отсюда.

Мы не стали задерживаться в пещере и, выйдя из нее, решили посмотреть, что делают жители деревни, увидев возвращение реки в старое русло. Нам не пришлось долго ждать: вскоре раздались крики, и вслед за тем слышно было, как зашлепали лопатки мельничного колеса.

Мы с беззаботным видом спустились в деревню. Мельник так и расплывался от удовольствия, лица кузнеца, сапожника и маслодела заметно повеселели. Жители Уэст Поли толпились на мосту у мельницы и толковали со священником о загадочном происшествии.

В течение двух следующих дней все было спокойно. На третий день выдалось чудесное, теплое утро, и мы решили перевалить через холмы и спуститься в Ист Поли, деревню на противоположном склоне, в которой я никогда не бывал. Тетушка не возражала против нашей затеи, и мы двинулись через холмы, не очень-то заботясь о дороге. Примерно на полпути, достигнув вершины, мы присели перевести дух. Тут нас нагнал попутчик, в котором Стив узнал своего соседа.

— В Уэст Поли опять беда! — крикнул он на ходу, еще издали.

— Что еще? — спросил Стив, а я от любопытства даже подскочил.

— Да речка опять высохла. Это случилось сегодня в одиннадцатом часу, и поговаривают, что воды больше не будет. Мельник чуть не рехнулся, а прачке придется помогать всем миром: где ей взять воду для стирки? Ну и времена настали! Пойду попробую нанять водовоза, да боюсь, никого не найду.

И он зашагал дальше. Стив стоял, опустив голову.

— Я знаю, что случилось,— сказал он наконец.— Мы недостаточно хорошо укрепили запруду, и ее размыло.

— Давай вернемся и починим,— ответил я и опять предложил рассказать всю правду жителям деревни. Тогда можно будет позвать людей и сделать надежную запруду.

— Нет,— сказал Стив,— не будем портить себе день, тем более, что мы прошли уже добрую половину пути. Один день в Уэст Поли обойдутся и без воды. А мы вернемся пораньше и все исправим сами или с чьей-нибудь помощью.

Пройдя еще мили полторы, мы дошли до места, где начинался спуск к Ист Поли, и вдруг заметили человека, который вел себя очень странно.

Подойдя поближе, мы, к своему удивлению, обнаружили, что он покатывается от хохота. Он смеялся до изнеможения, потом останавливался, уставившись глазами в землю, как бы поглощенный созерцанием чего-то, потом снова принимался хохотать и двигался дальше.

Едва заметив нас, двух мальчиков, он сорвал с головы шляпу, надел на палку и стал размахивать ею в воздухе, громко крича «ура». Это было очень смешно, и я не удержался и стал хохотать вместе с ним. Когда мы поравнялись, Стив поздоровался и спросил:

— Скажите, пожалуйста, сэр, почему вы так смеетесь?

Но человек был слишком поглощен своими мыслями или слишком высокомерен, чтобы дать вразумительный ответ.

— Что заставляет меня смеяться? — спросил он.— Счастье! Когда тебе перепадет такое счастье, ты, наверное, тоже будешь смеяться.

С этими словами он пошел дальше, и до нас долго еще доносились восклицания: «Вот здорово! Ура!»,— пока он не скрылся за гребнем холма.

Не теряя времени, мы стали поспешно спускаться в деревню и вскоре подошли к околице. Тропинка пересекала зеленую лужайку, поросшую деревцами. На противоположном краю лужайки стоял трактир. Оттуда слышались звуки скрипки, а вскоре мы увидали и самого скрипача, который стоял на

стуле перед входом в дом. За столом, прямо на лужайке, пили и веселились люди, а вокруг молодежь танцевала рил[1].

Нам очень хотелось узнать причину такого веселья: почему-то казалось, что эти люди веселятся по тому же поводу, что и человек, повстречавшийся нам на дороге.

Я обратился к одному из стариков, сидевших за столом, и сказал как можно вежливее:

— Позвольте спросить, сэр, почему в вашей деревне такое ликование?

— Потому, что нам улыбнулось счастье. Ведь не в каждой деревне появляется новая река! Ура!

— Новая река? — выпалили мы в один голос.

— Да,—ответил один из наших собеседников, размахивая над столом обглоданной костью.— На днях в полдень в верхней части каменного карьера хлынул поток чудесной воды, но примерно через час остановился. А сегодня утром, в одиннадцатом часу, река прорвалась снова, и похоже, что теперь будет течь всегда.

— Земля и дома вырастут в цене вдвое,— добавил другой,— в том-то и была беда, что воды не хватало: нам приходилось рыть глубокие колодцы, да и тогда бывало туго с пойлом для скотины, а теперь у нас есть река, и деревня разрастется в целый город.

[1] Рил — быстрый народный танец, особенно популярный в Шотландии.

— Мне сегодня словно двести фунтов привалило,— сказал человек, похожий на скотовода.

— А мне двести пятьдесят! — воскликнул другой, по-видимому, пивовар.

— А мне фунтов шестьдесят дохода в год, как и всякому, кто занимается здесь постройкой домов,— поддержал их третий.

Едва удалившись от веселой компании, мы заговорили о том, что больше всего занимало наши мысли.

— Как это я не додумался!—сказал Стив.—Ясно, что если преградить воде путь в одном направлении, она найдет себе выход в другом.

— Интересно, где же протекает их новая речка? — сказал я.

Мы посмотрели вокруг и вскоре заметили, что посередине выгона проходит овраг, по дну которого в траве вьется ручей, еще слишком слабый, чтобы пробить себе русло. Спускаясь с обрыва, мы в полной растерянности думали о том, что невольно натворили, и сильно беспокоились о неожиданных последствиях, к которым это привело. Решив, что для одного дня приключений достаточно, мы повернули назад и выбрались на дорогу, которая, по словам Стива, должна была быстро привести нас в Уэст Поли.

Когда мы взбирались на холм, Стив вдруг пристально посмотрел на меня. Наверное, выражение лица выдавало мои мысли, потому что он сказал:

— Тебя, Леонард, удивляют чудеса, которые мы

совершили, сами о том не ведая. Признаться, я и сам поражен.

Но меня смущало другое. Я подумал, что теперь, пытаясь вернуть ручей в старое русло, мы можем сделать добро жителям Уэст Поли, только причинив зло жителям Ист Поли. Это я и высказал Стиву.

— Верно,— ответил он.— Та же мысль гложет и меня. Хотя я думаю, что до сих пор мы сделали больше добра, чем зла, так как, по-моему, в Ист Поли люди лучше, чем в нашей деревне. Как ты считаешь?

Я возразил, что если даже это и так, мы все равно не имеем права лишать воды одних и давать ее другим, не спросив обе стороны.

Этот довод, казалось, подействовал на брата, но поскольку они с матерью имели собственный колодец, Стив не очень-то защищал интересы своей деревни и скорее склонялся в сторону Ист Поли.

Мы все еще продолжали спорить, когда, измученные долгим походом, достигли мельницы.

Пруд совсем высох; колесо стояло неподвижно, но с мельницы доносился какой-то шум. Это не был шум жерновов — оттуда слышались удары, сопровождавшиеся громкими воплями.

Заглянув внутрь, мы с ужасом увидели, что разъяренный мельник держит за шиворот мальчика, работавшего у него, и стегает его ремнем.

Грузный и сильный мельник был неровня ни своему работнику, ни нам троим, вместе взятым, но Стив, покраснев от негодования, выступил вперед и храбро спросил хозяина, почему он так жестоко обращается с беднягой.

— Он собрался уйти!—гремел разошедшийся мельник.— А какие у него на это права, хотел бы я знать?!

— Но ведь нечего делать, когда мельница стоит,— слабо возражал мальчик,— и в договоре сказано, что я могу уйти, если на мельнице не будет работы. А он меня держит и не платит,— ума не приложу, на что мне жить.

— Заткнись! — кричал мельник.— Иди работай в саду. На мельнице, не на мельнице! Все равно не отпущу!

Стив всегда хорошо относился к Джобу — так звали мальчика с мельницы — и сейчас горел желанием помочь ему. В это время за мостом показался Неудачник. С его мнением считались в делах подобного рода, и мы попросили его вмешаться. В несколько минут мельник был побежден: ему было доказано, что по условиям договора Джоб больше не связан никакими обязательствами.

— Ну, спасибо тебе! — зарычал мельник на Стива.— Разорил меня дотла! Теперь только помирать осталось!

Брата мало интересовали разглагольствования мельника, и мы ушли, поблагодарив Неудачника за его вмешательство и, в свою очередь, выслушивая изъявления признательности со стороны Джоба. Бедняга столько натерпелся от жестокого хозяина,

что был вне себя от радости, что может перейти на другое место.

В тот вечер мы легли рано, но, несмотря на усталость, были слишком возбуждены, чтобы сразу заснуть. На дворе смеркалось. Стоял теплый летний вечер, и в открытое окно было слышно все, что происходит на улице.

К нашему колодцу то и дело подходили люди; они собирались кучками и толковали о странном происшествии, впервые случившемся в этих местах.

— По-моему, тут не обошлось без колдовства,— объявил сапожник,— и единственный выход — это махнуть к старому колдуну Бартоломью Гэнну и упросить его помочь нам. Такому коротышке, как я, нелегко до него добраться, но если никто другой не вызовется, я пойду один.

— Что же, оттого, что ты пойдешь, хуже не будет,— заметил кто-то.— Мы сможем пока брать воду у тетушки Дрэйкот, но надо что-то сделать, иначе мельник совсем разорится, да и прачка долго не продержится.

Когда фермеры набрали воды и ушли, Стив проговорил:

— Уверяю тебя, что мы принесли больше пользы, чем вреда. Серьезно пострадал один мельник, а он не стоит того, чтобы из-за него беспокоиться. Зато мы освободили беднягу Джоба, и это очень здорово! Кроме того, в Ист Поли, который мы осчастливили, живет двести пятьдесят жителей, а здесь — всего сто, значит, пострадавших меньше.

Я пытался что-то возразить, но мой ответ был прерван восклицанием Стива:

— Стой! Что я придумал!

Я с интересом спросил, что он хочет сделать.

— Ты должен поклясться, что будешь молчать и не подашь и виду, что это — наших рук дело,— ответил он.

Должен признаться, что от любопытства слабые угрызения совести, которые я испытывал, сразу исчезли. Я торжественно объявил, что не скажу ни слова, пока Стив сам не найдет нужным это сделать. Заставив меня поклясться, Стив сел на кровати и изложил свой план:

— Во-первых, мы отправимся к Джобу и посвятим его в нашу тайну; затем покажем ему пещеру, дадим кирку, лопату и попросим часов около двенадцати ненадолго перекрыть доступ воде в Ист Поли, а сами пойдем туда, созовем мальчишек и скажем, что мы волшебники.

— Волшебники? — переспросил я.

— Волшебники, которые могут осушать реки и по своей воле направлять их течение.

— Вот это да!— Я даже завизжал от восторга.

— Чтобы доказать свое могущество, мы сделаем так, что речка исчезнет, а через некоторое время снова вызовем воду. Конечно, мы назначим тот час, когда Джоб закроет сток в пещере. Представляешь, какими глазами они будут смотреть на нас!

Я был в восторге. Теперь мне, так же как и Стиву, стало безразлично, принесли мы вред комунибудь или нет. Как вы увидите впоследствии, это безразличие нам дорого обошлось.

— Для пущей важности и таинственности,— продолжал Стив,— мы украсим шляпы золотым галуном

со старого дедушкиного кафтана и прицепим длинные бороды из конского волоса. Издали они сойдут за настоящие.

— Кроме того, у каждого из нас должна быть волшебная палочка,— добавил я, вспомнив, что умею делать из ивовых прутьев замечательные, белые, как снег, палочки. Я мог обстругать их утром, пока Стив будет занят бородами.

Порешив на этом, мы наконец заснули и во сне одерживали победы над деревенскими мальчишками, пока утренние лучи не разбудили нас. Мы быстро вскочили и занялись приготовлениями. Со времени моего приезда тетушка Дрэйкот разрешила Стиву проводить время, как ему вздумается.

Прежде всего надо было разыскать Джоба Трэя, рассказать ему о пещерах и уговорить стать нашим союзником. Джоб стоял у калитки своего дома. Он сказал нам, что нанялся работать к одному фермеру, но пока свободен, до понедельника. Мы посвятили его в тайну пещеры и попросили помочь. Он охотно согласился и залился радостным смехом, в котором звучали и восторг и удивление.

Некоторое время ушло на то, чтобы показать ему вторую пещеру и инструменты и расставить свечи, чтобы он без помех мог в назначенный час найти дорогу и свершить «чудо». Затем мы положили часы на выступ скалы, чтобы Джоб мог следить за временем, и сами отправились на вершину холма, разделявшего обе деревни.

По вполне понятным причинам мы не переряжались волшебниками, покуда не отошли подальше от Уэст Поли. А там, спрятавшись в укромном месте, мы уселись на камни и начали готовиться к маскараду. Я стругал прутья, а Стив прикреплял галун на шляпы, очень довольный тем, что галун не новый и создаст впечатление, что мы уже много лет упражняемся в искусстве волшебства. Бороды довершили наш наряд, и мы спустились по другую сторону холма.

Теперь нам необходимо было миновать тот конец Ист Поли, в котором мы побывали накануне, и войти в селение с другой стороны, где стояли скромные домики и где нас совсем не знали. Еще через час мы пришли на это место, до которого по прямой дороге было рукой подать от Уэст Поли.

Первые же повстречавшиеся нам ребята играли в саду на берегу реки, очевидно, привлекавшей их своей новизной. Это был удачный момент для начала атаки, тем более, что время шло к двенадцати, и если в четверть двенадцатого Джоб перекрыл ручей в пещере, то вода должна была иссякнуть с минуты на минуту.

Я уже не помню точно, с какими словами Стив обратился к незнакомым ребятам. Если не ошибаюсь, он сказал следующее:

— Приветствуем вас, джентльмены! Как поживаете?

Зато я отчетливо припоминаю, как величаво он выступал и как я старался ему подражать. Мальчишки что-то ответили, и Стив продолжал:

— Я не сомневаюсь, что, понимая, с кем вы имеете дело, вы угостите нас яблоками.

Мальчики уставились на нас с подозрением, и наконец один из них спросил:

— А кто вы такие, что рассчитываете поживиться яблоками?

— Странствующие колдуны,— ответил Стив.— Вы, наверное, слыхали о нас, ибо благодаря нашим чарам здесь появилась эта река. Имя мое—Ромбустас, а это Балказар — мой ближайший помощник.

— А ты не врешь?—раздался чей-то недоверчивый голос.

— Дело ваше, джентльмены, можете не верить. Но если вы дадите яблоки, мы докажем свое право называться колдунами.

— Черта с два вы получите яблоки! — сказал мальчик с корзинкой в руках.— Давно доказано, что колдунов не бывает.

— Коли так,— начал Стив,— тогда...

— Тогда мы пустим в ход свое могущество,— прервал я его, боясь, что Стив забыл про время и что поток, остановленный Джобом, перестанет течь независимо от нашей воли.

— В наказание за вашу жадность,— сказал Ромбустас,— сегодня в двенадцать часов, когда солнце будет стоять в зените, мы осушим воды вашей новой реки.

— А ну-ка, попробуйте,— недоверчиво сказали ребята.

— Приблизься ко мне, Балказар! — возгласил Стив.

Мы подошли к самой воде и, размахивая руками, забормотали:

— Ich bin, du bist, er ist!..

— А река-то течет,— поддразнивали мальчишки.

— Заклинание действует не сразу,— сказал Ромбустас и тихонько добавил, обращаясь ко мне: — Надеюсь, Джоб не забыл, что надо делать, а то нам несдобровать.

Так мы и стояли, помахивая белыми палочками, полные надежды на успех, а река все текла и текла у наших ног. Прошло несколько минут, и вдруг, когда мы уже готовы были отступить под градом насмешек, поток начал уменьшаться. Все взоры обратились к воде — она быстро спадала, и ручей в короткое время превратился в тонкую струйку: верный Джоб сдержал обещание. Когда часы на церковной башне пробили двенадцать, река уже почти высохла. Мальчишки изумленно переглянулись и с благоговейным ужасом уставились на нас. Они не решались громко разговаривать и только тихо перешептывались между собой.

— Вот плоды вашего неверия, несчастные,— сказал Стив, храбро подступая к ним.— Немедленно отдавайте яблоки, иначе мы накличем новые беды на вас и на вашу деревню. Даем вам пять минут на размышление.

— Мы на все согласны! — вскричали ребята.— Яблоки ваши.

— Благодарю вас, джентльмены,— сказал Стив, а я добавил:

— В награду за вашу покорность мы возвратим вам реку через две — три минуты.

— Да, конечно,— спохватился Стив и добавил вполголоса: — Совсем забыл про Джоба.

Он едва успел вымолвить эти слова, как мы заметили, что узкая полоска воды стала расширяться, и пока он что-то бормотал, размахивая рукой, поток набухал, поднимался и в несколько минут стал таким, как прежде. Это был настоящий триумф. Все произошло так быстро, что в деревне, кроме мальчиков, никто не заметил, как река исчезла и появилась вновь.

Перевод с английского
С. Майзельс и Ю. Полякова.

(Продолжение следует).

ЕГДИГА И ЛИСА

УДЭГЕЙСКИЕ СКАЗКИ

Рисунки П. Кирпичева.

Однажды Егдига натопил полную хасу[1] сала, уложил ее на нарты и пошел на охоту.

Долго он шел. Проголодался, сел закусить. Вдруг лиса бежит.

— Брат, здесь разбойники близко,— говорит лиса Егдиге.— Напасть на нас могут. Отложи сало, после пообедаешь. Давай попробуем, как нам отражать нападение.

— Давай,— говорит Егдига.

Положил он хасу, взял лук, подал его лисе и говорит:

— Пускай в меня стрелу.

Стрельнула в Егдигу лиса, но Егдига увернулся, а стрелу поймал на лету.

— Ты хороший воин, брат,— сказала лиса.— Теперь ты в меня стреляй, я потренируюсь.

Лиса отбежала в сторонку и встала подальше от Егдиги.

Вот стрельнул Егдига. Пролетела стрела между ног лисы, но лиса упала и притворилась раненой.

— Ой, брат, ты мне ногу перебил! — заплакала лиса.

— Ты врешь, пожалуй,— сказал Егдига.

— Нет, правда! Не могу на ногу наступить. Как я теперь ходить буду? Вези меня на нартах.

«Может, и правда я ей ногу перебил,— думает Егдига.— Далеко лиса-то стояла, разве увидишь, куда попала стрела!»

— Ну, ладно,— говорит.— Садись.

Посадил он лису рядом с хасой сала и повез. Тащит Егдига нарты и не оглядывается назад. Дотащил до первой речки. Лиса в это время открыла хасу и сала попробовала.

— Брат,— говорит лиса,— назовем эту речку «Улагдама». (А «улагдама» значит «почин».)

— Пусть будет так,— отвечает Егдига.

Подошли ко второй речке.

— Брат,— говорит лиса,— назовем эту речку «Глухэдатани» — «Съела половину».

— Пусть так,— отвечает Егдига и везет себе нарты.

Подошли к третьей речке.

— Брат,— говорит лиса,— назовем эту речку «Кунгадана»—«Жир кончился». И давай здесь остановимся: тут зверя много.

Остановились они на ночлег. Лиса говорит:

— Брат, я пойду хворост рубить и хвою ломать, а ты котел налаживай.

— Как же ты пойдешь? У тебя ведь нога перебита!

— Ничего, как-нибудь на трех ногах.

Взяла лиса топор, ушла в кустарник, тяпнула три раза и убежала.

А Егдига сходил за водой, повесил над огнем котел и думает: «Надо сало взять, разогреть». Подошел он к нартам, видит: хаса-то пустая!

[1] Хаса — берестяной короб.

Рассердился Егдига на лису. Вспомнил, как она речки называла. «Сало мое ела да еще надо мной смеялась»,— думает.

Пошел он по следам за лисой. Шел, шел и настиг ее в норе.

— Вылезай! — говорит Егдига.— Плати за сало своей шкурой.

— Понравилась? — шепчет лиса Егдиге.

— Красивая! — ответил Егдига.

— Что ты умеешь делать? — спросил он невесту.

— Шкуры выделывать, одежду шить, унты расшивать,— отвечает невеста.— А ты что можешь?

— Не бей меня, Егдига! — взмолилась лиса.— Я тебе жену хорошую найду.

— Где ты ее найдешь? Сколько я ни ходил, никого не встречал здесь.

— Если не найду,— возьмешь тогда мою шкуру,— говорит лиса.

— Пусть будет так,— ответил Егдига.

Повела его лиса к знакомому дедушке, у которого дочь была. Шли, шли, видят: юрта.

— Давай спрячемся,— говорит лиса.

Спрятались они возле юрты и ждут. Наступил вечер. Лиса легла возле двери и ждет, когда дедушка выйдет. Вот вышел дедушка, а лиса ему хвост под ноги подставила да как закричит:

— Ты зачем на мой хвост наступил?! Всю шерсть помял! Давай мне за это свою дочь!

Дедушка испугался: не видит, кто в темноте говорит, может, это дух лесной?

— Заходи в юрту, посмотрим на тебя.

Вошли Егдига с лисой в юрту, сели возле костра напротив дедушкиной дочери, смотрят друг на друга.

— А я медведя могу побороть, изюбря догнать.

— Пусть каждый сделает, что умеет,— говорит дедушка.

Ушел Егдига изюбря добывать, а невеста села ему халат, тегу и унты расшивать. Только она сшила все, как Егдига из тайги вернулся, в котомке изюбря принес.

Понравились они друг другу и поженились. А невеста на радостях сшила лисе пестрый халат. Очень красивый халат получился. Лиса надела его и пошла по тайге похвастаться своим нарядом.

Встретил ее тигр, схватил за хвост и спрашивает:

— Где ты такой халат украла?

— Я не украла его,— отвечает лиса.— Мне его сшила жена Егдиги.

— Все р-равно! — зарычал тигр.— Снимай! Он мне понравился. Кто может носить халат красивее, чем у хозяина тайги? Р-р-гы!

И отобрал тигр у лисы красивый халат да с тех пор его и носит.

ПРО ТО, КАК СОВА ЗИМОВАТЬ В ТАЙГЕ ОСТАЛАСЬ

Когда-то давно-давно все птицы жили дружно, как одна семья. Пришла первая зима. Трава померзла, семена снегом занесло, червячки попрятались. Холодно птичкам, есть нечего. Как жить?

Собрались они все на большом тополе, где сова в дупле жила. Говорили, говорили, что делать. Договорились послать сову поискать теплые страны: сова самой умной считалась.

Полетела сова за большой перевал, за море, туда, где теплые страны были. Нашла она там траву чувуню, которая и зимой зеленой бывает. Нарвала пучок чувуни. Прилетела, спрятала чувуню в дупле и стала птиц звать.

Слетелись птицы. Толкаются, лезут друг на друга, все дупло заполнили. Каждому хочется про теплые страны услыхать. Чирка, так того в тесноте в ведро затолкали. Он там и уснул.

— Нашла теплые страны? — спрашивают сову.

— Нет,— отвечает сова.— Вся земля снегом покрыта... Придется зимовать здесь.

Опечалились птицы. Но делать нечего, полетели в свои холодные гнезда.

Проснулся чирок, смотрит: на ветвях тополя только сова со своим мужем сидят. И не видят они чирка.

— Я всех обманула,— похвасталась сова мужу.— Я нашла теплые страны. Мы туда одни полетим с тобой.

— Может, это неправда? — говорит муж.

— Я принесла траву чувуню. Она и зимой зеленая. Сейчас покажу тебе.

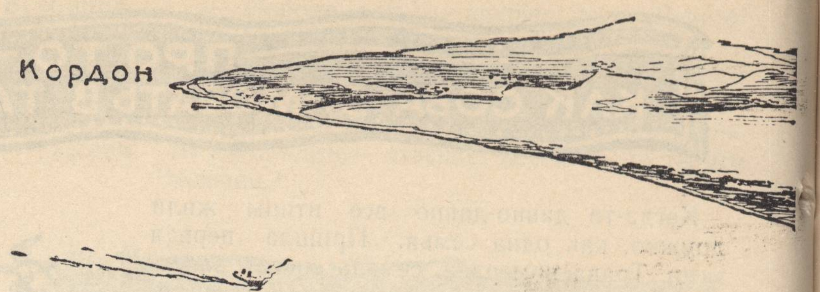
Спрыгнула сова в дупло, а там чирок притаился.

Рассердилась сова, хотела когтями разорвать чирка, да чирок ведь быстрый, юркий. Проскользнул он мимо совы, схватил пучок чувуни и улетел.

Всем птицам рассказал чирок, как их сова обманула. И траву чувуню показал всем. Рассердились птицы и решили не брать с собой сову в теплые страны. С тех пор сова в тайге зимует и от стыда днем никому не показывается. Только ночью и охотится.

Запись и литературная обработка
Б. Можаева.

Шпиль над морем

Б. НАДЕЖИН, архитектор.

Рисунки автора.

Захватив в сорок втором году Крым, фашисты превратили его в крепость. Они возвели вдоль моря укрепления, вкопались в горы, густо заминировали их. Минные поля покрыли подходы к траншеям, промежутки между траншеями, легли непрерывными линиями по брустверам окопов, окружили батареи и доты.

После этого фашистское командование объявило: «Крым на замке. Солдаты могут спать спокойно в своих окопах».

Но спать им не пришлось. То там, то здесь, то маленькие, а порой и довольно большие группы наших десантников высаживались на побережье. На кромке берега они принимали жестокий бой, разрушали первую линию обороны, хватали «языков» и снова уходили в море...

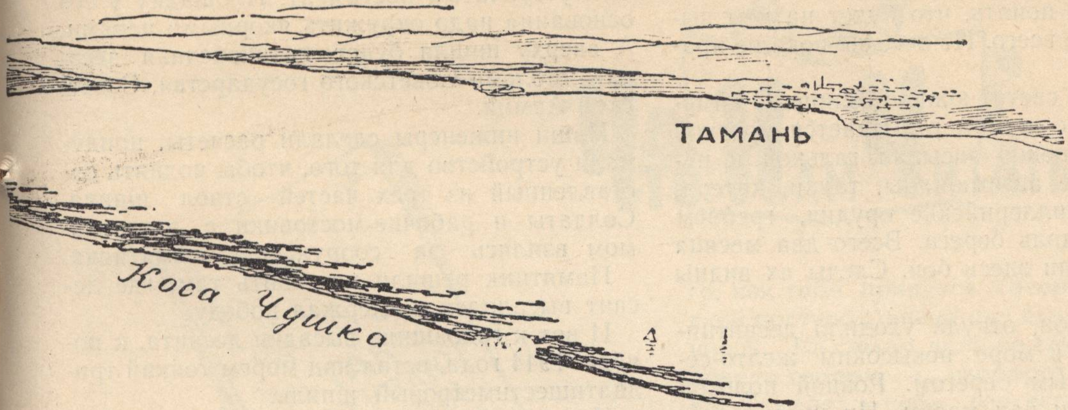
Чаще всего это были короткие стремительные вылазки. Но около Керчи десанту надо было обязательно зацепиться, отнять у фашистов хотя бы небольшой клочок земли, чтобы там постепенно могла скапливаться армия для захвата всего Крыма.

Севернее древней крепости Еникале, построенной еще турками, и около поселка Жуковка — место, удобное для десанта. Берег невысок, а корабли через Керченский пролив могут подходить и с Азовского и с Черного морей.

Ноябрьская темная ночь. От мыса Кордон в Керченском проливе отвалили десантные суда. Вот прямо впереди, ближе, все ближе берег. Оттуда тянется луч прожектора, нащупывает на воде корабли... С береговых фортов начался перекрестный огонь. А корабли с удвоенной скоростью идут к берегу.

Вот уже прыгают десантники за борт, взваливают на себя минометы и пулеметы, бегут с ними по пояс в воде туда, где над

песком протянулась колючая проволока заграждений.

Прячась под тенью скал, они двигаются к заграждениям.

Но тут же раскаленный свинец взрывает вокруг них песок и камни. Они падают на песок, укрываясь за камнями. Некоторые уже не поднимутся... Другие быстро устанавливают минометы и открывают ответный огонь.

Обстрел, атаки, натиск фашистских танков. Но десантники уже соорудили укрепления.

На помощь и на смену первым по ночам приходит с моря подкрепление.

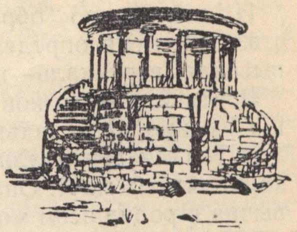
И снова обстрел, и снова атаки...

Первый десант отброшен в море. Немцы снова укрепляют берег. И все-таки снова высаживаются там десантники. Наконец настал день, когда фашисты поняли, что против них неодолимая сила. Упершись спиной в Керченский пролив, десант встал здесь насмерть.

Он держался с ноября 1943 года до апреля 1944 года, когда армия с двух сторон — от Перекопа и от Керченского пролива — пошла в наступление на Крым.

В ночь на 11 апреля была взята Керчь. Фашисты отступали, сперва цепляясь за каждый рубеж, потом уже совсем беспорядочно. Наши передовые части вели преследование, за ними подтягивались остальные войска. А мы, железнодорожники-восстановители, готовили дороги и мосты для продвижения всей армии и большой армейской техники. Мы строили временный мост через пролив. Пролив этот — четыре с половиной километра. У нас были мощные машины, были и трофейные материалы — стальные сваи, которые побросали отступавшие немцы. Они тоже думали было строить мост, надеясь продвинуться дальше.

Землянки наши были на косе Чушке, узком полуострове в Керченском проливе, недалеко от того места, где десантники грузились на суда...

Мост шел в направлении к Жуковке и Еникале. Как раз туда, где десант высаживался и принимал бой...

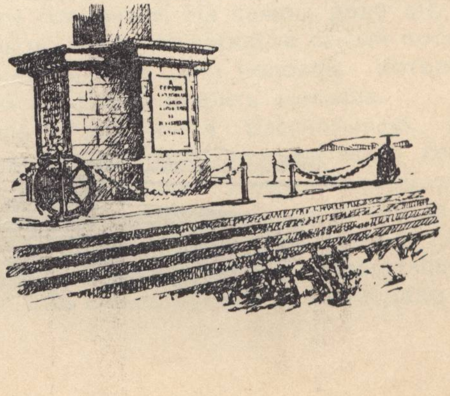
Когда идешь следом за наступающей армией, не можешь не думать о тех, кто прошел здесь перед тобой и открыл тебе путь, может быть, заплатив за это жизнью.

И всем нам — от солдата до генерала — хотелось сейчас же, не дожидаясь конца войны, своими руками поставить памятник десантникам.

Мне, архитектору, поручили проект.

От меня зависела его будущая форма. Каким должен быть памятник?

Он будет стоять в Крыму, думал я, значит, должен хорошо сочетаться с рельефом Крыма. Может быть, сделать тяжелую башню или круглую колоннаду? Может быть, цилиндрическое здание и в нем музей? На плоской крыше можно расположить видовую

площадку. Я делал эскизы, зарисовывал пейзаж, стараясь понять, что будет на нем выглядеть лучше всего. Но все мне пока не нравилось.

Июнь. Ярко светит южное солнце. О каменистый берег с шумом разбивается морской прибой, постепенно засыпая галькой и песком разбитые автомашины, танки, катера, самолеты, артиллерийские орудия, гребнем наваленные вдоль берега. Всего два месяца тому назад шли здесь бои. Следы их видны повсюду.

...Мыс Кордон, откуда уходили десантники, выступает в море невысоким желто-серым обрывистым берегом. Ровной полосой поднимается он над морем. Ни кустика, ни травки. Глина, камни. Дует обычный здесь резкий ветер. Суровый берег, суровые волны под ним, и самое название суровое — Кордон, рубеж.

Каким, каким же все-таки должен быть памятник у моря и морякам?

И постепенно образ памятника стал для меня определяться: тонкая высокая вертикаль—шпиль!

Вертикаль — по контрасту — хороша именно над гладью большой воды. Тонкая вертикаль — это форма корабельных мачт. Она издавна привычна и родна всем морякам и жителям морских побережий. Вертикаль — форма непокорная, устремленная и упрямая. Она может быть в памятнике, символизирующем героизм морского десанта!

Шпиль будет виден издалека: с Азовского и Черного морей, с Керченского пролива и Таманского полуострова.

Я начал представлять его себе все яснее. Он не должен быть похож на нарядную иглу Адмиралтейства. Нет! Он будет тонкий, черный, уступами. Снизу шире, потом все у́же и у́же.

Надо сделать его из трофейных стальных свай. И поставить на бетонный уступчатый постамент. Площадку у его основания надо окружить якорными цепями. А вверху шпиля будет пятиконечная звезда—эмблема Советского государства, Советской Армии.

Наши инженеры сделали расчеты, придумали устройство для того, чтобы поднять составленный из трех частей ствол шпиля. Солдаты и рабочие-мостовики с энтузиазмом взялись за сооружение памятника.

Памятник решили поставить там, где десант высадился и одержал победу.

И вот к годовщине высадки десанта, к ноябрю 1944 года, встал над морем тонкий тридцатишестиметровый шпиль.

Недавно я был у памятника. Поднялся на его площадку. Широкий вид открывается отсюда: кажется, что смотришь на какую-то огромную географическую карту. Одновременно видны пролив, Азовское море, Кордон, коса Чушка и огромный Таманский залив, за которым на Кавказском берегу, на расстоянии двадцати километров,— очертания города Тамани; на западе — коса Тузла и выход в Черное море; чуть севернее — Керчь.

На вынесенных вперед, в четыре стороны окружающего простора, выступах постамента укреплены обращенные на север, юг, восток и запад мемориальные доски.

Перед ними лежали букетики незабудок, степных цветов и трав. Одни уже высохли, другие совсем свежие: очевидно, принесены недавно.

Хотя поблизости от памятника нет больших селений, сюда часто собирается молодежь, иногда очень издалека. Штурманы выверяют по нему курсы своих кораблей. Он стал вторым, дневным, маяком на полуострове.

За десятки километров виден людям памятник, поставленный солдатами во славу других солдат.

КЛАДОВАЯ ПОБЕЖДЕННОГО СТРАХА

Везет же некоторым людям!

Идет, например, человек в школу вдоль железнодорожного пути и вдруг видит: рельс лопнул. Что делать, уже известно. Товарища посылай за обходчиком, а сам беги вперед и маши поезду галстуком...

Или, например, сверток на улице найдешь, а в нем много денег — сразу неси в милицию.

А если пожар или вдруг маленькая девочка тонет? Ты бесстрашно кидаешься в воду — и раз, раз, подплываешь к девочке и вытаскиваешь ее на берег...

И, конечно, тебе благодарность вынесут, и все знакомые будут говорить о тебе, а то и в газете напишут под заголовком «Так поступают пионеры».

Но что делать, если рельсы не лопаются, кошельки никто не теряет, никакого пожара не случается и тонуть никто не тонет?

Разве в таких условиях станешь мужественным?

...Так думают многие. Дескать, есть обыкновенные люди, и есть герои — те, кому повезло и кто совершил героический поступок.

Но вот недавно я прочитал новую книжку и понял, что на самом деле мужественным человеком надо стать задолго до того, как тебе придется совершать героический поступок, иначе ты его и не совершишь... На самом деле не случай делает человека героем, а, наоборот, человек сам воспитывает в себе мужество, и тогда он становится способным на героический поступок. Неважно, придется тебе совершать его или не придется (лучше бы и не пришлось, лучше бы совсем не было пожаров и никто никогда не тонул!), и уж совсем неважно, напишут о тебе в газете или не напишут. Важно, чтоб ты стал мужественным человеком. Это очень нужно в жизни.

А как это сделать? Если внимательно прочитать книгу, о которой я говорю, да подумать над ней, поймешь сам. В очерке «Кладовая мужества» говорится так: мужество надо копить, «собирать по крошкам. Страшно — перебори страх! Переборол — в кладовую. Еще переборол — опять в кладовую. Наберешь полную кладовку, вот ты и герой!»

Интересные слова! Я как прочитал их, так сразу задумался: а у меня есть такая кладовая? Достаточно ли в ней побежденного страха, чтобы побеждать его и впредь, всегда побеждать? Нет такого человека, которому не бывает страшно, но одни научились преодолевать страх, а другие пасуют перед ним, позволяют страху овладевать собой...

Когда говорят о какой-нибудь книге, часто употребляют такое выражение: «**Главный герой** повести такой-то». Герой книги — это ее действующее лицо, тот, о ком в книге говорится. На самом деле он, может быть, вовсе не герой, а самый последний жалкий трус или человек, которому ничего не стоит ударить малыша.

Книга, о которой я рассказываю, особенная. Все ее герои — и вправду **герои,** люди, побеждающие страх, совершившие или способные совершить героические дела. Они не только герои книги, но и герои в жизни, к тому же еще и невыдуманные герои: они существуют на самом деле.

Ты, наверно, уже из рисунка догадался, что книга называется **«Так поступают пионеры»**. Авторов у нее много, потому что это сборник очерков и у каждого очерка свой автор.

Когда ты прочитаешь книгу, ты, очевидно, тоже задумаешься, удавалось ли тебе побеждать страх. Удавалось? Напиши нам.

Вожатый Сима СОЛОВЬЕВ

Твой умный и веселый друг

«...Что-то звякнуло, и в дверь проскользнул новый посетитель. На мгновение слабый луч света проник в дом и осветил разнообразное общество, которое там собралось.

Это был странный дом — без единого окна, с дверью на потолке и с выдвижным полом. Гости тоже были не совсем обычные: многие из них были одеты в платья из белой, голубой, розовой, синей бумаги...»

Не правда ли, как интересно, таинственно, необычайно начинается эта история?

О каком же удивительном доме пойдет здесь речь?

Да всего-навсего о почтовом ящике. О том самом почтовом ящике, мимо которого ты пробегаешь по многу раз в день, торопясь в школу или домой.

Но разве не правда, что в этом небольшом синем домике действительно нет окон, дверца откидывается под потолком, а пол выдвижной? И разве не в разноцветные бумажные платья-конверты одеты наполняющие домик письма?

Все это так и есть. Но все это надо суметь увидеть.

Таким особым умением видеть необыкновенное и удивительное в самых обычных вещах обладал писатель Михаил Ильин. Но он умел не только разглядеть то, что многие из нас не замечают. Он обладал и другим чудесным даром: рассказывать обо всем увиденном увлекательно и интересно.

И вот оказывается, что самые простые вещи совсем не простые. И что ни я, ни ты не знаем и сотой доли тех секретов, которые в них скрываются.

А Михаил Ильин знает.

Недавно Детгиз напечатал сборник его произведений — «ИЗБРАННОЕ». Я начал читать эту книгу и с первых же страниц убедился, что не могу порой ответить на довольно несложные вопросы, которые задает автор. Не могу потому, что они ни разу не приходили мне в голову и я над ними не задумывался.

Думаю, что не можешь и ты.

Можешь ли ты, например, объяснить, почему вода не горит?

А почему не едят сырую картошку?

А кто кого греет: шуба человека или человек шубу?

А какой материал самый прочный и самый непрочный?

А почему нельзя кататься на коньках даже по самому скользкому паркету?..

На все эти вопросы и на бесчисленное множество других Михаил Ильин отвечает так понятно и так интересно, что ты чувствуешь, как с каждой страницей становишься все умнее и умнее.

Просто удивительно, сколько знал этот человек!

Уж на что, кажется, много книг прочел я за свою жизнь, сколько всего видел и слышал, да и пишу на разные научные темы, а выяснилось, что я не знал и малой части тех удивительных историй, которые рассказывает в своей книге Ильин.

Разве знал я, например, до этой книги, что еще триста лет назад французские короли не умели умываться, а только обтирались по утрам сырым полотенцем, которое им подавал придворный?

Разве знал я, что секундная стрелка на шестьдесят лет моложе минутной?

Разве знал я, как отвечали римские школьники своему учителю, когда он их спрашивал: хотят ли они, чтобы их пороли? А они отвечали так:

— Лучше нам быть поротыми ради учения, чем оставаться невеждами...

В толстой книжке М. Ильина почти шестьсот страниц. И из каждой узнаешь что-нибудь новое и интересное. Вот как много знал этот писатель!

Но Ильин был не только ученым. Он был и веселым выдумщиком.

Он умел придумывать такие сравнения, что сразу понимаешь самую суть того, о чем он рассказывает, и не устаешь удивляться, как любопытно устроен мир и как могуч человеческий разум, его изменяющий.

Посмотрите, как рассказывает М. Ильин о том, зачем человек изобретал различные орудия. Двумя — тремя словами он умеет показать, для чего эти орудия были нужны и что дали они человеку. А нужны они были для того, чтобы постепенно освободить человека от лишней работы и заставить работать на него природу.

Вот что сумел сделать еще первобытный человек:
«Он высвободил зубы, когда стал раскалывать орехи и кости камнем.
Он высвободил нос, когда заставил собаку вынюхивать дичь.
Он высвободил ноги, когда сел верхом на лошадь.
Он высвободил руки, когда принудил воду и ветер вращать мельничный жернов.

Природе не было дела до человеческих трудов и забот. Разве мало у воды и ветра своей работы: обтачивать камни, подмывать берега, гонять тучи по небу?

А человек заставил воду и ветер заниматься его, человеческими, делами, участвовать в его труде».

Сделав это, человек мог заняться другой, более сложной работой, которая помогла ему стать великаном.

Сегодня человек за несколько часов шагает из Москвы в Пекин. Одним взмахом бросает стальной шар выше самых высоких облаков. Одной рукой поднимает целую гору земли и камня. Умеет смотреть вдаль на миллионы километров и слушать, что делается на дне океана.

О том, как все это происходит, тебе расскажет Михаил Ильин, твой умный и веселый друг. Расскажет на страницах своей удивительной книги.

А. Дорохов

ПЕРО И КАРАНДАШ

Весело и дружно тащат черненькие, круглоглазые созданьица большое бревно. Ласково смотрит на маленьких работников добродушное существо с раковиной на спине, по-приятельски улыбается им другое созданьице — ярко-зеленое, с длинными усиками...

Да ведь это жук Дровосек и Улитка!.. А черненькие бойкие работники — муравьи, хоть они и похожи на человечков! Бодро шагают они по тропе между листьями клевера и подорожника, которые по сравнению с ними кажутся могучими деревьями.

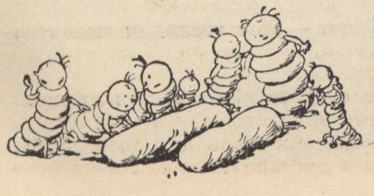
С мягким юмором нарисовал своих героев Ондржей Секора.

Слово «нарисовал» здесь нужно понимать в самом прямом смысле: Секора не только писатель, но и художник. Почти каждая страница книги украшена рисунками автора. И почти на каждом рисунке мы видим главного героя книги — Ферду,— черненького муравья, на шее у которого завязан красный платочек в белый горошек.

Вот Ферда встречается с плачущей муравьиной мамой, вот он отважно сражается с пауком, а вот кормит с ложечки круглолицых шаловливых деток. Очень веселым, очень жизнелюбивым сердцем нужно обладать, чтобы изобразить таким образом обыкновенные, не слишком-то красивые муравьиные личинки!

Если вы хотите узнать подробнее интересную, сказочную и все же правдивую историю Ферды и его друзей, сами прочитайте полную приключений книгу **«Муравьи не сдаются»**, которую создал своим талантливым пером и карандашом современный чешский писатель **Ондржей Секора.**

Ю. Новикова

Вы не забыли про папку Евгения Модестовича Коллекциани-Собирайлова? Большую кожаную папку, которую старый профессор подарил читателям «Пионера»? Помните, мы еще уверяли, что содержимого этой папки «Пионеру» хватит на целый год? Вспомнили? Ну вот. Если вспомнили, значит, вам наверняка интересно будет узнать, что произошло с этой папкой потом.

Нет-нет, не волнуйтесь, ничего страшного с ней не случилось! Папка цела и по-прежнему находится в редакции. Мы очень бережно с ней обращаемся. Она лежит в стальном сейфе, ключ от которого хранится у главного редактора.

А произошло вот что.

Однажды мы все сидели и обдумывали очередной номер журнала. Вдруг дверь отворилась, и в нее просунулся какой-то странный предмет. Это была длинная трубка Коллекциани-Собирайлова. Вслед за трубкой показалась знакомая профессорская шапочка, и вот уже Евгений Модестович собственной своей персоной сидит перед нами.

У нас у всех прямо сердце упало. «Не иначе как старик раздумал и хочет забрать свою папку обратно»,— подумали мы. Но нет! Мы еще плохо знали доброе сердце старого профессора. Как выяснилось, причина его появления в редакции была совсем иной.

— Вот ведь какая штука,— сказал он, посасывая трубку,— я совсем забыл, что моя папка должна пополняться новыми экспонатами. Уж вы разрешите: всех, кто по старой памяти будет приносить мне новые факты, забавные истории и прочие интересные вещи, я буду направлять к вам, в вашу редакцию.

У нас сразу стало спокойнее на душе: значит, папка остается у нас!

По правде говоря, мы не были уверены в том, что и в самом деле найдутся люди, которые захотят пополнять папку новыми экспонатами. Как о чем-то очень заманчивом, но, к сожалению, несбыточном, подумали мы об этой возможности. В самом деле, вот было бы здорово! Ведь тогда папка была бы неисчерпаемой, вечной. С каждым днем она становилась бы все толще и толще. Она стала бы чем-то вроде неразменного рубля, про который рассказывается в сказках. Но где там! Такое только в сказках и бывает, подумали мы. И ошиблись.

Не прошло и десяти минут после ухода старого профессора, как перед нами уже стоял его первый посланец.

— Здравствуйте,—сказал он.— меня зовут Василий Николаевич Боровик. Я писатель. Я слышал, что знаменитая папка профессора Коллекциани-Собирайлова находится теперь в редакции вашего журнала... Мне кажется, что эта маленькая история про знаменитого... Одним словом, вот... Сами посмотрите.

И он протянул нам рукопись рассказа, который вы здесь прочтете.

Старая жилетная пуговица

Шестьдесят лет прожил Вальтер Скотт в Эдинбурге. Здесь он родился, здесь вырос, здесь состарился. И вот теперь долги заставляют его покинуть родной город. В последний раз сегодня он бродит по милым узким улочкам, в последний раз смотрит на старые каменные дома...

Писатель задумался и чуть было не попал под товарную повозку, запряженную тремя сытыми лошадьми. Возчик остановил лошадей и добродушно сказал рассеянному пешеходу:

— Проходите осторожнее, сэр, этот вороной норовист. Когда я попадаю с ним в такую вот узкую улицу, всегда жду беды: того и гляди, лягнет...

Вальтер Скотт пристально посмотрел на возчика. Внезапно ему почудилось что-то знакомое в этой большой голове, в веселых глазах, в добродушной улыбке.

— Нет ли у вас поблизости товарища, которому вы могли бы доверить лошадей? — спросил писатель.

Возчик громко свистнул, прибежал мальчишка-оборвыш.

— Дик, отведи лошадей. Скажи, я буду через час.

— Через час, Джон? — вмешался писатель.— Нет-нет! Мальчик, скажи, что раньше вечера он не будет дома.

— Джон? Вы знаете мое имя? Ну, коли так, пусть до вечера,— растерянно сказал возчик.— Я к вашим услугам, сэр.

И покорно пошел за незнакомцем.

Они прошли несколько улиц, попали на Кастл-стрит и остановились перед домом № 39. Вальтер Скотт взялся за медную дверную колотушку.

Дверь открыла старая служанка.

— Бетти,— обратился к ней Вальтер Скотт,— этот господин позавтракает со мной.

Они прошли в столовую.

Вальтер Скотт попросил подать самого старого вина, налил стаканы, один передал гостю и поднял свой.

— За ваше здоровье, Джон Триммер!

Джон привстал и удивленно сказал:

— Гм... И фамилия моя вам известна... Ну, коли так, за ваше здоровье!

После завтрака Вальтер Скотт повел гостя в кабинет, где было очень много интересного для любителя старины: металлический шлем, щит, оружие горцев... Возчик Триммер любил старину. С любопытством разглядывал он все эти вещи, собранные в кабинете писателя.

Вальтер Скотт подвел гостя к письменному столу, достал искусно вырезанную из кедра шкатулку и вынул из нее старую пуговицу.

— А это для меня самое драгоценное,— сказал он.

Джон взял пуговицу, повертел ее в руках и удивленно спросил:

— Что же это за редкость, сэр?

— Это пуговица от жилета Джона Триммера,— ответил Вальтер Скотт.

— Джона Триммера? Моя пуговица?.. Моя жилетная пуговица?

— Да, пуговица от вашего жилета... Вы меня не узнаете, а я вас сразу узнал, дорогой мой Джон. И должен вам признаться, что, быть может, вашей пуговице я обязан всеми своими успехами.

— Моей пуговице? Ваша милость меня обокрали?

— Да... Пятьдесят лет тому назад. Нам было по семи или восьми лет... Мы учились в одной школе...

— У почтенного господина Леви?! — воскликнул гость, и по лицу его было видно, что он стал что-то припоминать.

— Да... Сколько ночей я не спал из-за вас, Джон!

— Из-за меня?!

— Ну да. Вы были явно способнее меня. А я как ни старался, уроки не шли мне в голову. Вы неизменно занимали первое место, которое я бы у вас охотно отнял... Я не сводил с вас глаз, когда вы отвечали уроки, и наконец открыл кое-что... Вы постоянно вертели нижнюю пуговицу жилета. И я подумал, что эта медная пуговица заколдована... Как-то в перемену, в беготне, я незаметно сорвал ее. Урок начался. Вы вышли отвечать. Ваши пальцы стали искать пуговицу, но ее уже не было. Вы невольно запнулись, урок выпал из вашей памяти. Очередь дошла до меня. Я сжимал в руках пуговицу и ответил урок без запинки. Я был уверен, что все дело в ней, в этой медной бляхе. Только позже, много лет спустя, я понял, что значит привычка. Но пуговицу эту с тех пор храню и берегу как талисман... Дорогой мой Джон, сегодня я должен с вами расплатиться... К несчастью, я беден, мой дом продают за долги. Вот сто гиней, это почти все, что у меня есть. Прошу вас, возьмите их.

— Сто гиней,— тихо повторил Джон Триммер и пожал плечами... Потом он склонил набок большую голову, добродушно улыбнулся и отстранил деньги.— Нет, мне не нужна и тысяча гиней. Вы дали мне нечто большее. Теперь Джону Триммеру есть чем вспомнить своё детство.

В. БОРОВИК

Узнали вы их?

Куда шагают эти мальчишки! Узнали вы их! Изваянные скульптором, они совсем как живые.

Тс-с... Кажется, они говорят:

— Слушай-ка! Дохлые кошки, на что они нужны!

— Как на что! Бородавки сводить...

— Ну, а как же ты выводишь их дохлыми кошками!

— Возьми дохлую кошку и ступай с ней на кладбище незадолго до полуночи, к могиле, где похоронен какой-нибудь злой человек. Когда черти потащат мертвеца, ты брось им вслед дохлую кошку и скажи: «Черт за мертвецом, кошка за чертом, бородавки за кошкой...» От этого всякая бородавка сойдет.

— Возьмешь меня с собой!

— Конечно, если не боишься.

— Ну вот еще! А ты не забудешь мяукнуть!

— Да... И ты мяукни в ответ.

Ну теперь-то вы уж, конечно, узнали, что это Том Сойер и Гекльбери Финн. А если так, нетрудно понять, почему мраморное изваяние этих мальчишек навечно поставлено в маленьком американском городке Ганнибал, на берегу «отца вод» — Миссисипи. Здесь жил и работал великий американский писатель Марк Твен, любимый по всей земле и мальчиками, и девочками, и взрослыми людьми.

«Умей судить одну из спортивных игр»

ИЗ ТРЕБОВАНИЙ ДЛЯ ПИОНЕРОВ
ТРЕТЬЕЙ СТУПЕНИ

СВИСТОК СУДЬИ

Что из того, что игра тренировочная? Для судьи «дружинной категории» пионера 7-го класса Вити Крупенина (снимок первый, вверху справа) это не причина, чтобы давать кому-либо поблажку. Он строго следит за игрой, не допуская нарушения правил, одинаково требовательный ко всем игрокам.

Минуты не прошло — свисток. Что такое? Это Саша Ефимов нарушил правила: находясь на штрафной площадке противника, он более трех секунд продержал мяч в руках. За это в сторону его команды назначается штрафной бросок... Снова свисток: на этот раз грубая игра. Судья делает замечание Толе Кошкину: нельзя так выставлять ногу, как это сделал Толя, пытаясь задержать стремительное продвижение вперед Миши Горчакова (снимок второй, вверху слева).

А вот еще недопустимый прием! На этот раз «отличился» Вова Силантьев (снимок третий): в борьбе за мяч он чуть ли не сел верхом на Игоря Иванова! В баскетболе разрешается выбивать и вырывать мяч из рук противника, но при этом

нельзя прикасаться к игроку, владеющему мячом. Вова Силантьев явно переусердствовал.

Потерпевшему предоставляется право сделать штрафной бросок, что он и делает, но... неудачно (снимок четзертый). Разве можно при штрафном броске переступать линию?! Пора это знать, Игорь!

Опасный момент: Миша Лебусов собирается забросить мяч в кольцо. Слава Сахаров, спасая положение, хватает его за руку (снимок пятый). Нетрудно догадаться, что из этого получилось: судья назначил штрафной бросок. Напрасно Слава старался: со штрафного броска мяч беспрепятственно прошел через кольцо.

Ни одна мелочь не ускользнет от судьи Вити Крупенина. Вот Веня Киселев ведет мяч, ударяя его об пол. Что ж, это разрешается, если ударяешь по мячу одной рукой. Но Веня один раз коснулся мяча двумя руками (снимок шестой). Думал, что никто этого не заметит. Но на то и судья, чтобы все видеть.

...Ты судишь игру, будь внимателен: судье нельзя ошибаться. Слово его — закон для играющих, и это слово должно быть справедливым.

Н. Студенецкий
Фото С. Карасева.

КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ МОДЕЛЬ ПЛАНЕРА «ПИОНЕР»

Модель планера летает без мотора и воздушного винта, плавно снижаясь, планируя, как бы скользя в воздухе. Запускается она обычно с леера. Леер — это толстая нитка длиной в пятьдесят метров с колечком на конце. На модели планера есть крючок, на него-то и надевается это колечко.

Запускать модель надо против ветра. Она, подобно воздушному змею, устремляется вверх и поднимается на высоту около сорока пяти метров. В этот момент запускающий ослабляет леер, кольцо соскальзывает с крючка, и модель летит свободно. Когда ветра нет, запускающему приходится пробежать немного с леером, чтобы модель и в безветрие поднялась примерно на ту же высоту. Если модель попадет в восходящий воздушный поток, она не станет снижаться и даже может начать набирать высоту.

Модели планеров бывают разного размера. В авиамодельном спорте наиболее распространены два типа моделей: «А-2» и «А-1». «А-2» — большая модель, с размахом крыльев около двух метров. Такие модели, если они хорошо отрегулированы, летают по две—три минуты, а иногда могут даже совсем скрыться из виду. Но они сложны, построить их могут только опытные авиамоделисты.

Вам, ребята, мы советуем заняться постройкой не таких больших и более простых моделей — «А-1». Размах крыла этой модели — 1 000—1 200 миллиметров, и летает она в среднем от одной до двух минут. К этим моделям предъявляется одно непременное требование: суммарная площадь крыла и стабилизатора ее должна быть не больше 18 квадратных дециметров, а вес в полете — не меньше 220 граммов.

Редакция журнала «Крылья Родины» с 1 января 1959 года по 1 ноября 1959 года проводит всесоюзные заочные состязания на лучшие полеты модели планера типа «А-1». И вы, ребята, сможете принять участие в них. Для этого вам придется построить простую модель планера «Пионер» типа «А-1». Описание ее мы даем здесь.

Изготовив модель и отрегулировав ее, обратитесь в школьный комитет ДОСААФ, чтобы засвидетельствовать полеты модели. Запускать ее надо на поле или на лужайке пять раз в течение одного дня. При этом должны обязательно присутствовать представитель школьного комитета ДОСААФ и по возможности спортивный судья по авиамоделизму. Такие судьи есть в районном комитете ДОСААФ либо на станции юных техников.

Продолжительность каждого полета фиксируется по секундомеру или по секундной стрелке часов, начиная с того момента, когда леер отделится от модели, и до момента приземления. Если модель летала за один полет дольше 3 минут, все равно за этот полет засчитывается 3 минуты (180 секунд). Запишите продолжительность каждого полета. Запись должна быть заверена подписью председателя школьного комитета ДОСААФ и школьной печатью. Кроме того, надо начертить вид модели спереди, сбоку и сверху (в трех проекциях) в масштабе не меньше чем один к двум, а также сфотографировать модель. Размер фото — 9 × 12 сантиметров.

Все эти документы посылайте до 1 ноября 1959 года по такому адресу: Москва, Б-66, Ново-Рязанская улица, 26. Редакция журнала «Крылья Родины». На конверте напишите: «На заочные состязания».

Авиамодельсты, чьи модели покажут наибольшую суммарную продолжительность во время пяти полетов, получат следующие премии:

1-я премия — велосипед.

2-я премия — наручные часы.

3-я премия — подписка на журналы «Крылья Родины», «Юный техник» или «Пионер» на 1960 год и набор авиамодельных материалов.

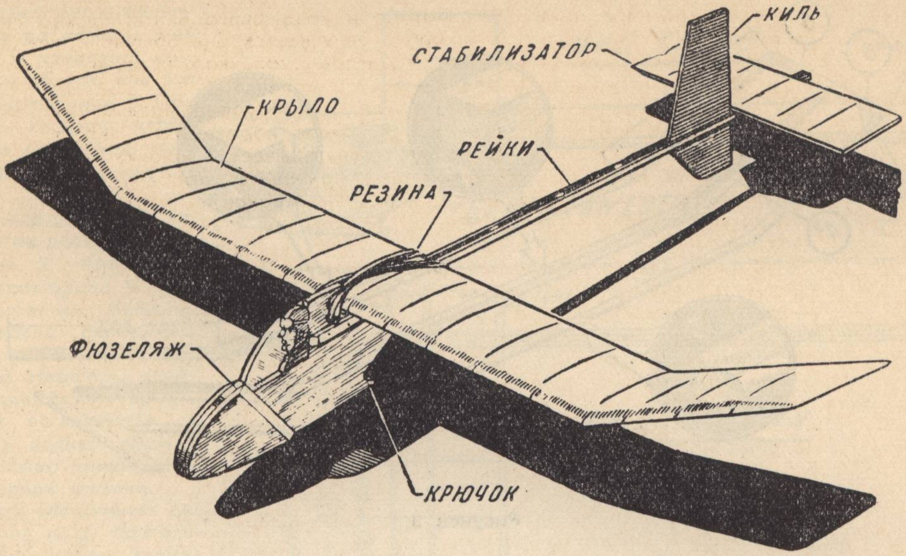

Рисунок 1.

Модель планера «Пионер»

Для постройки модели (рис. 1) заранее заготовьте следующие материалы-заготовки:

1. 18 пластинок из фанеры толщиной 1 мм или 1,5 мм или из картона толщиной 2 мм; размер каждой пластинки — 130×10 мм.

2. Сосновую рейку сечением 12×3 мм, длиной 1 110 мм.

3. Сосновую рейку сечением 5×4 мм, длиной 1 110 мм.

4 а. Сосновую рейку сечением 7×7 мм, длиной 650 мм.

4 б. 4 сосновые рейки сечением 7×3 мм, длиной каждая —250 мм.

5. 2 сосновые рейки сечением 10×2 мм, длиной 130 мм каждая.

6. 2 листа писчей бумаги.

7. 1 лист фанеры толщиной 3 мм или плотного картона толщиной 4 мм размером 340×120 мм.

8. Лист фанеры толщиной 3 мм или плотного картона размером 200×100 мм.

9. 2 сосновые рейки сечением 10×3 мм, длиной каждая 700 мм.

10. Сосновую пластинку толщиной 3 мм, размером 25×15 мм.

11. Сосновую рейку сечением 10×3 мм, длиной 130 мм.

12. Сосновую рейку сечением 5×2 мм, длиной 150 мм.

13. Сосновую рейку сечением 5×2 мм, длиной 120 мм.

14. 5 сосновых реек сечением 3×2 мм, длиной каждая 90 мм.

15. Сосновую пластинку толщиной 2 мм, размером 100×25 мм.

16. 2 сосновые рейки сечением 3×2 мм, длиной каждая 400 мм.

17. Сосновую рейку сечением 3×2 мм, длиной 85 мм.

18. Сосновый брусочек сечением 5×3 мм, длиной 120 мм.

19. 2 листа папиросной бумаги 400×500 мм для обтяжки крыла и оперения.

20. Дубовый или бамбуковый штырек длиной 25 мм, диаметром 4 мм.

21. Резиновую ленту сечением 1×4 мм, длиной 1 500 мм.

22. 30 гвоздей длиной 8 мм.

23. Нитроклей, его можно заменить казеиновым или даже столярным.

24. Суровую нитку длиной 50 м для леера с кольцом на конце, сделанным из проволоки толщиной 1 мм.

Перед кольцом к лееру крепится треугольный флажок из материи длиной 300—400 мм и шириной 50 мм.

На всех рисунках и в тексте детали обозначаются одной и той же цифрой. Каждая деталь делается из заготовки. Чтобы узнать размеры заготовки, из которой надо делать деталь, отыщите в списке заготовок цифру, которой обозначена деталь.

Крыло

По шаблону 1 (рис. 2), вырезанному из картона, надо по возможности точнее острым ножом или лобзиком вырезать из фанеры или из картона 18 нервюр, придающих крылу определенный профиль. Для удобства все 18 заготовок лучше заранее сбить гвоздиками в стопку и выпиливать все нервюры одновременно.

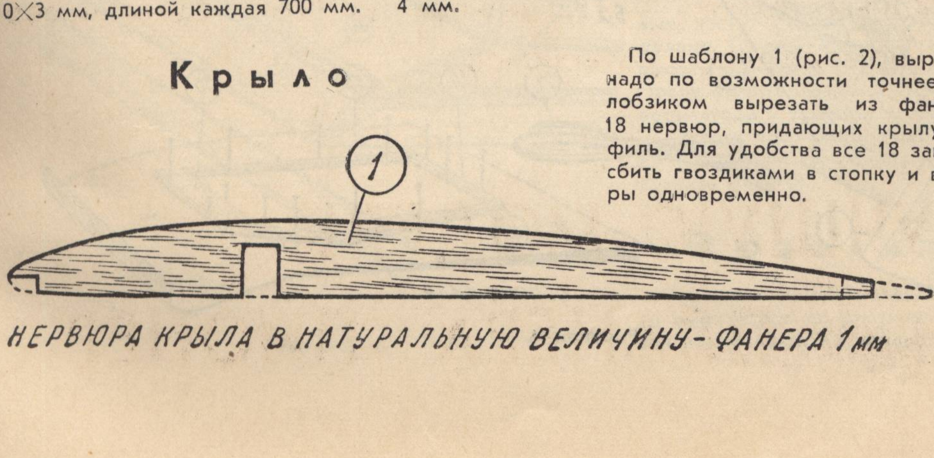

Рисунок 2.

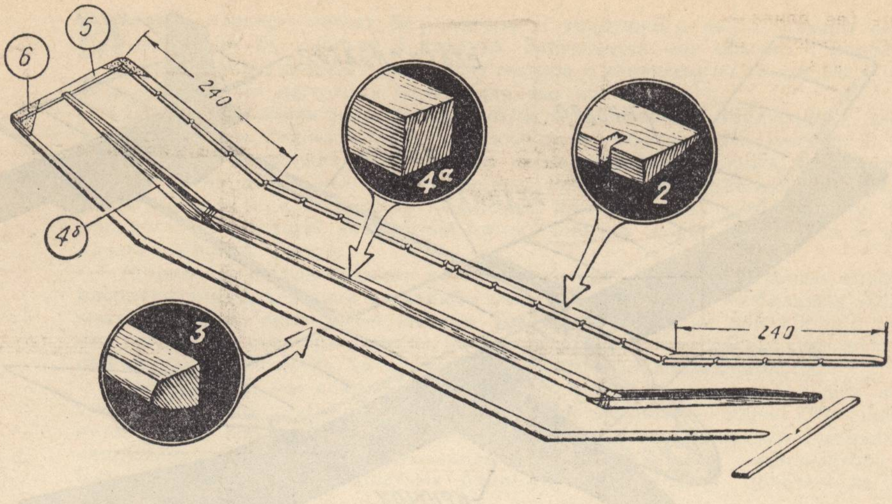

Рисунок 3.

Затем для задней кромки 2 надо заготовленную рейку сострогать рубанком на треугольное сечение и изогнуть ее над огнем спиртовки или керосиновой лампы в двух местах, отступив по 240 мм от каждого конца так, чтобы концы рейки слева и справа были бы подняты на 140 мм от середины. Перед сгибанием места изгибов смочите водой.

После этого в местах расположения нервюр (рис. 3) сделайте ножовкой прорези глубиной 2 мм и шириной 1 мм (рис. 2).

Передняя кромка 3 изготавливается из сосновой рейки; она изгибается точно так же, как и задняя кромка. Затем из реек 4а и 4б собирается основная продольная деталь крыла — лонжерон 4. Рейку 4а

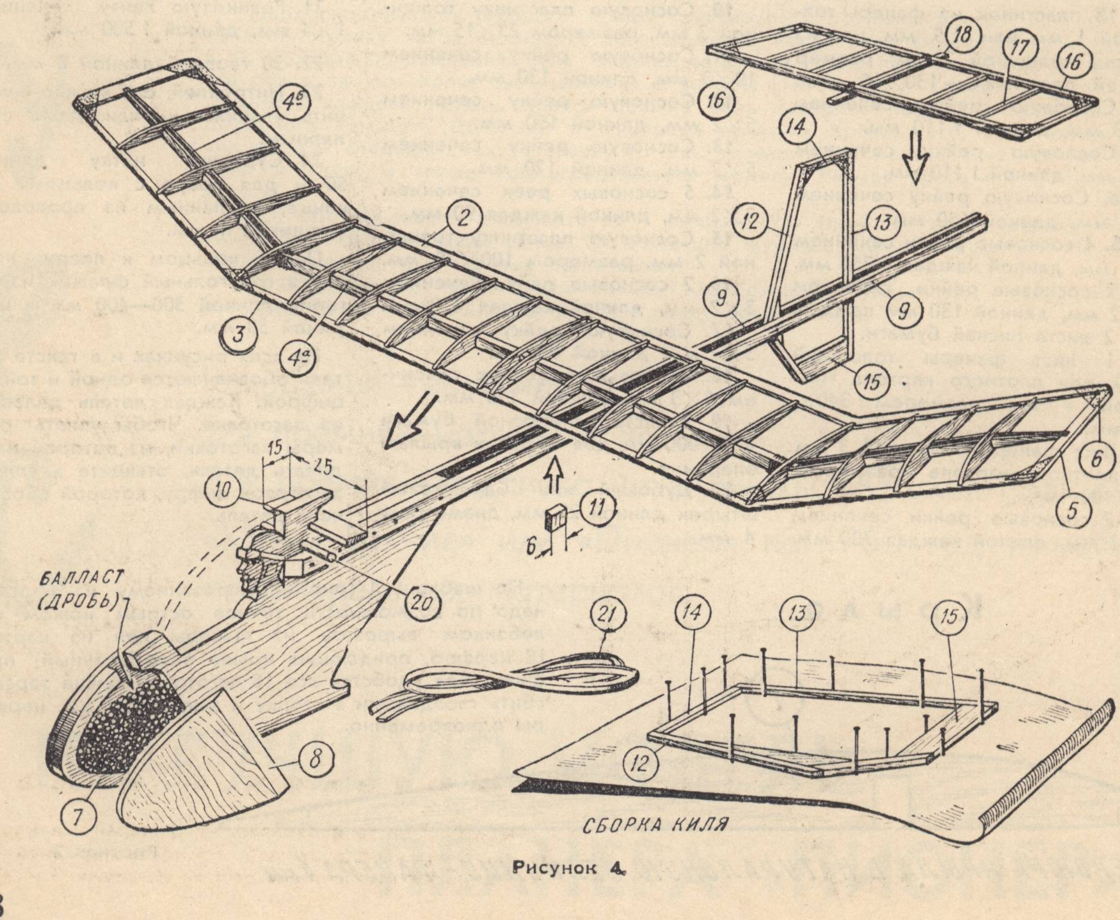

Рисунок 4.

надо обрезать (ее длина — 650 мм) и по концам ее приклеить и привязать нитками рейки 4б так, как это показано на рисунке 3. При этом надо следить, чтобы концы этих реек были приподняты на 140 мм над серединой.

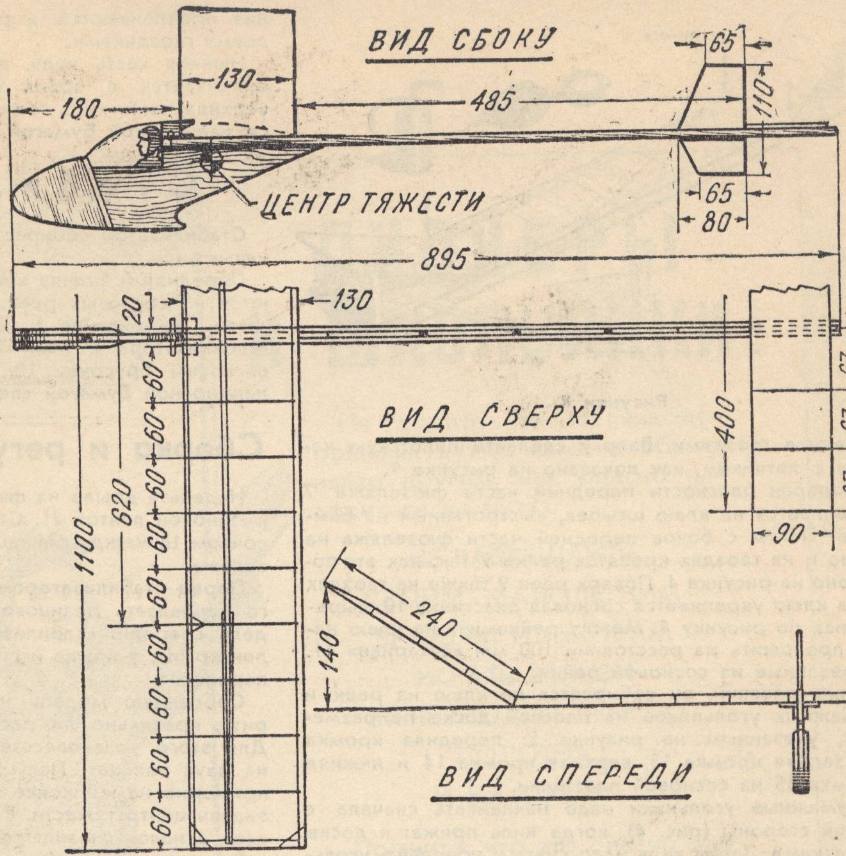

Рисунок 5.

Теперь надо разметить карандашом на доске по чертежу (рис. 5) положение нервюр, лонжерона и кромок и укрепить булавками на доске переднюю, заднюю кромки и лонжероны (рис. 6). Нервюры надеваются поверх лонжерона, концы их вставляются в прорези в задней кромке и носки плотно прижимаются к передней кромке.

Все места соединения деталей крыла надо тщательно смазывать клеем. Задняя и передняя кромки соединяются на клею под прямым углом рейкой 5, концы которой крепятся к задней и передней кромкам посредством бумажных накладок 6. Для жесткости в месте перелома передней кромки крыла надо наклеить бумажные угольники.

После того как клей высох, надо, вынув булавки, снять крыло с доски и острым ножом срезать одну грань передней кромки так, чтобы передняя кромка не выступала за контур профиля. Затем проверить, не перекошено ли крыло. Если есть перекос, его можно устранить, изгибая крыло над электроплиткой.

Далее крыло надо обтянуть папиросной бумагой 19. Прямую центральную часть крыла и концевые части, отогнутые кверху, надо обтягивать отдельно. Причем верх и низ этих частей тоже обтягиваются отдельно: сначала низ, а затем верх (рис. 7). После обтяжки надо спрыснуть крыло водой из пульверизатора и уложить его на ровную доску, под концы крыла проложить подпорки, к ним прижать крыло какими-нибудь грузами и в таком виде оставить сохнуть (рис. 8).

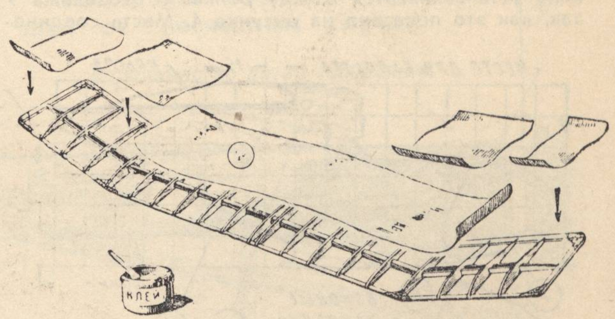

Рисунок 7.

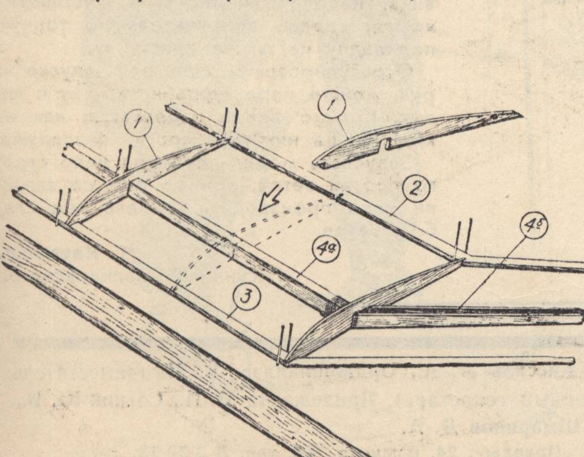

Рисунок 6.

Фюзеляж и киль

Передняя часть фюзеляжа из фанеры или картона вырезается по рисунку 9. На носок передней части наклеиваются с обеих сторон накладки 8 и схва-

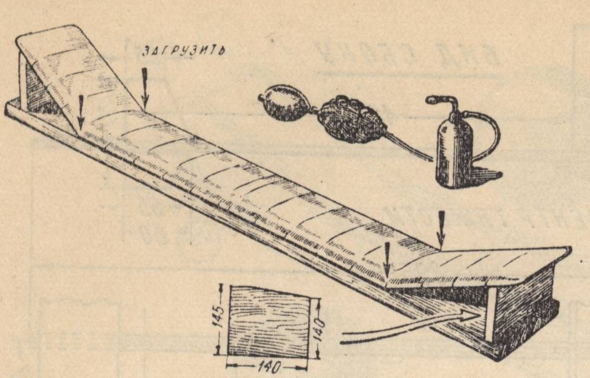

Рисунок 8.

тываются гвоздями. Вверху сделайте пилотскую кабину с летчиком, как показано на рисунке 9.

Поперек плоскости передней части фюзеляжа 7 укрепляется на клею штырек, выстроганный из бамбука. Потом с боков передней части фюзеляжа на клею и на гвоздях крепятся рейки 9 так, как это показано на рисунке 4. Поверх реек 9 также на гвоздях и на клею укрепляется сосновая пластинка 10, вырезанная по рисунку 4. Между рейками 9 на клею надо проложить на расстоянии 100 мм «сухарики» 11, вырезанные из сосновой рейки.

Киль плоский, он собирается на клею из реек и бумажных угольников на плоской доске по размерам, указанным на рисунке 5: передняя кромка 12, задняя кромка 13, верхняя кромка 14 и нижняя кромка 15 из сосновой пластинки.

Бумажные угольники надо наклеивать сначала с одной стороны (рис. 4), когда киль прижат к доске булавками. Затем киль надо снять и приклеить угольники симметрично с другой стороны. Собранный киль устанавливается между рейками фюзеляжа 9 так, как это показано на рисунке 4. Места соединения проклеиваются, и рейки соединяются с килем двумя гвоздиками.

Нижняя часть киля, выступающая под рейками, оклеивается с обеих сторон писчей бумагой, а верхняя часть киля тоже с обеих сторон обтягивается папиросной бумагой.

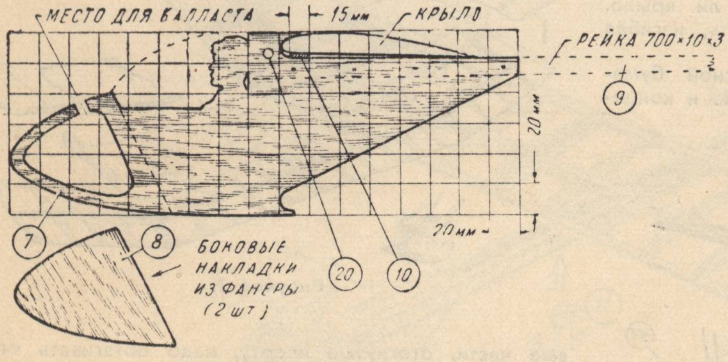

Рисунок 9.

Стабилизатор

Стабилизатор собирается на ровной доске так же, как и киль.

Передняя и задняя кромки 16 и нервюры 17 делаются из сосновых реек. Размеры стабилизатора показаны на рисунке 5. Для крепления к фюзеляжу стабилизатора к нему клеем и нитками крепится сосновый брусочек 18. Стабилизатор обтягивается папиросной бумагой сверху сплошным листом.

Сборка и регулировка модели

Наденьте крыло на фюзеляж и туго прижмите его резиновой лентой 21. Стабилизатор вставляется брусочком 18 между рейками 9 и хвостовой частью фюзеляжа.

Перед стабилизатором и за ним рейки 9 надо туго перевязать резиновой лентой. Поглядите на модель спереди: стабилизатор должен быть параллелен крылу, у крыла и стабилизатора не должно быть перекосов.

Собранную модель надо уравновесить и проверить, правильно ли расположен ее центр тяжести. Для этого уравновесьте модель, удерживая крыло на двух пальцах. Пальцы ваши должны находиться примерно на кружочке, которым на рисунке 5 обозначен центр тяжести. Если хвост модели перевешивает, в носок фюзеляжа насыпьте дроби.

Регулировать модель надо сначала над травой или над снегом, запуская ее с колена легким толчком, а затем уже переходить на запуск из рук с полного роста. Если модель задирает нос при запуске, следует понемногу прибавлять загрузку в носок фюзеляжа или несколько уменьшить угол установки крыла, слегка подрезав сверху пластинку 10.

Если же модель летит круто носом вниз, надо увеличить угол установки крыла, сделав дополнительную тонкую подкладку на ту же пластинку.

Отрегулировав модель при запуске из рук, можно переходить к запуску с леера. Кольцо леера надевается, как на крючок, на нижний «рог» фюзеляжа.

Запускать модель с леера надо строго против ветра, причем первые запуски надо производить сначала при слабом ветре.

И. Костенко.

Рисунки Г. Малиновского.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

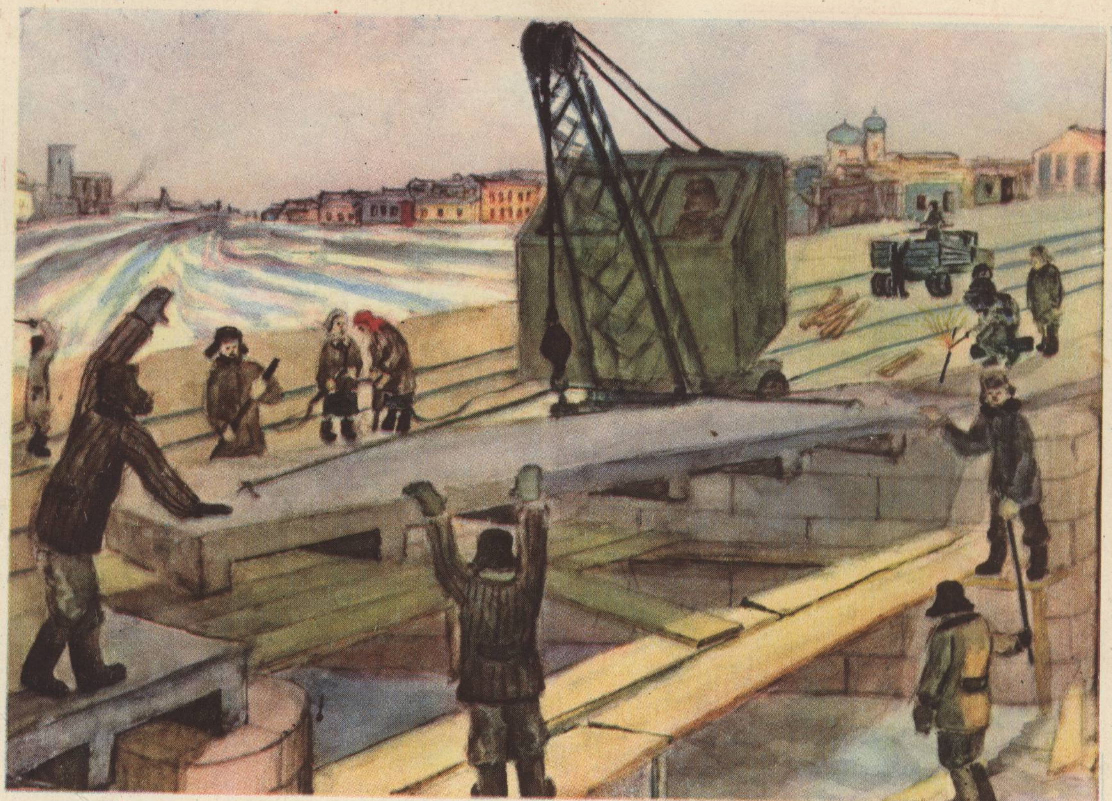
А 00621. Подписано к печати 2/II 1959 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 248. Заказ № 3128.

Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ!
Не ходите по железнодорожным путям сами и объясняйте другим, как опасно находиться на путях.
НЕ РАЗРЕШАЙТЕ СВОИМ МАЛОЛЕТНИМ БРАТЬЯМ И СЕСТРАМ ИГРАТЬ ВБЛИЗИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОЛОТНА И НА ПУТЯХ.
Помните, что это опасно для жизни.
Оберегайте себя и товарищей от несчастных случаев.
Министерство путей сообщения.

Цена 2 р. 50 к.

РЕКОНСТРУКЦИЯ МОСТА.

Владимир Неволин.
Челябинск.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К КОНЦЕРТУ.

Владимир Вольский.
Сталинград.